КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

КНЯЗЬ СВЕТА

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

Мастер снов
Роджер Желязны

Аннотация
Роджер Желязны. МАСТЕР СНОВ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5

Аннотация

Конец XX века. Врач-нейросоучастник Чарльз Рендер помогает своим пациентам посредством моделирования их снов и фантазий. Он берется излечить от желания видеть слепую от рождения Эйлин Шалотт, но лечение идет не так, как планировал доктор Рендер.

Роджер Желязны
МАСТЕР СНОВ

Глава 1

Как бы ни было это восхитительно, с кровью и всем прочим, Рендер сознавал, что дело идет к концу.

«Значит, каждая микросекунда стоит минуты, — решил он, — и, возможно, следовало бы повысить напряженность…»

Где-то, на периферии всего, тьма остановила свое наступление. Нечто, как бы крещендо подсознательного грома, застыло на яростной ноте. Эта нота была квинтэссенцией стыда и боли.

Форум задержал дыхание.

Цезарь трусливо сжался за пределами неистовствующего круга. Он рукой прикрывал глаза, но так, что это не мешало ему видеть.

Лиц у сенаторов не было, и одежды их были запятнаны кровью, и голоса их напоминали крики птиц. С нечеловеческой неистовостью они вонзали кинжалы в поверженное тело.

Все, кроме Рендера.

Лужа крови, посреди которой он стоял, продолжала расширяться. Его рука тоже поднималась и опускалась с регулярностью механизма, и горло

его могло издавать птичьи крики, но он был одновременно и частью сцены, и вне ее.

Ибо он был Рендером, Творцом.

Скорчившись, испытывая муку и зависть, Цезарь сквозь плач выкрикивал протесты:

— Ты убил его! Ты убил Марка Антония, безвинного и безобидного парня!

Рендер повернулся к нему. Кинжал в его руке был огромен и покрыт запекшейся кровью.

— Да! — сказал он.

Острие лезвия двигалось из стороны в сторону. Цезарь, зачарованный отточенной сталью, покачивался в том же ритме.

— Зачем? — закричал он. — Зачем?

— Потому что, — ответил Рендер, — он был более благородным римлянином, чем ты.

— Ты лжешь! Это не так!

Рендер пожал плечами и повернулся к бойне.

— Это неправда! — кричал Цезарь. — Неправда!

Рендер снова повернулся к нему и помахал кинжалом. Цезарь, словно марионетка, копировал его колебания.

— Неправда? — Рендер улыбнулся. — А кто ты такой, чтобы спрашивать? Величие происходящего значительно выше тебя. Уходи!

Человек с порозовевшим лицом одним прыжком поднялся на ноги. Волосы его были местами прилизаны, местами торчали, как пакля. Он повернулся и пошел прочь, оглядываясь через плечо.

Хотя он отошел далеко от круга убийц, сцена не уменьшилась в размерах. Она по-прежнему выглядела изумительно отчетливо. Это создавало у Цезаря ощущение, что чем дальше он отходит, тем более одинок и отстранен.

Рендер повернул за несуществующий угол — и вновь оказался перед Цезарем в виде слепого нищего.

Цезарь стискивал полы своей одежды.

— У тебя есть для меня на сегодня дурное предзнаменование?

— Берегись! — насмешливо выкрикнул Рендер.

— Да! Да! — закричал Цезарь. — «Берегись!» — это хорошо. Но чего беречься?

— Ид…

— Да? Ид?.. Каких?

— Октябрьских.

— О чем ты говоришь? Что такое октябрь?

— Месяц.

— Ты лжешь. Такого месяца нет.

— Дата, которую должен бояться благородный

Цезарь — в несуществующем времени и не отмечена на календарях.

Рендер исчез, как бы снова свернув за несуществующий угол.

— Подожди! Вернись!

Рендер засмеялся, и Форум засмеялся вместе с ним. Птичьи крики стали хором нечеловеческой насмешки.

— Вы смеетесь надо мной! — всхлипнув, выкрикнул Цезарь.

Форум был разогрет как печь, и испарина стекловидной маской покрывала лоб Цезаря, его острый нос и слабо выраженный подбородок.

— Я хочу, чтобы меня тоже убили! — Он рыдал. — Все это несправедливо!

И в этот момент Рендер разметал Форум, сенаторов и оскалившегося мертвого Антония на клочки и смел их в черный мешок. Последним исчез Цезарь.

Чарльз Рендер сидел перед девятью десятками белых кнопок и двумя красными, но не смотрел ни на одну из них. Его правая рука бесшумно скользила по гладкой поверхности консоли, нажимая одни кнопки, пропуская другие, двигаясь дальше по пути, создающему Последовательность Возвращения.

Ощущения тускнели, эмоции сходили на нет. Член палаты представителей Эриксон погружался в негу материнской утробы.

Мягкий щелчок.

Рука Рендера в своем движении дошла до конца нижнего ряда. Для пробуждения сознания и воли теперь требовалось нажать красную кнопку.

Рендер убрал руку с панели и снял корону, словно украшенную волосами Медузы — проводами и миниатюрной электроникой. Затем соскользнул со своего специально оборудованного ложа и поднял крышку. Подойдя к окну, сделал его прозрачным и взял сигарету.

«*Дам одну минуту неги в утробе,* — решил он. — *Не больше. Это критично… Будем надеяться, что прямо сейчас снег не пойдет, хотя эти тучи…*»

Под глинистого цвета небом слабо светились аккуратные желтые линии и высокие башни; город состоял из вулканических островов, уходящих глубоко под землю, обтекаемых нескончаемыми потоками спешащего транспорта.

Рендер отвернулся от окна и подошел к громадному «яйцу», гладкому и сверкающему, лежавшему возле его стола. На его поверхности было искаженное отражение, смазавшее гор-

бинку носа Рендера, сделавшее его глаза серыми блюдцами, трансформировавшее волосы в прочерченный молнией горизонт; красноватый галстук казался широким языком вампира.

Рендер улыбнулся, потянулся через стол и нажал вторую красную кнопку.

«Яйцо» со вздохом утратило свою зеркальную непрозрачность. В середине его появилась горизонтальная трещина. Через просвечивающую теперь скорлупу Рендер увидел, как Эриксон гримасничает и плотнее сжимает веки, борясь с возвращением сознания и всем тем, что оно с собой несет. Верхняя половина «яйца» поднялась вертикально на свое место в неактивном положении, открывая розового Эриксона, лежащего в нижней раковине. Когда глаза члена палаты представителей открылись, он не посмотрел на Рендера, а быстро поднялся на ноги и принялся одеваться. Рендер воспользовался этим временем, чтобы проверить колыбель. Он снова наклонился над столом и стал нажимать кнопки: температурный контроль, полный спектр — ПРОВЕРЕНО; экзотические звуки — он поднял наушники — ПРОВЕРЕНО на колокольчики, жужжание, на ноты скрипки и свист, на крики и стоны, на шум дорожного движения и звук

прибоя; цепь обратной связи, содержащую собственный голос пациента, который был записан при обследовании — ПРОВЕРЕНО; смешение звуков, брызги влаги, запах — ПРОВЕРЕНО; цветные молнии, возбудители вкусовых ощущений…

Рендер закрыл «яйцо» и выключил его. Затолкнул агрегат в стенной шкаф, ладонью прихлопнул дверцу. Лента зарегистрировала нужную последовательность.

— Садитесь, — сказал он Эриксону.

Тот сел, суетливо дергая шеей.

— У вас было полноценное осмысление происходящего, — сказал Рендер, — так что мне не требуется подводить резюме событиям. От меня ничто не скрылось. Я был там.

Эриксон кивнул.

— Смысл эпизода должен быть вам ясен.

Эриксон снова кивнул и, наконец, обрел голос.

— Но это действительно было? — спросил он. — Я имею в виду, что вы конструировали сон и все время контролировали его. Я ведь не просто видел это во сне — ну, как если бы нормально спал. Вы нагромоздили события для чего-то, на что хотели указать — верно?

Рендер медленно покачал головой, стряхнул пепел в южное полушарие шарообразной пепель-

ницы и встретился взглядом с Эриксоном.

— Это правда, я устанавливаю общие черты ситуации и создаю формы. Но именно вы наполнили их эмоциональным содержанием, продвинули их к статусу символов, соответствующих вашей проблеме. Если бы сон не был действительной аналогией, он не вызвал бы такой реакции. Был бы лишен того тревожного рисунка, который зарегистрировала лента.

Вы анализируетесь вот уже много месяцев, — продолжал Рендер, — но все, что я узнал, не могло убедить меня в том, что ваша боязнь быть убитым имеет под собой фактические основания.

Эриксон уставился на него.

— Тогда какого же дьявола эта боязнь у меня есть?

— Потому что, — ответил Рендер, — вам очень хотелось бы стать объектом убийства.

Эриксон улыбнулся. К нему начало возвращаться хладнокровие.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не помышлял о самоубийстве и не имею намерения прекратить жить. — Он закурил. Руки его дрожали.

— Когда вы пришли ко мне летом, то уверяли, что боитесь покушения на свою жизнь. Но затруднялись ответить, почему кто-то мог хотеть

убить вас…

— Мое положение! Невозможно быть членом палаты представителей и не иметь врагов!

— И все же, — возразил Рендер, — вы, похоже, ухитрились не иметь их. Когда вы позволили мне поговорить с вашими детективами, я узнал, что они не откопали никаких свидетельств того, что ваши опасения имеют хоть какое-то реальное основание. Никаких.

— Они слишком близоруки или копали не там, где надо. Видимо, они что-то пропустили.

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Повторяю: потому что ваши предчувствия не имеют никакого реального основания. Будьте честны со мной: получалили ли вы откуда бы то ни было информацию, что кто-то вас так ненавидит, что хочет убить?

— Я получаю множество угрожающих писем…

— Как все члены палаты представителей… но все угрожающие письма, направленные вам в течение прошлого года, расследовались, и было установлено, что это работа разных чокнутых. Можете вы предложить мне хоть *одно* доказательство, подтверждающее ваши заявления?

Эриксон рассматривал кончик своей сигары.

— Я пришел к вам по совету одного коллеги. Пришел к вам, чтобы вы порылись в моем мозгу и нашли что-то такое, чтобы моим детективам было с чем работать. Может, я кого-то сильно оскорбил, или неудачно применил закон, имея дело с…

— …но я ничего не нашел, — сказал Рендер, — ничего, кроме причины вашего недовольства. Сейчас, конечно, вы боитесь услышать ее и пытаетесь отвести меня от объяснения моего диагноза…

— Нет, не буду!

— Тогда слушайте. Потом можете комментировать, если хотите, но вы проявляли любопытство и тратили здесь время, не желая принять то, что я предлагал вам в десятке разных форм. Теперь я хочу сказать вам прямо, в чем дело, и делайте с этим, что хотите.

— Прекрасно…

— Во-первых, вы очень хотели бы иметь множество врагов обоего пола…

— Это смешно!

— …потому что это единственная альтернатива при невозможности иметь друзей…

— У меня куча друзей!

— …потому что никому не хочется быть полно-

стью игнорируемым, быть тем, к кому никто не испытывает по-настоящему сильных чувств. Любовь и ненависть — высшие формы человеческих отношений. Не имея первой и не в силах добиться ее, вы желаете второй формы. Вы так сильно желали ее, что убедили себя в ее существовании. Но подобное не проходит бесследно для психики. Подлинная эмоциональная нужда, отвечая телу суррогатом желания, не приносит реального удовлетворения, а дает тревогу и дискомфорт, потому что в этих делах психика должна быть открытой системой. Вы не ищете человеческих отношений вне себя самого. Вы закрыты. То, в чем вы нуждаетесь, вы творите из материала собственного «я». Вы человек, очень сильно нуждающийся в крепких связях с другими людьми.

— Дерьмо!

— Можете принять это или отвергнуть, — сказал Рендер. — Я советую вам принять.

— Я платил вам полгода, чтобы вы обнаружили, кто хочет убить меня. А вы теперь говорите, что я все выдумал, чтобы удовлетворить свое желание иметь кого-то, ненавидящего меня.

— Ненавидящего или любящего. Именно так.

— Это абсурд! Я регулярно встречаюсь с таким количеством людей, что даже ношу в кармане

записывающий аппарат и камеру на лацкане, чтобы иметь возможность запомнить их всех…

— Я говорю не о том, чтобы встречаться со множеством людей. Скажите, эта последовательность сновидений много ли значила для вас?

Эриксон молчал в течение нескольких тиканий больших настенных часов.

— Да, — наконец сознался он. — Много. Но все равно, ваша интерпретация этого — абсурд. Но допустим, просто ради обсуждения, что ваши слова справедливы; что я должен делать, чтобы избавиться от этих снов?

Рендер откинулся в кресле.

— Пустите энергию, которая произвела это, по новому пути. Встречайтесь с некоторыми людьми не как член палаты, а просто как Джо Эриксон. Делайте вместе с другими что-нибудь не относящееся к политике, скажем, в чем-то соревнуйтесь — так вы сможете создать себе несколько настоящих друзей или врагов, желательно друзей. Я все время вас к этому подталкивал.

— В таком случае, скажите мне кое-что еще.

— Охотно.

— Допустим, вы правы; так почему я никогда не любил и не ненавидел никого, и почему меня — тоже никто? Я занимаю ответственный пост в

правительстве; я все время встречаюсь с людьми; почему же я такой… нейтральный?

Хорошо знакомый теперь с карьерой Эриксона, Рендер отогнал свои истинные мысли на этот счет, потому что они не имели непосредственной полезности. Он хотел бы процитировать Эриксону замечание Данте насчет тех душ, которые, не имея добродетелей, отрицают небо, а по недостатку существенных пороков отрицают также и ад; они поднимают паруса и идут, куда несет их ветер времени, без направления, без реального представления, к какому порту они прибьются. Такова была долгая и бесцветная карьера Эриксона, карьера мигрирующей преданности, политических перемен. Но вместо этого Рендер сказал:

— В наше время все больше и больше людей оказывается в таких обстоятельствах. Это происходит из-за растущей сложности общества и обезличивания индивидуума, превращающегося в деталь общественной структуры. В результате даже влечение к другим особям становится скорее вынужденным. Сейчас таких много.

Эриксон кивнул, и Рендер внутренне улыбнулся.

«*Иногда нужна грубая линия, а затем нота-*

ция», — подумал он.

— У меня такое чувство, что вы, может, и правы, — сказал Эриксон. — Иногда я и в самом деле чувствую то, что вы только что описали — деталь, нечто безличное…

Рендер глянул на часы.

— Как вы поступите, выйдя отсюда — конечно, решать вам. Я думаю, что продолжать анализ будет пустой тратой времени. Теперь мы оба знаем причину ваших жалоб. Я не могу водить вас за ручку и подсказывать, как вам строить свою жизнь. Я могу посоветовать, посочувствовать, но без глубокого зондирования. Договоритесь о встрече, когда почувствуете необходимость поговорить о вашей деятельности и соотнести ее с моим диагнозом.

— Обязательно, — кивнул Эриксон. — Черт побери этот сон! Он захватил меня. Вы делаете их такими же живыми, как сама жизнь… даже еще более живыми… Наверное, я не скоро забуду его.

— Надеюсь на это.

— Хорошо, доктор. — Эриксон встал и протянул руку. — Вероятно, вернусь через пару недель. Попробую сделать честную попытку к общению. — Он ухмыльнулся при этих словах, от которых обычно хмурился. — В сущности, начну

немедленно. Могу я угостить вас выпивкой внизу, за углом?

Рендер пожал влажную руку, утомленную действием, как у ведущего актера после очень удачной игры, и почти с сожалением сказал:

— Благодарю, но у меня назначена встреча.

Он помог Эриксону надеть пальто, подал ему шляпу и проводил до двери.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Когда дверь бесшумно закрылась, Рендер снова прошел к своей крепости красного дерева и затушил сигарету в южном полушарии. Он откинулся в кресле, заложил руки за голову и закрыл глаза.

— Конечно, он более реален, чем жизнь, — сказал он в пространство. — Ведь я *создал* его.

Улыбаясь, он снова просмотрел шаг за шагом последовательность сцен, жалея, что никто из его учителей не мог быть свидетелем. Сон был хорошо сконструирован, мощно реализован и точно соответствовал данному случаю. Но ведь он Рендер, Творец, один из двухсот особых аналитиков, чья психика позволяла входить в невротические системы и выносить оттуда только эстетическое удовлетворение имитацией отклонения, — Разумный Шляпник.

Рендер покопался в своих воспоминаниях. Его самого тоже анализировали и, как гранитно-волевого, ультрапрочного аутсайдера, заставляли переносить ядовитый газ фиксации, и он прошел невредимым через химеры искажений, заставив темную Мать Медузу закрыть глаза перед кадуцеем его искусства.

Анализ его самого был гораздо проще. Девять лет назад (как давно это было!) он добровольно подвергся новокаиновой инъекции в самую болезненную область своей души. Это было после автокатастрофы, когда погибли Рут и их дочь Миранда, и он хотел выйти из игры. Возможно, он не хотел вновь обрести переживания; возможно, его собственный мир теперь базировался на некоторой черствости в чувствах. Но если и так, он достаточно хорошо разбирался в работе сознания, чтобы понять это, и, видимо, решил, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру было теперь десять лет. Он учился в хорошей школе и писал отцу каждую неделю. Письма постепенно становились грамотными, показывали признаки раннего развития, чему Рендер мог только радоваться. Он собирался взять мальчика на лето с собой в Европу.

Что касается Джил — Джил ДеВилл (какая же

вычурная, смешная фамилия — он и любил ее за эту фамилию), то она увлекала его все сильнее и сильнее. Он иногда задумывался, не признак ли это преждевременной старости. Его привлекал ее немузыкальный голос, ее внезапный интерес к архитектуре, ее беспокойство по поводу неизлечимой родинки на правой стороне ее во всех других отношениях красивого носа. Сейчас следовало бы немедленно позвонить ей и отправиться на поиски нового ресторана, но почему-то не хотелось.

Он уже несколько недель не был в своем клубе «Куропатка и Скальпель» и сейчас испытывал желание поесть за дубовым столиком один, в многоярусном зале с тремя каминами, под искусственными факелами и кабаньими головами, как на этикетке джина. И потому он сунул свою членскую карточку с перфорацией в прорезь телефона на столе, и позади голосового экрана дважды прожужжало.

— «Куропатка и Скальпель», — сказал голос, — чем могу служить?

— Говорит Чарльз Рендер, — сказал он. — Я хотел бы столик примерно через полчаса.

— На сколько человек?

— На меня одного.

— Очень хорошо, сэр. Значит, через полчаса. Рендер? Р-е-н-д-е-р?

— Правильно.

— Спасибо.

Он выключил связь и встал. Снаружи день уже начал тускнеть. Монолиты и башни теперь отбрасывали собственный свет. Мягкий снег, похожий на сахар, падал вниз и превращался в капли на оконных стеклах.

Рендер влез в пальто, выключил свет, запер внутреннюю дверь из приемной. На книге записей миссис Хиджс лежала записка. «Звонила мисс ДеВилл». Он скомкал записку и бросил в мусоропровод. Придется позвонить ей завтра и сказать, что работал допоздна над лекцией.

Он выключил последний свет, надел шляпу, вышел и запер за собой наружную дверь. Лифт доставил его в подземный гараж, где была припаркована его машина.

Здесь было холодно, и его шаги гулко отдавались по цементу. В ярком свете его спиннер «С-7» казался гладким серым коконом, из которого вот-вот появятся буйные крылья. Два ряда антенн, веером склоняющихся вперед над капотом, усиливали это впечатление. Рендер прижал большой палец к дверце.

Усевшись, он включил зажигание, и раздалось жужжанье одинокой пчелы, проснувшейся в большом улье. Дверца бесшумно закрылась, когда он поднял руль и зафиксировал его в положении для вождения. Покрутившись по спиральному скату, он подъехал к двери перед выходом наружу.

Когда дверь с грохотом поднялась, он включил экран назначения и стал крутить ручку, управляющую отображением карты. Слева направо, сверху вниз он сменял секцию за секцией, пока не нашел часть Карнеги-авеню, где хотел оказаться. Он задал эти координаты и опустил руль. Машина переключилась на монитор и выехала на скоростную полосу шоссе. Рендер закурил.

Отодвинув свое сиденье назад и в центр, он сделал все стекла прозрачными. Приятно было откинуться и смотреть на машины, пролетающие мимо, как рой светлячков. Он сдвинул шляпу на затылок и посмотрел вверх.

Было время, когда он любил снег, когда снег напоминал ему романы Томаса Манна и музыку скандинавских композиторов. Но теперь в его мозгу был другой элемент, от которого он никак не мог полностью отделаться. Он слишком отчетливо видел облачка молочно-белого холода,

кружащиеся вокруг его старой машины с рулевым управлением, текущие в ее оплавленное огнем нутро, чтобы почернеть там; видел ясно, будто бы идет по известковому дну озера к машине — затонувшему обломку — и он, водитель, не может раскрыть рта и заговорить — боится утонуть; и он знает, когда бы ни увидел падающий снег, — что где-то точно так же белеют черепа. Но девять лет вымыли большую часть боли, поэтому он также сознавал очарование этого вечера.

Машина быстро неслась по широкой дороге, проносилась по высоким мостам, чья гладкая поверхность, блестящая в свете фар, была соткана из листьев дикого клевера, ныряла в туннели, где тускло светящиеся стены расплывались как мираж. Наконец Рендер затемнил окна и закрыл глаза.

Он не смог вспомнить, дремал он или нет, и это означало, что скорее всего дремал. Почувствовав, что машина замедляет ход, он подвинул сиденье вперед. Почти тотчас же раздалось жужжание сигнала отключения от монитора. Он поднял руль, въехал в паркинг-купол, остановился у ската и оставил машину в секции, получив талон от обслуживающего бокс робота, который торже-

ственно мстил человеческому роду, показывая картонный язык всем, кого обслуживал.

Как всегда, шум был приглушен, как и освещение. Помещение, казалось, поглощало звук и превращало его в тепло, успокаивало нос и язык вкусными запахами, гипнотизировало ухо потрескиванием живого огня в трех каминах.

Рендер был рад, что ему оставили его любимый столик в углу, справа от меньшего камина. Меню он знал наизусть, но рьяно изучал его, потягивая «манхеттен» и подбирая заказ с соответствии с аппетитом. Сеансы формирования всегда пробуждали в нем волчий голод.

— Доктор Рендер…

— Да? — он поднял глаза.

— С вами желает поговорить доктор Шаллот, — сказал официант.

— Не знаю никакого Шаллота, — сказал Рендер. — Может, ему нужен Бендер? Это хирург из «Метро», он иногда обедает здесь…

Официант покачал головой.

— Нет, сэр, именно Рендер. Вот, взгляните, — он протянул карточку размером три на пять дюймов, на которой было отпечатано заглавными буквами полное имя Рендера. — Доктор Шаллот в последние две недели обедает здесь почти

каждый вечер и всегда спрашивает, не пришли ли вы.

— Хм… — задумался Рендер. — Странно. Почему он не позвонил мне в офис?

Официант сделал неопределенный жест и замер со стандартной улыбкой.

— Ну, ладно, скажите, пусть подойдет, — сказал Рендер, допивая манхеттен, — и принесите мне еще бокал.

— К несчастью, доктор Шаллот не видит, — объяснил официант. — Может быть, проще было бы вам…

— Да, конечно. — Рендер встал, оставляя любимый столик с сильным предчувствием, что сегодня к нему не вернется. — Проводите.

Они прошли между обедающими и поднялись на следующий уровень. Знакомое лицо сказало «Привет!» от столика у стены, и Рендер ответил приветливым кивком одному из учеников его семинара, которого звали не то Юргенс, не то Джирканс, или еще как-то в этом роде.

Он вошел в меньший по размерам зал, где были заняты только два столика. Нет, три. Один стоял в углу у дальнего конца затемненного бара, частично скрытый древними рыцарскими латами. Официант повел Рендера туда.

Они остановились перед столиком, и Рендер уставился на темные очки, которые тут же откинулись вверх. Доктор Шаллот оказалась женщиной чуть старше тридцати. Низкая бронзовая челка не полностью закрывала серебряное пятно на лбу, похожее на кастовую метку. Рендер затянулся дымом, и голова женщины слегка дернулась, когда вспыхнул кончик его сигареты. Она, казалось, смотрела ему прямо в глаза. Он почувствовал себя неловко, хотя знал, что она могла увидеть лишь то, что крошечное фотоэлектрическое устройство передало в соответствующий участок коры мозга по имплантированному тонкому как волос проводку, ведущему от этого преобразователя световых волн: горящую сигарету.

— Доктор Шаллот, это доктор Рендер, — сказал официант.

— Добрый вечер, — сказал Рендер.

— Добрый вечер, — ответила она. — Меня зовут Эйлин, и я страшно хотела встретиться с вами. Вы не пообедаете со мной?

Ему показалось, что голос ее слегка дрогнул.

— С удовольствием, — сказал он, и официант выдвинул ему стул.

Рендер сел и заметил, что женщина уже пьет.

Он напомнил официанту о своем втором манхеттене.

— Вы уже получили заказ? — спросил он у официанта.

— Нет.

— Дайте два меню… — начал он, но прикусил язык.

— Только одно, — улыбнулась женщина.

— Не надо, — поправился он и стал по памяти зачитывать меню вслух.

Они сделали заказ. Она спросила:

— Вы всегда так?

— То есть?

— Держите все меню в голове?

— Только иногда, — сказал он, — для тяжелых случаев. Так о чем вы хотели поговорить со мной?

— Вы врач нейросоучастник, — сказала она. — Творец.

— А вы?

— Я психиатр при госпсихцентре. Мне остался еще год.

— Значит, вы были знакомы с Сэмом Рискомбом.

— Да, он помог мне получить эту работу. Он был моим советником.

— А мне — близким другом. Мы вместе учились у Меннингера.

Она кивнула.

— Я часто слышала от него о вас — это одна из причин, почему я хотела встретиться с вами. Он поддерживал меня в моих планах, несмотря на мой недостаток.

Рендер внимательно оглядел ее. Она была в темно-зеленом вельветовом платье. На корсаже с левой стороны приколота брошь, вероятно, золотая, с красным камнем — возможно, рубином, контур оправы которого напоминал кубок. А может быть, это два профиля, смотрящие друг на друга через камень? В этом было что-то смутно знакомое, но что — он не мог сейчас вспомнить. Камень ярко блестел в слабом освещении.

Рендер принял от официанта свою выпивку.

— Я хочу стать врачом-нейросоучастником, — сказала она. Если бы его собеседница обладала зрением, Рендер подумал бы, что она в упор смотрит на него в надежде получить ответ по выражению его лица. Он не сразу понял, что именно она имеет в виду.

— Приветствую ваш выбор и уважаю ваши стремления, — сказал он, пытаясь выразить в голосе улыбку. — Дело это нелегкое, и одного

только образования здесь недостаточно.

— Знаю. Я слепа от рождения, и мне нелегко было достичь нынешнего положения.

— С рождения? — повторил он. — Я думал, вы недавно потеряли зрение. Значит, вы делали дипломную работу и прошли медицинскую школу без глаз… Просто поразительно.

— Благодарю, но это не совсем так. Я слышала о первых нейросоучастниках — Бартельметце и других — когда была еще ребенком, и тогда же решила, что хочу стать им. И с тех пор моя жизнь подчинена этому желанию.

— Как же вы работали в лабораториях? — допытывался он. — Не видя образец, не глядя в микроскоп… А чтение учебников?

— Я нанимала людей читать мне мои задания. И все записывала на ленту. Все понимали, что меня интересует только психиатрия, и специально договаривались в лабораториях. Лабораторные ассистенты вскрывали трупы и все мне описывали. Я все знаю на ощупь… И память у меня вроде как у вас — на меню. — Она улыбнулась. — Качество феномена психосоучастия может определить только сам врач — в тот момент вне времени и пространства, когда он стоит среди мира, созданного из ткани снов другого человека,

узнает неевклидову архитектуру заблуждения, а затем берет пациента за руку и ведет его по ландшафту… Если он способен отвести пациента обратно в обычный мир — значит, его суждения здравы, его действия имеют ценность.

«Из „Почему у нас нет психометрии“ Чарльза Рендера, доктора медицины», — отметил про себя Рендер.

— А вот и наш обед, — сказал он, поднимая свой бокал, в то время как перед ним ставили быстро приготовленное мясо.

— Это одна из причин, по которой я хотела встретиться с вами, — продолжала она, тоже подняв бокал, когда к ней подвинули блюдо. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Творцом. — Ее туманные глаза, пустые, как у статуи, вновь обратились к нему.

— У вас совершенно уникальное положение, — начал он. — Еще никогда не бывало нейросоучастника, слепого от рождения — по очевидным причинам. Мне надо бы обдумать все аспекты ситуации, прежде чем советовать вам что-либо. Но давайте сначала поедим. Я проголодался.

— Ладно. Но моя слепота не означает, что зрение никогда не было мне доступно.

Он не спросил ее, что она имеет в виду, потому

что перед ним уже стояла первоклассная грудинка, а рядом бутылка «Шамбертена». Когда его собеседница подняла из-под стола левую руку, он заметил, что она не носит колец.

— Интересно, идет ли еще снег, — начал он, когда они пили кофе. — Он шел чертовски сильно, когда я въезжал в купол.

— Надеюсь, что идет, — сказала она, — хотя он рассеивает свет, и тогда я совершенно ничего не вижу. Но мне приятно чувствовать, как он падает вокруг и бьет в лицо.

— Как же вы ходите?

— Моя собака Зигмунд — сегодня я дала ей выходной, — она улыбнулась, — может вести меня куда угодно. Это мутированная овчарка.

— Ого! — Рендер заинтересовался. — Он говорит?

Она кивнула.

— Хотя с ним эта операция прошла не так успешно, как у других. В его словаре приблизительно 400 слов, но, мне кажется, говорить ему тяжело. Он вполне разумен. Вы как-нибудь с ним встретитесь.

Рендер тут же пустился в размышления. Недавно он разговаривал с такими животными на медицинской конференции и был поражен

комбинацией их рассудительной способности с преданностью хозяевам. Надо было изрядно повозиться с хромосомами, с последующей тонкой эмбриохирургией, чтобы мозг собаки стал обладать бóльшими способностями, чем у шимпанзе. Затем требовалось еще несколько операций для создания голосовых способностей. Большая часть таких экспериментов кончалась неудачей, а примерно дюжина годовалых щенков, у которых все заканчивалось успешно, ценились по сто тысяч долларов каждый. Тут он сообразил, что камень в броши мисс Шаллот — подлинный рубин. И он начал подозревать, что ее поступление в медицинскую школу обеспечивалось не только хорошим образованием, но и солидным доходом выбранного ею колледжа. Хотя, может, это и не так, упрекнул он себя.

— Да, — сказал он, — вы могли бы сделать диссертацию на собачьих неврозах. Называл ли он когда-нибудь своего отца «этот сукин сын»?

— Своего отца он никогда не видел, — ответила она спокойно. — И вырос без общения с другими собаками. Его поведение вряд ли можно назвать типичным. Не думаю, что можно изучать собачью психологию на примере собаки-мутанта.

— Вы правы, — согласился он. — Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Решив, что пора продолжить беседу, он сказал:

— Итак, вы хотите стать Творцом…

— Да.

— Терпеть не могу разрушать чьи-то высокие устремления. Ненавижу. Но если они не имеют реальной основы, тогда я безжалостен. Таким образом — честно, откровенно и со всей искренностью — я не вижу, как это можно устроить. Может быть, вы и хороший психиатр, но, по моему мнению, для вас физически и ментально невозможно стать нейросоучастником. По моим представлениям…

— Подождите, — перебила она, — давайте не здесь. Я устала от этого душного помещения. Увезите меня куда-нибудь, где можно поговорить. Я думаю, что смогла бы убедить вас.

— Почему бы и не поехать? У меня уйма времени. Но, конечно, выбираете вы. Куда?

— Слепой виток?

Он подавил смешок при этом выражении, она засмеялась открыто.

— Прекрасно, — сказал он, — но мне хочется пить.

Тут же выросла бутылка шампанского в пестрой корзинке с надписью «Пейте, пока вы за

рулем в машине». Он подписал счет, несмотря на протесты мисс Шаллот, и они встали. Она была высокой, но он выше.

Слепой виток.

Общее название для множества мест, через которые идет машина под автоматическим управлением. Пронестись по стране в надежных руках невидимого шофера, с затемненными окнами, в темной ночи, под высоким небом, с поглощающими дорогу четырьмя призраками жужжащих пил; начать со стартовой черты, закончить в том же месте, так и не узнав, куда вы едете и где были — это, вероятно, пробуждает ощущение индивидуальности в самом холодном черепе, дает познать себя через добродетель отстранения от всего, кроме чувства движения, потому что движение сквозь тьму есть высшая абстракция самой жизни — по крайней мере, так сказал один из персонажей Человеческой Комедии, и все смеялись.

И в самом деле, развлечение под названием «слепой виток» сначала стало превалирующим (как можно было предполагать) среди некоторой части молодежи, когда управляемые дороги лишили их возможности пользоваться своими автомобилями какими-нибудь более индиви-

дуалистическими способами, заставляющими хмуриться начальство контроля национального движения. Надо было что-то делать.

И сделали.

Первой смертельной уловкой был инженерный подвиг отключения радиоконтроля машины после того, как она выходила на управляемое шоссе. Это приводило к тому, что машина исчезала из поля зрения монитора и переходила обратно под управление ее пассажиров. Монитор, ревнивый, как Бог, не мог терпеть отрицания его запрограммированного всеведения и метал громы и молнии на контрольную станцию, ближайшую к точке последнего контакта, чтобы выслали крылатых серафимов на поиски ускользнувшей машины.

Но часто серафимы прибывали слишком поздно, поскольку дороги имели хорошее покрытие, и скорость у машин была немалая. Другие машины вынужденно вели себя так, словно бунтарей вообще не существовало. Окруженный потоком транспорта, нарушитель подвергался немедленной аннигиляции в случае превышения скорости или сдвига с правильной схемы движения, даже при движении через теоретически свободные зоны. В ранние дни мониторного контроля такое

поведение вызывало частые аварии.

Позднее мониторные приборы стали более искушенными и механизировали обгон, уменьшив количество аварий, возникающих в результате одного такого действия. Но вмятины и ушибы по-прежнему имели место.

Следующая хитрость основывалась на обстоятельстве, которое проглядели из-за его очевидности. Мониторы вели машины людей туда, куда те желали, только потому, что люди говорили, куда они хотят ехать. Человек, наугад нажимающий кнопки координат, не сообразуясь с картой, либо оставался на стоянке, и ему высвечивалось табло: ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ КООРДИНАТЫ, либо внезапно отправлялся в произвольном направлении. Позднее люди нашли некое романтическое очарование в том, что предлагало скорость, неожиданные зрелища и свободные руки. К тому же, это было законно. Стало возможным проехать так по двум континентам, если достаточно денег и жизненных сил.

Как и всегда в таких делах, практика распространялась вверх по возрастным группам. К добропорядочным гражданам, совершающим дальние поездки только по воскресеньям, относились как к недоумкам. Таков наш путь к концу

мира, говорил один комик.

Конец это или нет, но машина, предназначенная для движения по управляемым дорогам, была эффективной транспортной единицей, укомплектованной туалетом, шкафом, холодильным отделением и откидным столиком. В ней также можно было спать — двоим свободно, четверым в некоторой тесноте. Впрочем, в некоторых случаях трое — это уже слишком много.

Рендер вывел машину из купола и перешел на самую крайнюю полосу.

— Хотите пройтись по клавиатуре? — спросил он.

— Вы уж сами. Мои пальцы помнят слишком много.

Рендер нажал кнопки наобум. Спиннер двинулся на скоростную дорогу. Рендер потребовал увеличить скорость, и машина перешла на полосу высокой скорости.

Фары спиннера прожигали дыры в темноте. Город быстро удалялся назад; по обеим сторонам дороги горели дымные костры, раздуваемые случайными порывами ветра, прячущиеся в белых клубах, затемняемые ровным падением серого пепла. Рендер знал, что сейчас скорость составляет лишь 60 процентов той, какая могла быть в

ясную, сухую ночь.

Он не стал затемнять окна, а откинулся назад и смотрел в них. Эйлин «смотрела» перед собой. Минут десять-пятнадцать они ехали молча.

Город перешел в пригород, и еще через некоторое время стали появляться короткие секции открытой дороги.

— Опишите мне, что снаружи, — попросила Эйлин.

— А почему вы не просили меня описать ваш обед или рыцарские доспехи возле вашего столика?

— Потому что первый я ела, а вторые ощупала. А тут совсем другое дело.

— Снаружи все еще идет снег. Уберите его — и останется только чернота.

— А еще что?

— Слякоть на дороге. Когда она начнет замерзать, скорость упадет до черепашьей, пока мы не минуем полосу снегопада. Слякоть похожа на старый черный сироп, начавший засахариваться.

— Больше ничего?

— Нет, леди.

— Снегопад сильнее, чем был, когда мы вышли из клуба?

— Определенно, сильнее.

— У вас есть что-нибудь выпить?

— Конечно.

Они повернули сиденья внутрь машины. Рендер поднял столик, достал из шкафчика два бокала и налил.

— Ваше здоровье.

— Оно зависит от вас.

Рендер опустил свой бокал и ждал следующего ее замечания. Он знал, что двое не могут играть в Сократа, и рассчитывал, что будут еще вопросы, прежде чем она скажет то, что хотела сказать.

— Что самое прекрасное из того, что вы видели? — спросила она.

«Да, — подумал он, — я правильно угадал». И вслух сказал:

— Погружение Атлантиды.

— Я серьезно.

— И я тоже.

— Вы стараетесь усложнять?

— Я лично утопил Атлантиду. Это было года три назад. О, боже, как она была красива! Башни из слоновой кости, золотые минареты, серебряные балконы, опаловые мосты, малиновые знамена, молочно-белая река между лимонно-желтыми берегами. Там были нефритовые шпили, древние как мир деревья, задевающие

подбрюшья облаков, корабли в громадной гавани Ксанаду, сконструированные так изящно, как музыкальные инструменты. Двенадцать принцев королевства собрались в двенадцатиколонном Колизее Зодиака, чтобы слушать играющего на закате грека, тенор-саксофониста.

Этот грек, конечно, был моим пациентом-параноиком. Этиология дела довольно сложная, но именно это я создал для его мозга. Дал ему на некоторое время покуражиться вволю, а затем расщепил Атлантиду пополам и всю погрузил на пять фатомов. Теперь он снова выступает, и вы, без сомнения, слушали его, если вообще любите такие звуки. Психически здоров. Я периодически вижу его, но теперь он уже больше не последний потомок величайшего менестреля Атлантиды. Он просто хороший саксофонист конца двадцатого столетия.

Но иногда, оглядываясь назад, на тот апокалипсис, который я сотворил над его видением величия, я испытываю чувство потери красоты — потому что на один момент его чрезмерно обостренные чувства были моими, а он ощущал, что тот сон был самой прекрасной вещью в мире.

Рендер снова наполнил бокалы.

— Это не совсем то, что я имела в виду, — сказала она.

— Знаю.

— Я имела в виду нечто реальное.

— Это было более реально, чем сама реальность, уверяю вас.

— Я не сомневаюсь, но…

— Но я разрушил основание, на котором вы собирались строить доводы. О'кей, прошу прощенья. Беру свои слова назад. Есть кое-что, что могло бы стать реальным.

Мы идем по краю большой чаши из песка. В нее нападал снег. Весной он растает, вода впитается в землю или испарится от солнечного жара. И останется только песок. В песке ничего не вырастет, разве что случайный кактус. В песке никто не живет, кроме змей, немногих птиц, насекомых и пары бродячих койотов. В послеполуденные часы все эти существа будут искать тени. В любом месте, где есть старая изгородь, камень, череп или кактус, могущие укрыть от солнца, вы увидите жизнь, съежившуюся от страха перед стихиями. Но цвета невероятны, и стихии более красивы, чем то, что они уничтожают.

— Поблизости такого места нет, — сказала она.

— Если я говорю, значит есть. Я видел его.

— Да… вы правы.

— И не имеет значения, лежит ли это прямо за нашим окном или нарисовано женщиной по имени О'Киф, если я это видел?

— Подтверждаю истинность диагноза, — сказала Эйлин. — Вы хотите сказать мне это сами?

— Нет, пойдем дальше. — Он снова наполнил бокалы.

— У меня ущербны глаза, но не мозг, — сказала она.

Он зажег ей сигарету и закурил сам.

— Я увижу чужими глазами, если войду в чужой мозг?

— Нейросоучастие основано на факте, что две нервные системы способны разделить тот же импульс, те же фантазии… *контролируемые* фантазии.

— Я могла бы производить терапию и в то же время испытывать подлинные визуальные впечатления.

— Нет, — сказал Рендер.

— Вы не представляете, что значит быть отрезанной от целой области ощущений! Знать, что монголоидный идиот может испытывать нечто такое, чего вы никогда не узнаете, и что он не может оценить это, поскольку он, как и вы, еще

до рождения осужден судом биологической случайности — это не правосудие, а чистый случай.

— Вселенная не ведает справедливости. Это понятие изобрел человек. Но, к несчастью, человеку приходится жить во вселенной.

— Я не прошу вселенную помочь мне; я прошу *вас*.

— Мне очень жаль.

— Почему вы не хотите помочь мне?

— Сейчас вы демонстрируете мою главную причину.

— А именно?

— Эмоции. Это дело очень много значит для вас. Когда врач настроен в фазе с пациентом, его нарко-электрическое возбуждение отгоняет большую часть собственных телесных ощущений. Это необходимо, потому что его мозг должен полностью погрузиться в данную задачу. Необходимо, чтобы его эмоции подверглись временному отключению. Полностью убрать их, конечно, невозможно. Но эмоции врача возгоняются в общее ощущение хорошего настроения, или, как у меня, в артистическую мечтательность. А у вас будет слишком много «видения». И вы будете в постоянной опасности утратить контроль над сном.

— Не согласна с вами.

— Ясное дело, не согласны. Но факт, что вы постоянно будете иметь дело с ненормальностью. О силе невроза не имеет понятия девяносто девять, запятая и так далее процентов населения, потому что мы не можем адекватно судить об интенсивности собственного невроза — мы отличаем один от другого только когда смотрим со стороны. Вот почему не-нейросоучастник никогда не возьмется лечить полного психа. Немногие пионеры в этой области сейчас сами все на излечении. Это вроде затягивания в водоворот. Если врач теряет высший контроль в интенсивной работе, он становится творимым, а не творящим. Действие синапсов распространяется подобно цепной реакции, когда нервные импульсы искусственно усилены. Эффект передачи почти мгновенен.

Пять лет назад у меня была клаустрофобия; потребовалось шесть месяцев, чтобы победить эту штуку — и все из-за крошечной ошибки, случившейся за неизмеримую долю секунды. Того пациента я передал другому врачу. И это было самое минимальное из возможных побочных последствий. Если вы оступитесь в сценарии, девочка, то на всю жизнь попадете в лечебницу.

Наступала ночь. Город остался далеко позади,

дорога была открытая, чистая. Тьма между падающими хлопьями становилась все гуще. Спиннер набирал скорость.

— Ладно, — согласилась она, — может, вы и правы. Но я все-таки думаю, что вы можете мне помочь.

— Как?

— Приучите меня видеть, чтобы образы потеряли свою новизну, эмоции стерлись. Возьмите меня в пациенты и избавьте от страстного желания видеть. Тогда то, о чем вы говорили, не повлияет на меня. Тогда я смогу заняться тренировкой и все внимание отдам терапии. Я смогу возместить зрительное удовольствие чем-то другим.

Рендер задумался. Наверное, можно. Но трудно. И это может войти в историю терапии. Никто не был достаточно квалифицирован, чтобы взяться за такое дело, потому что никто никогда и не пытался.

Но Эйлин Шаллот тоже была редкостью — нет, уникумом, поскольку она, вероятно, была единственной в мире, соединившей необходимую техническую подготовку с уникальной проблемой.

Он допил свой бокал и снова налил себе и ей.

Он все еще обдумывал эту проблему, когда вспыхнули буквы: «Задайте новые координаты». Машина вышла на обходную дорогу и остановилась. Рендер выключил зуммер и надолго задумался.

Редко кому удавалось слышать, чтобы он хвастался своим уменьем. Коллеги считали его скромным, хотя бесцеремонно отмечали, что если когда-то объявится лучший нейросоучастник, это станет днем, когда больного *гомо сапиенса* будет лечить не менее чем сошедший с небес ангел.

В обоих бокалах оставалось шампанское. Пустую бутылку Рендер бросил в специальный бункер сзади.

— Знаете что? — сказал он наконец.

— Что?

— Пожалуй, стоит попробовать.

Он наклонился, чтобы задать новые координаты, но она уже сделала это. Когда он нажал кнопку и машина повернулась, Эйлин поцеловала Рендера. Ниже очков щеки ее были влажными.

Глава 2

Самоубийство расстроило его больше, чем следовало бы, и еще миссис Ламберт позвонила накануне и отменила встречу, так что Рендер решил потратить утро на размышления. Он вошел в офис хмурый, жуя сигару.

— Вы видели?.. — спросила миссис Хиджс.

— Да. — Он бросил пальто на стол в дальнем углу комнаты, подошел к окну и уставился в него. — Да, — повторил он. — Я ехал мимо с прозрачными стеклами, и его еще не убрали.

— Вы его знали?

— Даже не знаю его имени. Откуда мне знать?

— Мне только что звонила Прайс Толли, секретарша инженерной компании на 86-м. Она сказала, что это был Джеймс Иризари, дизайнер, офис которого дальше по коридору. Долго оттуда падать! Он, наверное, был уже без сознания, когда ударился? Его отнесло от здания. Если вы откроете окно и выглянете, то увидите — слева…

— Не беспокойтесь, Бинни. Ваша приятельница имеет какое-нибудь представление, почему он это сделал?

— Вообще-то, нет. Его секретарша выскочила в коридор с воплем. Похоже, она вошла в его кабинет по вопросу какого-то чертежа как раз когда он перемахивал через подоконник. На столе лежала записка: «У меня было все, чего я хотел. Чего ждать?» Занятно, а? Я не имею в виду — забавно…

— Угу. Что-нибудь известно о нем самом?

— Женат. Пара детишек. Хорошая профессиональная репутация. Куча работы. Спокойный и рассудительный, как все такие люди. Мог позволить себе иметь офис в этом здании.

— О, господи! У вас на всех здесь есть досье?

— Видите ли, — она пожала пухлыми плечами — у меня в этом улье повсюду друзья. Мы часто болтаем, когда нечего делать. А Прайс к тому же моя золовка…

— Вы хотите сказать, что если я нырну в это окно, то моя биография через пять минут пойдет по кругу?

— Вероятно. — Она скривила в улыбке яркие губы. — Плюс-минус пара минут. Но ведь вы сегодня этого не сделаете, а? Знаете, это будет повторение, произойдет нечто вроде девальвации, и не даст такого резонанса, как в единичном случае. Впрочем, вы человек, с уважением отно-

сящийся к окружающим. Вы такого не сделаете.

— Статистика с вами не согласится, — заметил Рендер. — С медиками, как и с юристами, такое случается примерно втрое чаще, чем с другими специалистами.

— Эй! — она, похоже, расстроилась. — Ну-ка, отойдите от моего окна! А то мне придется работать у доктора Хансену. Он зануда.

Рендер подошел к ее столу.

— Я никогда не знаю, когда воспринимать вас всерьез, — сказала она.

— Ценю ваши заботы. В самом деле, ценю. Дело в том, что я никогда не был склонен доверять статистике — иначе мне следовало бы прекратить все свои игры четыре года назад.

— Хотя нет, о вас писали бы на первых полосах газет, — задумалась она. — Все репортеры спрашивали бы меня о вас… Слушайте, зачем это делают?

— Кто?

— Кто угодно.

— Откуда я знаю, Бинни? Я всего лишь скромный возбудитель души. Если бы я мог точно указать общую подспудную причину и найти способ предупреждения таких вещей — это было бы куда лучше всех моих попыток. Но я не могу

этого сделать по одной простой причине: не могу придумать.

— Ох!

— Примерно тридцать пять лет назад самоубийство считалось в США девятой по значимости причиной смерти. Теперь она шестая для Северной и Южной Америки. В Европе, я думаю, седьмая.

— И никто так и не узнает, почему Иризари выбросился?

Рендер отставил стул, сел, стряхнул пепел в ее маленький сверкающий подносик. Она тут же опорожнила его в корзинку для бумаг и многозначительно кашлянула.

— О, всегда можно попробовать догадаться, — сказал он, — особенно человеку моей профессии. Во-первых, посмотрим, не было ли личных наклонностей, предрасполагающих к периодам депрессии. Люди, держащие свои эмоции под жестким контролем, люди, добросовестно и, может быть, с некоторым принуждением занимающиеся мелкими делами… — он снова скинул пепел в ее подносик и следил, как она потянулась было вытряхнуть пепел, но быстро отдернула руку. Он оскалился в злой усмешке. — Короче говоря, это нечто типичное для людей тех профес-

сий, которые требуют скорее индивидуального, чем группового действия — медицина, юриспруденция, искусство.

Она задумчиво смотрела на него.

— Не беспокойтесь, — хохотнул он, — я чертовски доволен жизнью.

— Но сегодня вы несколько унылы.

— Пит звонил. Он сломал лодыжку на уроке гимнастики. Они должны были внимательнее смотреть за такими вещами. Я думаю найти ему другую школу.

— Опять?

— Может быть. Посмотрим. Директор собирается позвонить мне вечером. Мне вовсе не нравится переводить мальчика, но я хочу, чтобы он окончил школу целым и невредимым.

— Мальчики не вырастают без одного-двух происшествий. Такова статистика.

— Статистика не судьба, Бинни. Каждый делает свою.

— Статистику или судьбу?

— То и другое, я думаю.

— Я думаю, если что-то должно случиться, то оно и случится.

— А я нет. Я думаю, что человеческая воля при поддержке здравого смысла в какой-то мере

управляет событиями. Если бы я так не думал, то не занимался бы своими авантюрами.

— В механистическом мире известны причины и их последствия. Статистика — это проверка.

— Человеческий мозг не машина, и я не знаю причин и последствий. И никто не знает.

— У вас звание химика. Вы ученый, док.

— Однако я троцкистский уклонист, — улыбнулся он, — а вы когда-то были преподавательницей танцев. — Он встал и взял свое пальто.

— Кстати, мисс ДеВилл звонила, просила передать: «Как насчет Сент-Морица?»

— Слишком церемониально, — сказал он. — Лучше Давос.

Самоубийство расстроило Рендера больше, чем следовало бы, поэтому он закрыл дверь своего кабинета, закрыл окна, включил фонограф и только одну настольную лампу.

«Какие качественные изменения в человеческой жизни, — записал он, — произошли после промышленной революции?»

Он перечитал фразу. С такой темой его просили выступить в субботу. Как обычно в таких случаях, он не знал, что говорить, потому что сказать он мог многое, а ему давался только час.

Он встал и начал ходить по кабинету, напол-

ненному теперь звуками Восьмой симфонии Бетховена.

— Способность причинять вред, — сказал он, щелкнув по микрофону и включив записывающий аппарат, — росла в прямой связи с развитием технологии. — Его воображаемая аудитория притихла. Он улыбнулся. — Потенциал человека в нанесении физических повреждений усиливался с развитием массового производства; его способность вредить психике через личные контакты возрастала в точной пропорции с ростом легкости общения. Но все это — общеизвестное, не об этом я хотел бы говорить сегодня. Мне хотелось бы обсудить то, что я называю аутопсихомимикрией — самогенерирующиеся комплексы тревоги, которые на первый взгляд кажутся подобными классическим образцам, но в действительности представляют собой выбросы психической энергии… — Он сделал паузу, чтобы положить сигару и сформулировать следующую фразу. — Аутопсихомимикрия — самоподдерживающийся комплекс имитации — почти всегда дело, привлекающее внимание. Например, один джазист полжизни играл в состоянии возбуждения, хотя никогда не пользовался сильными наркотиками и вряд ли знает кого-либо из тех, кто ими поль-

зовался — потому что сегодня все стимуляторы и транквилизаторы очень слабые. Как Дон Кихот, он шел за легендой, и самой музыки было бы достаточно, чтобы вызывать особое состояние. Или один корейский военный сирота, который жив и сейчас благодаря Красному Кресту, ЮНИСЕФ и приемным родителям — которых у него никогда не было. Он так отчаянно хотел иметь семью, что выдумал ее. И что в результате? Он ненавидел воображаемого отца и нежно любил воображаемую мать, потому что он был высокоинтеллигентным парнем и слишком сильно стремился к частично истинным традиционным комплексам. Почему?

Сегодня каждый достаточно искушен, чтобы знать про освященные веками образцы психического расстройства. Сегодня многие причины для этих расстройств устранены — не радикально, как у моего взрослого теперь сироты, но с заметным эффектом. Но все же мы живем в невротическом прошлом. Почему? Потому что наше настоящее направлено на физическое здоровье, безопасность и благополучие. Мы уничтожили голод, но сирота из глуши охотнее примет пачку пищевых концентратов от людей, которые о нем заботятся, чем горячую еду из автоматического устройства.

Физическое благополучие доступно теперь каждому человеку. Реакция на это происходит в области ментального здоровья. Благодаря развитию технологии, причины многих прежних социальных проблем исчезли, и с ними ушли многие причины психических бедствий. Но между черным вчера и светлым завтра огромное серое сегодня, полное ностальгии и страха перед будущим, что не выражается в чисто материальном плане, а представлено старательным подражанием устаревшим беспокойствам.

Коротко прожужжал телефон. Рендер не услышал его за звуками Восьмой.

— Мы боимся того, чего не знаем, — продолжал он, — а завтрашний день полностью неизвестен. Область моей специализации в психиатрии тридцать лет назад еще не существовала. Наука способна так быстро развиваться, что становится подлинным неудобством, я бы даже сказал — бедствием для общества, и логически следует, что полная механизация всего в мире…

Он проходил мимо стола, когда телефон снова зажужжал. Рендер выключил микрофон и приглушил Восьмую.

— Алло!

— Сент-Мориц, — произнес женский голос.

— Давос, — решительно сказал он.

— Чарли, ты страшно упрям!

— Как и ты, дорогая Джил.

— Будем спорить об этом вечером?

— Не о чем спорить.

— Надеюсь, заедешь за мной в пять?

Он поколебался.

— Ладно, в пять.

— Я сделала прическу. Хочу снова удивить тебя.

Подавив смешок, он сказал:

— Надеюсь, приятно удивить? Хорошо, до встречи. — Дождавшись ее «до свидания», он отключил связь.

Он сделал окна прозрачными, погасил свет и посмотрел на улицу.

Небо серое, медленно падают хлопья снега, опускаются вниз и теряются в беспорядке…

Открыв окно и перегнувшись через подоконник, он увидел место, где Иризари оставил на земле свою последнюю отметину.

Рендер закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла неделя с тех пор, как он совершил «слепой виток» с Эйлин. Встреча назначена через час.

Он вспомнил, как ее пальцы прошлись по его

лицу, легко, как листья или как лапки насекомых, изучая его внешность по древнему методу слепых. Воспоминание было не очень приятным — непонятно почему.

Пятно на мостовой далеко внизу было хорошо заметным: будучи вымытым, оно заледенело и стало скользким, как стекло. Сторож при здании поспешно вышел и стал набрасывать на пятно соль, чтобы кто-нибудь не поскользнулся и не покалечился.

Зигмунд был ожившим мифическим Фенриром. После того как Рендер отдал миссис Хиджс распоряжение впустить гостей, дверь стала открываться, потом вдруг распахнулась, и пара дымчато-желтых глаз уставилась на Рендера. Глаза располагались на странно уродливой собачьей голове.

У Зигмунда был не обычный низкий собачий лоб, идущий слегка покато от морды, а высокий лохматый череп, отчего глаза казались посаженными даже глубже, чем сидели на самом деле. Рендер слегка вздрогнул от вида и размера этой головы. Все мутанты, которых он видел, были щенятами, а Зигмунд был вполне взрослым, и его серо-черная шерсть топорщилась, из-за чего он казался больше, чем средний представитель

его породы.

Он посмотрел на Рендера совсем не по-собачьи и проворчал нечто очень похожее на «Привет, доктор».

Рендер кивнул и встал.

— Привет, Зигмунд. Входи.

Пес повернул голову, понюхал воздух в комнате, как бы решая, вверить или нет опекаемую этому пространству. Затем утвердительно наклонил голову и прошел в открытую дверь. Весь его анализ длился не более секунды.

Следом за ним вошла Эйлин, держа двойной поводок ненатянутым. Собака бесшумно шла по толстому ковру, опустив голову, словно подкрадывалась к чему-то. При этом глаза ее все время смотрели на Рендера.

— Значит, это и есть Зигмунд? Ну, как вы, Эйлин?

— Прекрасно… Да, он ужасно хотел пойти со мной, и я тоже хотела, чтобы вы с ним встретились.

Рендер подвел ее к креслу и усадил. Она отстегнула двойной поводок от собачьего ошейника и положила его на пол. Зигмунд сел рядом, продолжая внимательно смотреть на Рендера.

— Как дела в госпсихцентре?

— Как всегда. Могу я попросить сигарету, доктор? Забыла свои.

Он вложил ей сигарету в пальцы, поднес огонь. На Эйлин был темно-синий костюм, стекла очков тоже отливали синим. Серебряное пятно на лбу отражало свет лампы. Она продолжала смотреть в одну точку, когда он убрал руку. Ее волосы, длиною до плеч, казались немного светлее, чем в тот вечер: сегодня они были похожи на новенькую медную монету.

Рендер сел на угол стола, мыском ботинка передвинул по полу пепельницу-глобус.

— Вы говорили мне, что быть слепой — не значит, что вам недоступна возможность видеть. Тогда я не просил вас объяснить это. Но сейчас хотел бы попросить.

— У меня был сеанс нейросоучастия с доктором Рискомбом до того, как с ним произошел несчастный случай. Он хотел приспособить мой мозг к зрительным впечатлениям. К несчастью, второго сеанса не случилось.

— Понятно. Что вы делали на том сеансе?

Она скрестила ноги, и Рендер заметил, что они красивой формы.

— Главным образом, были цвета. Ощущения совершенно потрясающие.

— Хорошо ли вы их помните? Когда это было?

— Около шести месяцев назад… и я никогда не забуду их. Иногда я даже думаю цветными узорами.

— Часто?

— Несколько раз в неделю.

— Какого рода ассоциации их приносят?

— Никакие в особенности. Просто появляются в сознании наряду с другими сильными ощущениями — в случайном порядке.

— Например?

— Ну, вот сейчас, когда вы задали мне вопрос, я увидела его желтовато-оранжевым. Ваше приветствие было серебряным. А сейчас, когда вы просто сидите, слушаете меня и ничего не говорите, я ассоциирую вас с глубоким синим, почти фиолетовым.

Зигмунд перевел взгляд на стол и уставился на боковую панель.

«Слышит ли он, как крутится кассета магнитофона? — подумал Рендер. — *А если слышит, то знает ли, что это такое и для чего служит?»*

Если так, собака, без сомнения, скажет Эйлин. Хотя та и сама знает об этой общепринятой практике, но ей может не понравиться, что Рендер рассматривает общение с ней как лечение, а не

как механический адаптационный процесс. Он поговорил бы с собакой частным образом насчет этого, если бы думал, что это что-то даст. При этой мысли Рендер внутренне улыбнулся и пожал плечами.

— Я сконструирую мир из простейших фантазий, — сказал он наконец, — и познакомлю вас сегодня с кое-какими основными формами.

Она улыбнулась. Рендер посмотрел вниз, на мифического персонажа, скорчившегося рядом с ней и вывесившего язык через частокол зубов.

«Он тоже улыбается?»

— Спасибо, — сказала она.

Зигмунд поколотил по ковру хвостом.

— Вот и хорошо. — Рендер положил сигарету рядом с Мадагаскаром. — Сейчас я достану «яйцо» и проверю его. А пока, — он нажал незаметную кнопку, — немного музыки может подействовать расслабляюще.

Она хотела ответить, но увертюра Вагнера заглушила слова. Рендер снова прижал кнопку и в наступившей тишине сказал:

— Хм… Думал, следующий Респиги. — И коснулся кнопки еще дважды.

— Вы могли бы оставить Вагнера, — заметила она. — Я люблю его.

— Не стоит, — сказал он, открывая шкаф, — сейчас это изобилие лейтмотивов будет лишним.

В кабинет вкатилось громадное «яйцо» — бесшумно, как облако. Подтянув его к столу, Рендер услышал тихое ворчанье и быстро обернулся. Зигмунд как тень уже метнулся к его ногам, кружил вокруг машины и обнюхивал ее, напружинив хвост и оскалив зубы.

— Полегче, Зиг, — сказал Рендер. — Эта машина не кусается и ничего плохого не делает. Это просто машина, как, скажем, спиннер, телевизор или посудомойка. Мы ей воспользуемся сегодня, чтобы показать Эйлин, как выглядят некоторые вещи.

— Не нравится, — громко сказала собака.

— Почему?

Зигмунд не ответил, вернулся к Эйлин и положил голову на ее колени.

— Не нравится, — повторил он, глядя на нее.

— Почему?

— Нет слов. Пойдем домой?

— Нет, — ответила она. — Ты свернешься в углу и вздремнешь, а я свернусь в машине и тоже вздремну… или вроде этого.

— Нехорошо, — сказала собака, опуская хвост.

— Иди, — она погладила собаку, — ляг и веди

себя прилично.

Зигмунд так и сделал, но заскулил, когда Рендер затемнил окна и коснулся кнопки, трансформирующей его стул в сиденье оператора.

Он заскулил еще раз, когда «яйцо», включенное теперь в розетку, раскололось в середине и верх отошел, показывая его внутренность.

Рендер сел. Его сиденье начало принимать контуры ложа и наполовину вдвинулось под консоль. Рендер сел прямо — ложе двинулось обратно и снова стало креслом. Он коснулся стола, и половина потолка отошла, изменила форму и повисла в виде громадного колокола. Рендер встал и обошел «яйцо». Респиги навевал мысли о соснах и тому подобном, а Рендер достал из-под аппарата наушники. Закрыв наушником одно ухо и плечом прижав микрофон к другому, он свободной рукой играл кнопками. Лиги прибоя утопили поэму; мили дорожного движения перекрыли ее; повторное воспроизведение записи вдруг выдало: «…сейчас, когда вы просто сидите, слушаете меня и ничего не говорите, я ассоциирую вас с глубоким синим, почти фиолетовым».

Он включил маску и проверил: *раз* — корица, *два* — сгнивший лист, *три* — сильный змеиный мускусный запах… и далее, через вкус меда, ук-

суса, соли, и вверх, через запах сирени и мокрого бетона, и предгрозовой запах озона, и все основные обонятельные и вкусовые сигналы, обычные для утра, дня и вечера.

Ложе, как полагалось, плавало на подушке из ртути и стабилизировалось магнитами стенок «яйца». Рендер поставил ленты.

Все было в полнейшем порядке.

— Хорошо, — сказал Рендер, поворачиваясь, — все проверено.

Эйлин как раз клала очки поверх своей аккуратно сложенной одежды. Она разделась, пока Рендер проверял машину. Его взволновала ее тонкая талия, большие груди с темными сосками, длинные ноги. «Она отлично сложена для женщины ее роста», — подумал он. Но, глядя на нее, он понимал, что главная проблема, конечно, в том, что она его пациентка.

— Готова, — сказала она.

Он подвел ее к машине. Ее пальцы ощупали внутренность «яйца». Когда он помогал ей войти в аппарат, то увидел, что глаза у нее яркого цвета морской волны. И этого он тоже не одобрил.

— Удобно?

— Да.

— Хорошо, устраивайтесь. Сейчас я закрою.

Приятного сна.

Верхняя часть «яйца» медленно опустилась. Оно стало непрозрачным, затем пронзительно блестящим. Рендер перевел взгляд вниз и убедился, что рефлексы тела выдают его отношение к увиденному. Затем двинулся обратно к столу.

Зигмунд прижался к его ноге, не давая пройти. Рендер потянулся погладить его, но пес отдернул голову.

— Возьми меня тоже с вами, — проворчал он.

— Боюсь, что этого сделать просто невозможно, дружище, — сказал Рендер. — К тому же, мы в сущности никуда не уходим. Мы подремлем прямо здесь, в этой комнате.

Но собака не успокоилась.

— Зачем?

Рендер вздохнул. Спор с псом был, пожалуй, самой нелепой вещью, какую он мог себе представить в трезвом виде.

— Зиг, — сказал он, — я пытаюсь помочь ей узнать, на что похожи разные вещи. Ты делаешь прекрасную работу — водишь ее в этом мире, которого она не видит, но ей нужно знать, как он выглядит, и я собираюсь показать ей.

— Тогда я стану ей не нужен.

— Конечно же, будешь нужен. — Рендер чуть не

засмеялся. Патетичность собаки была настолько абсурдной, что Рендер не мог отказать ей в помощи. — Я не могу вернуть ей зрение, — объяснил он. — Я просто собираюсь передать ей некоторое абстрактное видение — ну, вроде как даю ей ненадолго взаймы свои глаза. Усек?

— Нет, — сказал пес. — Лучше возьми мои.

Рендер выключил музыку

«Полное описание системы взаимоотношений между собакой-мутантом и ее хозяином наверняка займет не менее шести солидных томов — на немецком», — решил он.

Затем указал на дальний угол.

— Ляг там, как велела Эйлин. Это не очень долго, и когда все кончится, ты по-прежнему будешь водить ее. Идет?

Зигмунд не ответил, повернулся и поплелся в угол, опустив хвост.

Рендер сел и опустил купол — операторский вариант «яйца». Перед ним было девяносто белых кнопок и две красные. Мир кончался в темноте под консолью. Рендер ослабил узел галстука и расстегнул воротничок. Он достал шлем из гнезда и проверил его. Затем надел на нижнюю часть лица полумаску и опустил на нее забрало шлема. Правую руку положил в перевязь; и одним сла-

бым нажатием отключил сознание пациентки.

Творец не нажимает белые кнопки сознательно. Он задумывает условия. Тогда глубоко внутренние мышечные рефлексы оказывают почти незаметное давление на чувствительную перевязь; та скользит в нужном положении и заставляет вытянутый палец двинуться вперед. Кнопка нажата. Перевязь движется обратно.

Рендер чувствовал покалывание в основании черепа; пахло свежескошенной травой.

И вдруг — он уже идет по громадному серому проходу между мирами…

Через какое-то, показавшееся очень долгим, время Рендер почувствовал, что находится на странной, чуждой Земле. Он ничего не видел, только ощущение присутствия информировало его о том, что он куда-то прибыл. Такого полного мрака он еще ни разу не встречал.

Он пожелал, чтобы мрак рассеялся. Ничего не произошло. Часть его сознания снова проснулась — та часть, которую он не погрузил в сон; он вспомнил, в чей мир он вошел. Он прислушался к Эйлин. Услышал страх и ожидание. Он пожелал цвет. Сначала красный.

Он ощутил соответствие. Значит, воздействие имеется.

Все стало красным; он находился в центре бесконечного рубина.

Оранжевый, желтый…

Он оказался в куске янтаря.

Теперь зеленый, и он добавил к нему соленые испарения моря.

Синий и вечерняя прохлада.

Он напряг мозг и произвел все цвета сразу. Они закружились громадными перьями.

Затем он разогнал их и заставил принять форму. Сияющая радуга выгнулась через темное небо.

Он постарался создать под собой коричневый и серый. Эти цвета появились — полупрозрачные, мерцающие, исчезающие пятна.

Где-то — ощущение страха, но ни следа истерии, поэтому он продолжил творить.

Он создал горизонт, и мрак утянулся за него. Небо чуть заголубело, и он запустил в него стаю темных облаков. Усилия создать расстояние и глубину натолкнулись на сопротивление, и тогда он подкрепил картину очень слабым звуком прибоя. Когда он разгонял облака, от его зрителя пришло ощущение концепции расстояния, и он спешно воздвиг высокий лес, чтобы подавить поднимающуюся волну агорафобии.

Паника исчезла.

Рендер сфокусировал свое внимание на высоких деревьях — дубах, соснах, секвойях. Он раскидал их вокруг как копья, в рваных зеленых, коричневых и желтых нарядах, раскатал толстый ковер влажной от утренней росы травы, разбросал с неравными интервалами серые булыжники и зеленоватые бревна, перепутал и сплел ветви над головой. Бросил однообразные тени через узкую долину.

Эффект был потрясающий. Казалось, весь мир вздрогнул с рыданием, а затем стих.

Сквозь тишину он ощущал ее присутствие. Он решил, что с фоном лучше быстро закончить и создать осязаемые центры, подготовить поле действий. Позднее он может изменить, исправить или улучшить результаты в последующих сеансах, но сейчас необходимо было уже что-то начинать делать.

Перейдя к действиям, он сразу понял, что тишина вокруг — это не отстраненность Эйлин: она отождествляла себя с деревьями, травой, кустами и камнями; олицетворяла себя в их формах, соотносилась с их ощущениями, звуками, ароматами…

Легким ветерком он пошевелил ветви дере-

вьев. За пределами видимости создал плещущие звуки ручья.

Пришло ощущение радости. Его это тоже порадовало.

Она переносила все исключительно хорошо, и он решил расширить опыт. Он пустил свое сознание блуждать среди деревьев. И вот он рядом с ручьем и ищет Эйлин.

Он плыл по воде, еще не обретя формы. Плеск превратился в журчание, когда он вывел ручей на глубокое место над камнями. По его настоянию вода стала выговаривать слова.

— Где вы? — спросил ручей.

«Здесь! Здесь!»

«Здесь!»

«… и здесь!» — отозвались деревья, кусты, камни, трава.

— Выбирайте одно, — сказал ручей, расширился, обогнул скалу и стал спускаться по склону к голубому бассейну.

«Не могу», — ответил ветер.

— Вы должны. — Ручей влился в бассейн, покружился на поверхности, затем успокоился и отразил ветви и темные облака. — Скорее!

«Прекрасно, — отозвалось дерево. — *Минутку»*.

Розовый туман поднялся над озером и потянул-

ся к берегу.

— Давайте, — зазвенел он.

«Тогда здесь…»

Она выбрала маленькую иву; та качалась на ветру и тянула ветки к воде.

— Эйлин Шаллот, — сказал Рендер, — смотритесь в озеро.

Ветер усилился, ива наклонилась. Рендеру нетрудно было вспомнить ее лицо, ее тело. Дерево крутилось, как будто не имело корней. Эйлин стояла в тумане смятения листьев и со страхом смотрела в глубокое голубое зеркало мозга Рендера — в озеро. Она закрыла лицо руками, но все-таки смотрела.

— Смотрите на себя, — сказал Рендер.

Она опустила руки и посмотрела вниз, а затем стала медленно поворачиваться, изучая себя со всех сторон.

— Я чувствую, что выгляжу вполне приятно, — сказала она наконец. — Я чувствую это, потому что вы так хотите, или это так и есть? — Она все время оглядывалась вокруг, ища Творца.

— Это так и есть, — сказал Рендер отовсюду.

— Спасибо.

Взметнулось белое, и Эйлин оказалась одетой в узорчатое шелковое платье. Далекий свет стал

чуть ярче. Нижний слой облаков окрасился нежно-розовым.

— Что там происходит? — спросила Эйлин, глядя туда.

— Я хочу показать вам солнечный восход, — сказал Рендер, — но, возможно, чуточку испорчу его, потому что это мой первый профессиональный солнечный восход при таких обстоятельствах.

— Где вы? — спросила она.

— Всюду.

— Пожалуйста, примите форму, чтобы я могла видеть вас.

— Сейчас сделаю.

— Вашу естественную форму.

Он пожелал очутиться рядом с ней на берегу — и очутился.

Испуганный лязгом металла, он оглядел себя. Мир исчез на миг, но тут же стабилизировался. Рендер засмеялся, но смех замер, когда он подумал кое о чем.

На нем были доспехи, стоявшие рядом со столиком в «Куропатке и Скальпеле» в вечер его встречи с Эйлин.

Она потянулась и потрогала костюм.

— Броня возле нашего стола, — узнала она, пробежав пальцами по пластинам и застежкам. — Я

ассоциировала ее с вами в тот вечер.

— …и не задумываясь засунули меня в этот костюм, — прокомментировал Рендер. — Вы волевая женщина.

Броня исчезла. Рендер был в своем серо-коричневом костюме, в свободно завязанном галстуке цвета свернувшейся крови и с профессиональным выражением на лице.

— Смотрите, каков я на самом деле, — он слегка улыбнулся. — Ну, вот и восход. Я хотел продемонстрировать все цвета. Следите.

Они сели на зеленую парковую скамейку, появившуюся позади них, и Рендер указал направление.

Солнце неторопливо проводило свою утреннюю процедуру. Впервые в этом их личном мире оно выплыло снизу, как божество, отразилось в озере, разбило облака, и ландшафт покрылся дымкой от тумана, поднимающегося от влажного леса.

Пристально, напряженно вглядываясь прямо в восходящее светило, Эйлин долгое время сидела неподвижно и молча. Рендер чувствовал, что она очарована.

Она смотрела на разгорающееся сияние; солнце отражалось в сияющей монете на ее лбу, как

капля крови.

Рендер сказал:

— Вот солнце, а вот облака — он хлопнул в ладоши, и облака закрыли солнце, и прокатился тихий рокот. — А это гром, — закончил он.

Пошел дождь, испортивший гладь поверхности озера, щекочущий их лица; он резко стучал по листьям и с мягким звуком капал с ветвей вниз; он мочил одежду и приглаживал волосы, стекал по шее, слепил глаза и превращал землю в грязь.

Вспышка молнии озарила небо, и гром прогремел еще и еще.

— А это летняя гроза, — говорил Рендер. — Вы видите, как дождь воздействует на растительность и на нас. То, что вы видели в небе перед громом — это молния.

— Слишком сильно, — сказала она. — Уберите его, пожалуйста.

Дождь тут же прекратился, солнце пробило тучи.

— Мне чертовски хочется закурить, — сказала Эйлин, — но я оставила сигареты в другом мире.

В ее пальцах тут же появилась уже зажженная сигарета.

— У нее, наверное, слабый вкус, — странным тоном сказал Рендер, внимательно посмотрел на

Эйлин и добавил: — Я не давал вам эту сигарету; вы сами взяли ее из моих мыслей.

Дым спирально пошел вверх и исчез.

— …Это означает, что я сегодня второй раз недооценил притяжение этого вакуума в вашем мозгу — того места, где должно было быть зрение. Вы исключительно быстро приспособились к этим новым впечатлениям. И даже собираетесь продолжить и увидеть еще что-то. Будьте осторожны. Сдержите этот импульс.

— Это как голод, — сказала она.

— Наверное, нам лучше сейчас закончить сеанс.

Одежда их высохла. Запели птицы.

— Нет, подождите! Прошу вас! Я буду осторожна. Я хочу увидеть многое.

— Будет следующий визит, — сказал Рендер, — но, думаю, кое-что можно устроить и сейчас. Есть что-нибудь, чего вы особенно хотели бы увидеть?

— Да. Зиму, снег.

— Хорошо. — Творец улыбнулся. — Тогда закутайтесь в этот мех…

После ухода пациентки день прошел быстро. Рендер был в хорошем настроении. Он чувствовал себя опустошенным и снова наполненным.

Первое испытание прошло без страданий от каких-либо последствий. Удовлетворение было сильнее страха. И он с удовольствием вернулся к работе над своей речью.

— …и что есть способность причинять вред? — вопросил он микрофон и сам же ответил:

— Мы живем радостью и болью. Можем огорчаться, можем бодриться, но хотя радость и боль коренятся в биологии, они обуславливаются обществом. И они имеют цену. Огромные массы людей, лихорадочно меняющие положение в пространстве, перемещаясь через города планеты, приходят к необходимости существования полностью автоматизированного контроля над их передвижениями. Каждый день этот контроль пробивает себе путь в новые области — водит наши машины, наши самолеты, опрашивает нас, диагностирует наши болезни, и я не рискую морально осуждать это вторжение. Этот контроль становится необходимым. В конце концов он может оказаться целительным.

Однако я хочу указать, что мы часто плохо представляем наши собственные ценности. Мы не можем действительно определить, что означает для нас та или иная вещь, пока не удалим ее из наших жизненных условий. Если ценный

предмет перестает существовать, психическая энергия, связанная с ним, высвобождается. Мы ищем новые ценности, в которые вкладываем эту энергию — «ману», если угодно, или либидо, если предыдущий термин вас не устраивает. И нет такой вещи, исчезнувшей три, четыре, пять десятилетий назад, которая много значила сама по себе; и нет новой вещи, появившейся за это же время, которая много вредила бы тем, кто заменил ею утраченное, или тем, кто в какой-то степени управляет ею. Общество, однако, придумывает много новых вещей, и когда вещи меняются слишком быстро, то результат непредсказуем. Внимательное изучение душевных болезней часто вскрывает природу стрессов в обществе, где появились болезни. Если схемы тревоги указывают на особые группы и классы, значит по ним можно изучить какое-то общественное недовольство. Карл Юнг указывал, что когда сознание неоднократно разочаровывается в поиске ценностей, оно начинает искать в бессознательном; потерпев неудачу и в этом, оно пробивает себе путь в гипотетическую коллективную бессознательность. Юнг отметил в послевоенных исследованиях психологии бывших нацистов, что чем сильнее они хотят

восстановить что-то из руин своей жизни, — если они пережили период классического иконоборчества и увидели, что их новые идеалы также опрокинуты, — тем больше они ищут в прошлом и втягиваются в коллективное бессознательное своего народа. Даже сны их были основаны на тевтонских мифах.

Это же, в менее драматической форме, происходит сегодня. Есть исторические периоды, когда групповая тенденция обратить сознание внутрь себя сильнее, чем в другие времена. Мы живем в период донкихотства в первоначальном значении этого слова. Это потому, что способность причинять вред в наше время — это возможность не знать, отгородиться, и это более не является исключительным свойством человеческих существ…

Его прервало жужжание. Он выключил записывающий аппарат и коснулся кнопки телефона.

— Чарльз Рендер слушает.

— Это Пол Гертер, — прошепелявил телефон, — директор Диллингской школы.

— Да?

Экран прояснился. Рендер увидел человека с высоким морщинистым лбом и близко посаженными глазами.

— Хочу еще раз извиниться за случившееся. Виною была неисправность в оборудовании, ставшая причиной…

— Разве вы не в состоянии приобрести приличное оборудование? Плата у вас достаточно высока…

— Оно было *новое*. Заводской брак..

— Разве никто не следил за классом?

— Следил, но…

— Почему же он не проверил оборудование? Почему не оказался рядом, чтобы предупредить падение?

— Он был рядом, но не успел: все произошло слишком быстро. А проверять заводской брак не его дело. Я очень извиняюсь. Мне нравится ваш мальчик. Могу заверить вас, что ничего подобного больше не случится.

— В этом вы правы, но только потому, что завтра утром я возьму его и переведу в такую школу, где соблюдаются правила безопасности. — И легким движением пальца Рендер закончил разговор.

Через несколько минут он встал и подошел к шкафу, частично замаскированному книжной полкой. Он открыл его, достал дорогую шкатулку, содержавшую дешевенькое ожерелье и фотогра-

фию в рамке; на ней были изображены мужчина, похожий на Рендера, только моложе, и женщина с высоко зачесанными волосами и маленьким подбородком; между ними стояла улыбающаяся девочка с младенцем на руках. Как всегда, Рендер несколько секунд нежно смотрел на ожерелье, затем закрыл шкатулку и снова убрал — на многие месяцы.

«Бум! Бум!» — гремел турецкий барабан. *«Чик-чик-чига-чик»*, — бутылочки.

Возникли цвета — красный, зеленый, синий и божественно-величественный желтый — вокруг удивительных металлических танцоров.

«Люди?» — вопрошала надпись на крыше.

«Роботы?» — непосредственно ниже.

«Зайдите и посмотрите сами!» — в самом низу, таинственно.

Так они и сделали

Рендер и Джил сидели за микроскопическим столиком, к счастью, поставленным у стены, под нарисованными углем карикатурами на неизвестных личностей. Среди субкультур четырнадцатимиллионного города было слишком много деятелей. Морща нос от удовольствия, Джил восторгалась самым колоритным зрелищем этой особой субкультуры, время от времени

поднимая плечи к ушам, чтобы подчеркнуть молчаливый смех или слабый протест, потому что исполнители были *слишком* людьми — то, как черный робот брался рукой за предплечье серебряного робота, как они сходились и расходились…

Рендер делил свое внимание между Джил, танцорами и скверно выглядевшим пойлом, больше всего походившим на плохой коктейль с водорослями (словно в любой момент мог подняться Кракен, чтобы утащить на дно какой-нибудь беспомощный корабль).

— Чарли, я все-таки думаю, что это люди!

Рендер отвел взгляд от ее волос и прыгающих колец-сережек и осмотрел танцоров на площадке, которая была ниже места, где стоял столик.

Несмотря на металлические корпуса, это могли быть люди. Если так, их танец был исключительно ловким. Хотя использование легких сплавов не было проблемой, все равно требовалось искусство, чтобы танцор, закованный с головы до ног в броню, мог прыгать так свободно и как бы без усилий, и продолжительное время, да еще без раздражающего звяканья и лязга. Беззвучно…

Они скользили, как две чайки: одна покрупнее, цвета полированного антрацита, а вторая как

лунный свет, падающий через окно на закутанный в шелк манекен.

Даже когда они соприкасались, звука не было… А может, и был, но заглушался ритмами джаза.

«Бум-бум! Чига-чик!»

Их танец медленно перешел в танец апачей. Рендер взглянул на часы. Слишком долго для нормальных артистов — решил он. Видимо, это роботы. Когда он снова взглянул на них, черный робот оттолкнул от себя серебряного футов на десять и повернулся к нему спиной.

Звука столкновения металла не было.

«Интересно, сколько подобное стоит?» — подумал Рендер.

— Чарли, не было никакого звука! Как они это делают?

— В самом деле? — спросил Рендер.

Смесь в стакане стала снова желтой, затем красной, затем синей, затем зеленой.

— Тебе не кажется, что они могут сломаться?

Белый робот сделал несколько шагов назад, а черный крутил шарнир своего запястья кругом и кругом, держа в пальцах зажженную сигарету. Раздался хохот, когда он машинально прижал ее к своему гладкому безротому лицу. Серебряный робот бросился к черному. Черный бросил сига-

рету и снова повернулся к партнеру. Неужели он снова оттолкнет серебряного? Нет…

Медленно, как длинноногие восточные птицы, они снова начали свой танец со множеством поворотов.

Чему-то в глубине Рендера это доставляло удовольствие, но он сам не мог понять, что тут приятного. Поэтому стал высматривать Кракена на дне бокала.

Джил вцепилась в его бицепс, привлекая внимание к площадке. Пока спектр терзал световое пятно, черный робот поднял серебряного высоко над головой и закружился с ним, выгнувшим спину и разведшим ноги ножницами — сначала медленно, а потом быстрее и быстрее. Затем он завертелся с невероятной скоростью, и полосы спектра вращались все быстрее.

Рендер потряс головой, чтобы в ней прояснить.

Они двигались так быстро, что просто *должны* были упасть — люди они или роботы. Но не упали. Они слились в одну серую фигуру. Затем стали замедлять вращение. Все медленнее, медленнее… Остановились.

Музыка смолкла. Наступила темнота, наполненная аплодисментами. Когда свет загорелся снова, оба робота стояли как статуи, лицом к

публике. Затем медленно, очень медленно поклонились.

Аплодисменты усилились. Роботы повернулись и ушли.

Снова зазвучала музыка, свет стал ярким. Поднялся шум голосов. Рендер прикончил Кракена.

— Что ты об этом думаешь? — спросила Джил.

Рендер сделал серьезное лицо и сказал:

— Кто я — человек, воображающий себя роботом, или робот, воображающий себя человеком? — Он ухмыльнулся и добавил: — Не знаю.

Она шутя стукнула его за это по плечу, и он заметил ей, что она пьяна.

— Нет, — протестовала она. — Разве чуточку. Не так, как ты.

— Все же, думаю, тебе нужно показаться врачу. Например, мне. Лучше прямо сейчас. Давай уедем отсюда.

— Не сейчас, Чарли. Мне хочется посмотреть на них еще раз. Ну, пожалуйста.

— Если я еще выпью, я не буду способен видеть их.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Фу!

— Ну, пива.

— Лучше уж буду страдать без него.

На площадке народ начал танцевать, но ноги Рендера как свинцом налились. Он закурил.

— Итак, ты сегодня разговаривал с собакой?

— Да. От этого несколько странные ощущения…

— Она хорошенькая?

— Это был кобель. И безобразный.

— Дурачок, я имею в виду хозяйку.

— Ты знаешь, что я никогда не говорю о делах, Джил.

— Но ты же сам сказал мне насчет ее слепоты и насчет собаки. Я только хочу знать, хорошенькая она или нет.

— Ну… и да и нет. — Он сделал неопределенный жест. — Знаешь…

— Повторить то же самое, — сказала она официанту, внезапно возникшему из смежного озера тьмы; он поклонился и столь же быстро исчез.

— Вот как пропадают мои добрые намерения, — вздохнул Рендер. — Посмотрим, как тебя будет обследовать пьяный дурак — вот и все, что я могу сказать.

— Ты быстро протрезвеешь. Ты всегда так. Гиппократ и все такое.

Он фыркнул и посмотрел на часы.

— Завтра я должен быть в Коннектикуте. За-

брать Пита из этой проклятой школы.

Джил вздохнула. Она уже устала от этой темы.

— Мне кажется, ты слишком уж нянчишься с ним. Любой парнишка может повредить ногу. Это часть проблемы роста. Когда мне было семь лет, я сломала запястье. Несчастный случай. И школа не виновата, что такие вещи случаются.

— К дьяволу, — сказал Рендер, беря свою темную выпивку с темного подноса, принесенного темным человеком. — Если они не могут работать как следует, я найду тех, кто может.

Она пожала плечами.

— Тебе решать. А я знаю только то, о чем читаю в газетах. И ты все-таки настаиваешь на Давосе, хотя знаешь, что в Сент-Морисе общество приличнее?

— Мы же собирались прокатиться, верно? Я предпочитаю прокатиться в Давос.

— Значит, я не каждый вечер выигрываю?

Он погладил ее по руке.

— Со мной ты всегда в выигрыше, милочка.

Они выпили, закурили и держались за руки, пока люди расходились с танцевальной площадки и снова тянулись к своим крохотным столикам, а разноцветные пятна закружились, окрашивая облака дыма тонами от цвета ада до солнечного

восхода и обратно, и барабан ухнул: *«Бом!»*

«Чига-чига!»

— О, Чарли, они опять идут сюда!

Небо было чистое, как кристалл. Дороги чистые. Снегопад прекратился.

Джил сонно дышала. С-7 выбирался через городские мосты. Если бы Рендер сидел неподвижно, он убедил бы себя, что пьяно только его тело, но как только он поворачивал голову, мир вокруг начинал танцевать. И тогда он воображал себя спящим и Творцом всего этого. В какой-то миг это было правдой. Он улыбнулся, задремывая. Но в следующий миг проснулся и уже не улыбался.

Вселенная взяла реванш над его самонадеянностью. За один миг триумфа над беспомощностью, которой он хотел помочь, ему снова пришлось заплатить видением дна озера; и когда он опять двинулся к гибели на дне мира — как пловец, как неспособный говорить, — он слышал откуда-то с высоты над Землей вой Волка Фенрира, готовящегося пожрать луну; и услышав, он понял, что вой этот так же похож на трубный глас правосудия, как женщина рядом похожа на луну. В каждой малости. Во всех отношениях. И его охватил страх.

Глава 3

Он был собакой.

Но не обычной собакой.

Он выехал за город сам по себе.

По виду крупная немецкая овчарка, если не принимать во внимание голову — он сидел на переднем сиденье, смотрел в окно на другие машины и на все, что видел вокруг. Он обгонял другие машины, потому что ехал по самой скоростной полосе.

День был холодный, на полях лежал снег; деревья были в ледяных куртках, и все птицы в небе и на земле казались удивительно черными.

Его голова была больше, чем у любой другой собаки, за исключением, быть может, ирландского волкодава. Глаза темные, глубоко сидящие, а рот был открыт, потому что пес смеялся. Он ехал дальше.

Наконец машина перешла на другую полосу, замедлила ход, перешла на крайнюю правую и через некоторое время свернула и проехала несколько миль по сельской дороге, а затем свернула на тропинку и припарковалась за деревом.

Она остановилась, и дверца открылась. Собака вышла и закрыла дверцу плечом. Увидев, что свет погас, пес повернулся и пошел через поле к лесу.

Он осторожно поднимал лапы. Он осматривал свои следы. Войдя в лес, несколько раз глубоко вздохнул, встряхнулся, залаял странным, несобачьим лаем и пустился бегом.

Он бежал меж деревьев и скал, перепрыгивал через замерзшие лужи, узкие овражки, взбегал на холмы и сбегал по склону, проносился мимо застывших кустов в радужных пятнах, вдоль ледяного ложа ручья.

Он остановился, отдышался и понюхал воздух.

Затем открыл пасть и засмеялся — этому он научился у людей.

Затем глубоко вздохнул, запрокинул голову и завыл — этому он у людей не учился. И даже не знал точно, у кого научился этому.

Вой прокатился по холмам, и эхо было подобно громкой ноте горна.

Уши его встали торчком, пока он прислушивался к этому звуку.

Затем он услышал ответный вой, похожий и не похожий на его. Совсем похожего не могло быть, потому что его голос не был вполне собачьим. Он прислушался, принюхался и снова завыл.

И снова пришел ответ, теперь уже ближе…

Он ждал, нюхая воздух, который нес сообщение.

К нему на холм поднималась собака, сначала быстро, потом перешла на шаг и, наконец, остановилась в сорока футах от него. Вислоухая крупная дворняжка…

Он снова принюхался и тихо заворчал. Дворняга оскалила зубы. Он двинулся к ней. Когда он был примерно в десяти футах, она залаяла.

Он остановился. Собака стала осторожно обходить его кругом, нюхая ветер. Наконец, он издал звук, удивительно похожий на «привет». Дворняжка заворчала. Он шагнул к ней.

— Хорошая собака, — сказал он.

Собака склонила голову набок.

— Хорошая собака, — повторил он, сделал еще шаг к ней, еще один и сел. — Оч-чень хорошая собака.

Собака слегка вильнула хвостом. Он встал и подошел к ней. Она обнюхала его. Он ответил тем же. Она замахала хвостом, обежала его дважды, подняла голову и пролаяла. Потом двинулась по более широкому кругу, время от времени опуская голову, а затем бросилась в лес.

Он понюхал землю, где только что стояла со-

бака, и пустился вслед за ней. Через несколько секунд он догнал ее, и они побежали рядом.

Из-под кустика выскочил кролик. Он догнал кролика и схватил его своими громадными челюстями. Кролик отбивался, затем спина его хрустнула, и он затих.

Некоторое время он держал кролика, оглядываясь вокруг. Собака подбежала к нему, и он уронил кролика к ее ногам.

Собака посмотрела на него с надеждой. Он ждал. Тогда она опустила голову и разорвала маленький труп. Кровь дымилась на холодном воздухе. Собака жевала и глотала, жевала и глотала. Наконец и он опустил голову и оторвал кусок. Мясо было горячее, сырое и дикое. Собака отпрянула, когда он схватил кусок, рычанье замерло в ее глотке.

Он был не очень голоден, поэтому бросил мясо и отошел. Собака снова наклонилась к еде.

Потом они еще несколько часов охотились вместе. Он значительно превосходил дворнягу в искусстве убивать, но всегда отдавал добычу ей.

Они вместе загнали семь кроликов. Последних двух не съели. Дворняга села и посмотрела на него.

— Хорошая собака, — сказал он.

Она вильнула хвостом.

— Плохая собака, — сказал он.

Хвост перестал вилять.

— Очень плохая собака.

Она опустила голову. Он повернулся и пошел прочь. Она пошла за ним, поджав хвост. Он остановился и оглянулся через плечо. Собака съежилась. Он несколько раз пролаял и завыл. Уши и хвост собаки поднялись. Она подошла и снова обнюхала его.

— Хорошая собака, — сказал он.

Хвост завилял.

Он засмеялся.

— *Микроцефал, идиот*.

Хвост продолжал вилять.

Он снова засмеялся. Собака покружилась, положила голову между передних лап и посмотрела на него. Он оскалил зубы, прыгнул к собаке и укусил ее за плечо.

Собака взвизгнула и пустилась наутек.

— Дурак! — зарычал он. — Дурак!

Ответа не было. Он снова завыл; такого воя не издало бы ни одно земное животное. Затем он вернулся к машине, открыл носом дверцу и залез внутрь.

Он нажал кнопку, и машина завелась. Затем

лапой набрал нужные координаты. Машина задом выбралась из-за дерева и двинулась по тропе к дороге, быстро выбралась на шоссе и исчезла.

Где-то в то же самое время гулял человек.

В это холодное утро ему следовало бы одеться потеплее, но он предпочел легкое пальто с меховым воротником.

Заложив руки в карманы, он шел вдоль охранного забора. По ту сторону забора ревели машины.

Он не поворачивал головы.

Он мог бы выбрать множество других мест, но выбрал это.

В это холодное утро он решил погулять.

Он не хотел думать ни о чем, кроме прогулки.

Машины неслись мимо, а он шел медленно, но ровно.

И не видел никого, кто шел бы пешком.

Поднятый воротник защищал его от ветра, но от холода не спасал.

Он шел, а утро кусало его и дергало за одежду. День удерживал его в своей бесконечной галерее картин, неподписанных и незамеченных.

Канун Рождества.

...в противоположность Новому году:

Это время семейных сборищ, пылающих дров, время подарков, особых кушаний и напитков; время скорее личное, а не общественное; время сосредоточиться на себе и семье, а не на обществе; время замерзших окон, ангелов в обрамлении звезд, горящих поленьев, плененной радуги и толстых Санта-Клаусов с двумя парами брюк — потому что самые маленькие, садящиеся к ним на колени, легко грешат; и время кафедральных окон, снежных бурь, рождественских гимнов, колоколов, представлений возле ясель, поздравлений от далеко и не очень далеко живущих, постановок Диккенса по радио, время падуба и свеч, пуанцетий и вечнозеленых растений, снежных сугробов, огней, елок, сосен, Библии и средневековой Англии, песни «О маленький город Вифлеем», время рождения и обещания, света и тьмы, ощущения до осознания, осознания до свершения, смены стражи года, время традиций, одиночества, симпатий, сочувствия, сентиментальности, песен, веры, надежды, милосердия, любви, желания, стремления, страха, осуществления, реализации, веры, надежды, смерти; время собирать камни и время разбрасывать камни, время обнимать, получать и терять, смеяться, танцевать, умирать, возвращаться, молчать, го-

ворить; время разрушать и время строить, время сеять и время собирать посеянное…

Чарльз Рендер, Питер Рендер и Джил ДеВилл праздновали сочельник вместе.

Квартира Рендера располагалась на самом верху башни из стали и стекла. Здесь царила некая атмосфера постоянства. Ряды книг вдоль стен; в некоторых местах полки прерывались скульптурами; примитивная живопись, в несколько красок, занимала свободные места. Маленькие зеркала, вогнутые и выпуклые, теперь обрамленные ветвями падуба, повешены в разных местах.

На каминной доске лежат поздравительные открытки. Горшечные растения — два в гостиной, одно в кабинете и целый куст в спальне — осыпаны блестками и звездочками. Льется музыка.

Пуншевая чаша была из драгоценного розового камня в ромбовидной оправе. Она стояла на низком кофейном столике грушевого дерева в окружении бокалов, сверкающих в рассеянном свете.

Настало время развернуть рождественские подарки…

Джил развернула свой и закуталась в нечто похожее на полотно пилы с мягкими зубьями.

— Горностай! — воскликнула она. — Какой

величественный! Какой прекрасный! О, спасибо, дорогой Творец!

Рендер улыбнулся и выпустил кольца дыма.

Свет упал на мех.

— Снег, но теплый! Лед, но мягкий… — говорила Джил.

— Шкурки мертвых животных, — заметил Рендер, — высокая награда за доблесть охотника. Я охотился за ней для тебя, я исходил вдоль и поперек всю землю. Я пришел к самым красивым из белых животных и сказал: «Отдайте мне ваши шкурки», и они отдали. Рендер могучий охотник.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказала она.

— Да?

— Вот. Вот тебе подарок.

Он развернул обертку.

— Запонки, — сказал он. — Тотемические. Три золотых лица одно над другим. Ид, эго и суперэго — так я назову их. Самое верхнее лицо — наиболее экзальтированное.

— А самое нижнее улыбается, — сказал Питер.

Рендер кивнул сыну.

— Я не уточнил, какое из них самое верхнее, — сказал он мальчику. — А улыбается оно потому, что имеет собственные радости, каких вульгарное стадо никогда не поймет.

— Бодлер? — спросил Питер.

— Хм, — сказал Рендер. — Да, Бодлер.

— …Чертовски неудачно сказано.

— Обстоятельства, — сказал Рендер, — это дело времени и случая. Бодлер на Рождество — дело чего-то старого и чего-то нового.

— Звучит, как на свадьбе, — сказал Питер.

Джил вспыхнула над своим снежным мехом, а Рендер как бы не заметил.

— Теперь твоя очередь открыть свои подарки, — сказал он сыну.

— Отлично. — Питер разорвал пакет. — Набор алхимика, — заметил он, — как раз то, что я всегда хотел — перегонный куб, реторты, водяная баня и запас жизненного эликсира. Мощно! Спасибо, мисс ДеВилл.

— Пожалуйста, называй меня Джил.

— Хорошо. Спасибо, Джил.

— Открой и второй.

— Хорошо. — Он сорвал белую бумагу с падубом и колокольчиками. — Сказочно! Вторая вещь, которую я всегда хотел: нечто заимствованное и голубое: семейный альбом в голубом переплете и копия отчета Рендера сенатской подкомиссии протоколов о социопатическом неумении приспособиться к обстановке среди правитель-

ственных служащих. А также комплект трудов Лофтинга, Грэхема и Толкиена. Спасибо, папа. Ох! Еще! Таллис, Лорели, Моцарт и добрый старый Бах. Мою комнату наполнят прекрасные звуки! Спасибо, спасибо вам. Что я дам вам взамен? Так, мелочь… Как вам это? — Он протянул один пакет отцу, другой Джил.

Оба раскрыли свои пакеты.

— Шахматы. — Рендер.

— Пудреница с пудрой и румянами. — Джил.

— Спасибо. — Рендер.

— Спасибо. — Джил.

— Не за что.

— Почему ты пришел с флейтой? — спросил Рендер.

— Чтобы вы послушали.

Питер поднял флейту и заиграл.

Он играл о Рождестве и святости, о вечере и пылающей звезде, о горячем сердце и доброте, о пастухах, королях, о свете и о голосах ангелов.

Закончив, он разобрал флейту и убрал ее.

— Очень хорошо, — сказал Рендер.

— Да, хорошо, — сказала Джил. — Очень…

— Спасибо.

— Как школа? — спросила Джил.

— Хорошая, — ответил Питер.

— Много было беспокойства с переходом?

— Нет. Потому что я хороший ученик. Папа меня здорово учил, очень здорово.

— Но тут будут другие учителя…

Питер пожал плечами.

— Если знаешь учителя, то знаешь только учителя. А если знаешь предмет, то и знаешь его. Я знаю много предметов.

— А ты знаешь что-нибудь об архитектуре? — спросила вдруг Джил.

— Что вы имеете в виду? — спросил Питер с улыбкой.

— По твоему виду похоже, что ты кое-что знаешь об архитектуре.

— Да, — согласился он. — Я недавно изучал ее.

— В сущности, я именно это и хотела узнать.

— Спасибо. Я рад, что вы думаете, что я кое-что знаю.

— А зачем ты изучал архитектуру? Я уверена, что она не входит в учебный план.

— *Nihil hominum…* — он пожал плечами.

— Ладно, я просто поинтересовалась. — Она бросила взгляд на свою сумочку и достала сигареты. — И что ты о ней думаешь?

— Что можно думать об архитектуре? Она как солнце, которое большое, яркое и просто суще-

ствует. Вот примерно и все — если только вы не хотите спросить что-то конкретное.

Она снова покраснела.

— Я имею в виду — она тебе нравится?

— Если она старая и издали, или если новая, а я внутри, когда снаружи холодно. Я утилитарен в том, что связано с физическими удовольствиями, и романтичен в том, что относится к чувствительности.

— Боже! — сказала она и поглядела на Рендера. — Чему ты учил своего сына?

— Всему, чему мог и насколько мог.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы он вдруг когда-нибудь оказался раздавленным небоскребом фактов и современной физики.

— Дурной тон — говорить о человеке, как будто его тут нет, — сказал Питер.

— Правильно, — сказал Рендер, — но хороший тон не всегда уместен.

— По-твоему, человек и извиняться не должен?

— Это каждый решает сам для себя, иначе это не имело бы смысла.

— В таком случае, я решил, что не требую ни от кого извинения, но если кто-то желает извинить-

ся, я приму это как джентльмен, в соответствии с хорошим тоном.

Рендер встал и поглядел на сына.

— Питер… — начал он.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джил. — Мне понравилось.

Рендер потянулся к чаше.

— Я подам, — сказал Питер, взял чашу и встал, опираясь локтем на спинку кресла.

Локоть соскользнул. Чаша упала на колени Джил. По белому меху побежала полоса земляничного цвета. Чаша скатилась на софу, изливая на нее остатки пунша.

Питер, сидя на полу, вскрикнул и схватился за лодыжку. Зажужжал телефон. Рендер произнес длинную тираду по латыни, взял одной рукой колено сына, а другой лодыжку.

— Здесь больно?

— Да!

— А здесь?

— Да! Везде больно!

— А тут?

— Сбоку… Вот!

Рендер помог ему встать и держал его, пока мальчик тянулся за костылями.

— Пошли. Опирайся на меня. Внизу, у доктора

Хейделла в квартире, есть домашняя лаборатория. Я хочу еще раз просветить ногу рентгеном.

— Нет! Это не…

— А что будет с моим мехом? — спросила Джил.

Телефон зажужжал снова.

— Черт бы вас всех побрал! — буркнул Рендер и включил связь. — Да! Кто это?

— Ох, это я, босс. Я не вовремя?

— Бинни! Послушайте, я не собирался рычать на вас, но тут случилось черт знает что. Поднимитесь сюда. К тому времени, как вы придете, тут все придет в порядок…

— Хорошо, если вы считаете, что это так. Только я на минутку. Я иду в другое место.

— Понятно. — Он выключил связь. — Останься здесь и впусти ее, Джил. Мы вернемся через несколько минут.

— А что делать с мехом? И с софой?

— Потом разберемся. Не переживай. Пошли, Пит.

Он вывел сына в коридор. Они вошли в лифт и направили его на шестой этаж. На пути вниз они встретили другой лифт, поднимавший Бинни наверх.

— Питер, почему ты ведешь себя, как сопливый

подросток?

Пит вытаращил глаза.

— У меня просто ускоренное развитие, а что касается сопливости… — он шмыгнул носом.

Рендер вздохнул.

— Поговорим позднее.

Дверь открылась.

Квартира доктора Хейделла находилась в конце коридора. Большая гирлянда из вечнозеленых растений и сосновых шишек висела над дверью, окружая дверной молоток. Рендер поднял молоток и постучал.

Изнутри доносились слабые звуки рождественской музыки. Через минуту дверь открылась. Перед ними стоял доктор Хейделл, глядя на них из-за толстых очков.

— Добро пожаловать, певцы гимнов! — проговорил он низким голосом. — Входите, Чарльз и…

— Мой сын Питер, — сказал Рендер.

— Рад встретиться с тобой, Питер. Входи и присоединяйся к празднеству. — Он распахнул дверь и посторонился.

Они вошли в праздничный взрыв, и Рендер объяснил:

— У нас маленькое несчастье. Питер недавно сломал лодыжку, а вот сейчас опять упал на нее. Я

хотел бы воспользоваться вашим рентгеновским аппаратом, чтобы проверить ногу.

— Конечно, пожалуйста, — сказал маленький доктор. — Пройдите сюда. Очень грустно слышать об этом.

Он провел их через гостиную, где в разных местах сидели семь или восемь человек.

— Счастливого Рождества!

— Привет, Чарли!

— Счастливого Рождества, док!

— Как идет промывка мозгов?

Рендер автоматически поднял руку и помахал в четырех разных направлениях.

— Это Чарльз Рендер, нейросоучастник, — объяснил Хейделл остальным, — и его сын Питер. Мы вернемся через несколько минут. Им нужна моя лаборатория.

Они вышли из комнаты, сделали два шага по вестибюлю. Хейделл открыл дверь в свою отдельную лабораторию. Эта лаборатория стоила ему немало времени и средств. Потребовалось согласие местных строительных властей, подписей больше чем для целого госпиталя, согласие квартирного хозяйства, которое в свою очередь упирало на письменное согласие всех других жильцов. Как понял Рендер, для некоторых

жильцов потребовалось экономическое уговаривание.

Они вошли в лабораторию, и Хейделл пустил в ход свою аппаратуру. Он сделал нужные снимки, быстро проявил их и высушил.

— Хорошо, — сказал он, изучив снимки. — Никакого повреждения, перелом прекрасно заживает.

Рендер улыбнулся и заметил, что руки его дрожат. Хейделл хлопнул его по плечу.

— Итак, вернемся к гостям и попробуем наш пунш.

— Спасибо, Хейделл. Попробую. — Он всегда звал Хейделла по фамилии, потому что они оба были Чарльзами.

Они выключили оборудование и вышли из лаборатории.

Вернувшись в гостиную, Рендер пожал несколько рук и сел с Питером на софу.

Он потягивал пунш, а один из мужчин, с которым он только сейчас познакомился, доктор Минтон, обратился к нему.

— Вы Творец, да?

— Да.

— Меня всегда интересовала эта область. На прошлой неделе в госпитале мы как раз обсужда-

ли отказ от этого.

— Вот как?

— Наш главный психиатр заявил, что нейротерапия не более и не менее успешна, чем обычный терапевтический курс.

— Я вряд ли поставил бы его судьей, особенно, если вы говорите о Майке Майсмере, а я думаю, вы говорите именно о нем.

Доктор Минтон развел руками.

— Он сказал, что собрал цифры.

— Изменение пациента при нейротерапии — это качественное изменение. Я не знаю, что ваш психиатр подразумевал под «успешностью». Результаты успешны, если вы ликвидируете проблему пациента. Для этого есть различные пути, их так много, как и врачей, но нейротерапия качественно выше некоторых, вроде психоанализа, потому что она производит крайне малые органические изменения. Она действует непосредственно на нервную систему под патиной реальности и сквозь центростремительные импульсы. Она вызывает желаемое состояние самосознания и создает неврологическое основание для поддержки этого состояния. Психоанализ же и смежные с ним области чисто академичны. Проблема менее склонна к рецидиву, если она

скорректирована нейротерапией.

— Тогда почему вы не пользуетесь ей для лечения психотиков?

— Раза два это делалось. Но вообще-то это слишком рискованное дело. Не забывайте, что ключевое слово — «соучастие». Участвуют два мозга, две нервные системы. Это может обернуться в свою противоположность — антитерапию, если отклонение слишком сильно для контроля оператора. *Его* состояние самосознания может ухудшиться, *его* неврологический фундамент измениться. Он сам станет психотиком, страдающим повреждением разума.

— Наверное, есть какая-то возможность выключить обратную связь? — спросил Минтон.

— Пока нет. Этого нельзя сделать, не пожертвовав эффективностью оператора. Как раз сейчас над этим работают в Вене, но до решения еще очень далеко.

— Если вы найдете решение, то, вероятно, сможете зайти в область более серьезных душевных болезней, — сказал Минтон. Рендер допил свой пунш. Ему не понравилось подчеркнутое слово «серьезных».

— А пока, — сказал он после паузы, — мы лечим то, что *можем*, и лучшим из всех возможных

способов, а нейротерапия — лучшее из того, что мы знаем.

— Кое-кто утверждает, что вы в действительности не лечите неврозы, а угождаете им — удовлетворяете пациентов, давая им маленькие миры, в которых их собственные неврозы свободны от реальности; миры, где они командуют как помощники Бога.

— Не тот случай, — сказал Рендер. — То, что случается в этих маленьких мирах, не обязательно приятно пациенту. И он почти ничем не командует; командует Творец — или, как вы сказали, Бог. Вы познаете радость и познаете боль. Как правило, при лечении больше боли, чем радости. — Он закурил и получил вторую чашу пунша. — Так что я не считаю эту критику ценной, — закончил он.

— А она все шире распространяется.

Рендер пожал плечами.

Он прослушал рождественский гимн и встал.

— Огромное спасибо, Хейделл, — сказал он, — мне пора.

— Куда вы торопитесь? — спросил Хейделл. — Оставайтесь подольше.

— Рад бы, но у меня наверху люди, так что я должен вернуться.

— Да? Много?

— Двое.

— Давайте их сюда. У меня тут запасов предостаточно. Накормлю и напою их.

— Договорились, — сказал Рендер.

— Ну и прекрасно. Почему бы вам не позвонить им отсюда?

Рендер так и сделал.

— Лодыжка Питера в порядке, — сообщил он.

— Замечательно. А как насчет моего манто? — спросила Джил.

— Забудь пока о нем, я займусь этим позднее.

— Я попробовала теплой водой, но розовое пятно осталось…

— Положи его обратно в коробку и больше не морочь мне голову! Я же *сказал*, что займусь им.

— Ладно, ладно. Мы через минуту спустимся. Бинни принесла подарок для Питера и кое-что для тебя. Она собирается к сестре, но сказала, что не спешит.

— Прекрасно. Тащи ее вниз. Она знает Хейделла.

— Отлично. — Она выключила связь.

Канун Рождества.

В противоположность Новому году:

Это скорее личное, а не общественное время;

время сосредоточиться на себе и семье, а не на обществе; это время многих вещей: время получать и время терять; время хранить и время выбрасывать; время сеять и время собирать посеянное…

Они ели возле буфета. Большинство пили горячий ренрико с корицей и гвоздикой, фруктовый коктейль и имбирный пунш. Разговаривали об искусственных легких, о компьютерной диагностике, о бесценных свойствах пенициллина. Питер сидел, сложив руки на коленях, слушал и наблюдал. Костыли лежали у ног. Комната была полна музыки.

Джил тоже сидела и слушала.

Когда говорил Рендер, слушали все. Бинни улыбалась, взяв второй бокал. Рендер говорил как диктор и с иезуитской логичностью. Ее босс — человек известный. А кто знает Минтона? Только сослуживцы. Творцы знамениты, а она секретарша Творца. О Творцах знает всякий. Подумаешь — быть специалистом по сердцу или по костям, анестезиологом или по внутренним болезням! А ее босс был мерилом славы. Девушки вечно спрашивали ее о нем, о его магической машине…

«Электронные Свенгали», так назвал их «Тайм», и Рендеру было отведено три столбца — на два

больше, чем другим (не считая Бартельметца, конечно).

Музыка сменилась легкой классической, балетом. Бинни почувствовала ностальгию, ей вновь хотелось танцевать, как бывало в давние времена. Праздник, компания вкупе с музыкой, пуншем и декорацией заставили ее ноги медленно притоптывать, а мозг — вспоминать свет, сцену, полную цвета и движения, и себя. Она прислушалась к разговору.

— …если вы можете передавать им и воспринимать их, значит, можете и записывать? — спрашивал Минтон.

— Да, — ответил Рендер.

— Я вот что подумал: почему не пишут больше об этих ангельских вещах?

— Лет через пять-десять, а может и раньше — напишут. Но сейчас использование прямой записи ограничено — только для квалифицированного персонала.

— Почему?

— Видите ли… — Рендер сделал паузу, чтобы закурить, — если быть полностью откровенным, то вся эта область под особым контролем, пока мы не узнаем о ней побольше. Если это дело широко обнародовать, его могут использовать в

коммерческих целях… и, возможно, с катастрофическими последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мог бы взять вполне стабильную личность и построить в ее мозгу любой вид сна, какой вы способны представить, и множество таких, каких вы представить не сможете — полный диапазон от насилия и секса до садизма и извращений, сон о заговоре с полностью исторической основой или сон, граничащий с безумием; сон о немедленном выполнении любого желания. Я даже мог использовать визуальное искусство, от экспрессионизма до сюрреализма, если хотите. Сон о насилии в кубистической постановке — нравится? Пожалуйста. Можете даже стать лошадью в «Гернике». Я мог бы записать все это и проиграть вам или кому угодно множество раз.

— Вы бог!

— Да, бог. Я мог бы сделать богом и вас тоже, если бы вы захотели, мог бы сделать вас Создателем и дать пережить все Семь Дней. Я управляю чувством времени, внутренними часами и могу растянуть реальную минуту в субъективные часы.

— Рано или поздно такие вещи произойдут,

не так ли?

— Да.

— И каковы будут результаты?

— Никто не знает.

— Босс, — тихо сказала Бинни, — вы могли бы снова вернуть к жизни воспоминания? Могли бы воскресить что-то из прошлого и дать ему жизнь в мозгу человека, и чтобы все это было бы реальным?

Рендер прикусил губу и как-то странно поглядел на нее.

— Да, — сказал он после долгой паузы, — но это не было бы добрым делом. Это поощряло бы жизнь в прошлом, которое сейчас не существует. Нанесло бы ущерб умственному здоровью. Это регресс, атавизм, невротический уход в прошлое.

Комната наполнилась звуками «Лебединого озера».

— И все-таки, — сказала Бинни, — я хотела бы снова стать лебедем.

Она медленно встала и сделала несколько неуклюжих па — отяжелевший, подвыпивший лебедь в красновато-коричневой одежде. Затем она покраснела и поспешно села, но засмеялась, и все засмеялись с ней.

— А куда бы хотели вернуться вы? — спросил

Минтон Хейделла.

Маленький доктор улыбнулся.

— В один летний уикэнд моего третьего года в медицинской школе, — сказал он. — Да, я истрепал бы эту ленту за неделю. А как насчет тебя, сынок? — спросил он Питера.

— Я слишком мал, чтобы иметь какие-то хорошие воспоминания, — ответил Пит. — А вы, Джил?

— Не знаю… Думаю, хотела бы снова стать маленькой девочкой, и чтобы папа, мой любимый папа, читал мне воскресными зимними вечерами. — Она взглянула на Рендера. — А ты, Чарли? Если бы ты не был в данный момент профессионалом, в каком времени ты хотел бы быть?

— В этом самом, — с улыбкой ответил он. — Я счастлив как раз там, где я есть, в настоящем, которому принадлежу.

— Ты и в самом деле счастлив?

— Да, — сказал он и взял еще бокал пунша. — Я и в самом деле счастлив. — Он засмеялся.

Позади него послышалось тихое посапывание. Бинни задремала.

А музыка кружилась и кружилась, и Джил смотрела на Рендеров — то на отца, то на сына. Лодыжка Питера снова была в гипсе. Сейчас

мальчик зевал. Она разглядывала его. Кем он будет через десять-пятнадцать лет? Знаменитым гением? Светилом какой-нибудь еще неизвестной науки? Она смотрела на Питера, а он следил за отцом.

— …но это могло быть подлинной формой искусства, — говорил Минтон, — и я не понимаю, чего ради цензура…

Она посмотрела на Рендера.

— Человек не имеет права быть безумным, — сказал Рендер, — и никто в наше время не имеет права на самоубийство…

Она коснулась его руки. Он вздрогнул, как бы проснувшись, и отдернул руку.

— Я устала, — сказала она. — Ты не отвезешь меня домой?

— Чуть позже, — ответил он. — Дай Бинни еще немножко подремать. — И он снова повернулся к Минтону.

Питер повернулся к Джил и улыбнулся.

Она внезапно почувствовала, что и в самом деле очень устала. А ведь раньше она очень любила Рождество.

Бинни продолжала посапывать; время от времени слабая улыбка мелькала на ее лице. Видимо, она танцевала.

Где-то кричал человек по имени Пьер — вероятно, потому, что больше не был человеком по имени Пьер.

— Я? Я жизнелюбивый, как уверяет ваш еженедельник Тайм. Спокойно переносящий удары по морде, Чарли. Нет, не по *твоей* морде! По моей! Понятно? Вот так. Такое выражение всегда приходит к человеку, когда он смотрит на заголовок, уже прочтя статью от начала до конца. Но тогда уже поздно. Да, конечно, они желают добра, но ведь понятно…

Пришли мальчика с кувшином воды и тазиком, ладно? «Смерть номер», как это называют. Говорят, что человек может исполнять тот же «номер» много лет, обходя обширную и сложную социологическую структуру, «контур», и преподнося этот «номер» в новые девственные уши при всяком удобном случае. О, живущая смерть! Когда-то мировые телекоммуникации толкали это инвалидное кресло по склону бесчисленных выборов. Теперь оно прыгает по камням Лимбо. Мы входим в новую, счастливую и энергичную эру… Так вот, все твои люди отправились в Хельсинки и Тиерра дель Фуэго; скажи, слышал ли ты такую штуку: речь идет об одном старинном комике, имевшем всего лишь один удачный

«номер», хорошую шутку. Однажды вечером он участвовал в радиопостановке и, по своему обыкновению, выдал шутку. Хорошая была шутка, удачная и совершенно к месту, полная смысла, значения и антитезиса. К сожалению, после этого он лишился работы, потому что эта шутка дошла до каждого. В отчаянии он взобрался на перила моста и уже собирался броситься вниз, как его остановил голос: «Не бросайся вниз, в темный текучий символ смерти, и слезай с перил». Обернувшись, он увидел странное создание, к слову сказать, безобразное, все в белом, смотревшее на него и улыбавшееся беззубым ртом. «Кто ты, странное улыбающееся создание в белом?» — спросил он. «Я Ангел Света», — ответило создание. — «Я пришла, чтобы остановить тебя от самоубийства». Он покачал головой. «Увы, — сказал он, — я должен покончить с собой, потому что моя шутка полностью устарела». Она подняла руку и сказала: «Не отчаивайся, мы, Ангелы Света, способны творить чудеса. Я могу дать тебе втрое больше «номеров», чем может быть использовано за короткий слабый виток существования смертных». — «Тогда, умоляю, скажи, что я должен сделать для этого». — «Спать со мной», — ответила она. «Но в этом что-то

неправильное, неангельское». — «Ничуть, — возразила Ангел, — почитай внимательно Ветхий Завет, и узнаешь об ангельских отношениях». «Ладно», — согласился он, и они ушли. Он сделал с ней «номер», несмотря на тот факт, что она едва ли была самой привлекательной из Дочерей Света. На следующее утро он встал и закричал: «Проснись! Проснись! Пора уже отдать мне вечный запас шуток». — «Давно ли ты занимаешься шутками?» — спросила она. «Тридцать лет». — «А сколько лет тебе?» — «Сорок пять». — «Не многовато ли, чтобы верить в Ангелов Света?» — засмеялась она. Он ушел и, конечно, придумал еще одну шутку. А теперь дай мне немного спокойной музыки. Вот хорошо. Вообще-то она заставляет морщиться, и знаешь почему? Где ты в наше время слышишь спокойную музыку? В кабинете дантиста, в банке, в магазине и тому подобных местах, где всегда приходится долго ждать обслуживания. Ты слышишь успокаивающую музыку, когда твое сознание подвергается травмам. И что в результате? Успокаивающая музыка становится самой беспокоящей вещью в мире. И она всегда вызывает у меня голод, потому что ее играют в тех ресторанах, где медленно обслуживают. Ты ждешь еды, а тебе играют эту

проклятую музыку. Да… Ну, где мальчик с кувшином и тазиком? Я хочу вымыть руки…

А ты слышал про пилота, который был на Центавре? Он обнаружил там расу гуманоидов и стал изучать их обычаи, нравы, табу. Наконец, затронул тему воспроизводства. Изящная молодая девица взяла его за руку и отвела на завод, где собирали центаврийцев. Да, именно собирали — торсы шли по конвейеру, к ним привинчивали суставы, в черепа бросали мозги, внутрь тела заталкивали органы, приделывали к пальцам ногти и т. д. Он выразил изумление, и она спросила: «Почему? А как это делают на земле?» Он взял ее за нежную ручку и сказал: «Пойдем за холмы, и я продемонстрирую». Во время демонстрации она вдруг истерически захохотала. «В чем дело? — спросил он. — Почему ты смеешься?» «Потому что, — ответила она, — таким способом мы делаем машины»… Выключи меня, бэби, и продай немного зубной пасты!

…Эй! Это я, Орфей, должен быть разорванным на куски такими, как вы! Но в одном смысле это, пожалуй, подходяще. Что ж, приходите, корибанты, и творите свою волю над певцом!

Темнота. Вопль.

Тишина.

Аплодисменты!

Она всегда приходила рано и входила одна; и всегда садилась на одно и то же место. Сидела в десятом ряду в правом крыле, и единственной досадой для нее были антракты: она не могла предвидеть, когда кто-нибудь захочет пройти мимо нее.

Она приходила рано и оставалась до тех пор, пока театр не погружался в тишину.

Она любила звук хорошо поставленного голоса, поэтому предпочитала британских актеров американским.

Музыкальные спектакли она любила не потому, что очень любила музыку, а потому что ей нравилось чувство волнения в голосах. Поэтому же ей нравились стихотворные пьесы.

Ее вдохновляли древнегреческие пьесы, но «Царя Эдипа» она терпеть не могла.

Она надевала подкрашенные очки, но не темные. И никогда не носила трость.

Однажды вечером, когда должен был подняться занавес перед последним актом, темноту прорезало световое пятно. В него шагнул мужчина и спросил:

— Есть ли в зале врач?

Никто не отозвался.

— Это очень важно, — продолжал он. — Если здесь есть доктор, просим немедленно пройти в служебный кабинет в главном фойе.

Он оглядывался вокруг, но никто не шевельнулся.

— Благодарю, — сказал он и ушел со сцены.

Затем поднялся занавес, и снова возникли движение и голоса. Она подождала, прислушиваясь. Затем встала и двинулась вверх по крылу, ощупывая стену пальцами. Выйдя в фойе, она остановилась.

— Могу я помочь вам, мисс?

— Да, я ищу служебный кабинет.

— Вот он, слева от вас.

Она повернулась и пошла влево, слегка вытянув вперед руку. Коснувшись стены, вела по ней рукой, пока не нащупала дверь. Тогда постучала.

— Да? — дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— Вы врач?

— Да.

— Быстрее! Сюда!

Она пошла по звуку его шагов внутрь и в коридор, параллельный крылу зала. Услышала, что человек поднимается по лестнице, и последовала за ним.

Они дошли до костюмерной и вошли в нее.

— Вот он.

— Что случилось? — спросила она, вытянув руку и коснувшись человеческого тела.

Послышался булькающий звук и кашель без дыхания.

— Это рабочий сцены, — сказал мужчина. — Думаю, он подавился ириской. Он вечно жует их. Видимо, она застряла в горле, и вытащить нельзя.

— Вы вызвали скорую?

— Да, но вы посмотрите на него, он же весь посинел! Не знаю, успеют ли они.

Она откинула голову пострадавшего и ощупала горло внутри.

— Да, какое-то препятствие. Я тоже не могу его извлечь. Дайте мне короткий, острый нож — простерилизованный. Быстро!

— Сию минуту, мэм.

Она осталась одна. Нащупала пульс сонной артерии. Положила руки на напряженную грудь больного, откинула его голову еще больше назад и нащупала горло.

Прошла минута с небольшим. Звук поспешных шагов.

— Вот… Мы вымыли лезвие спиртом…

Она взяла нож в руки. Вдалеке послышалась сирена скорой помощи, но она не была уверена, что врачи успеют вовремя.

Поэтому она проверила нож кончиком пальца, а затем повернулась к тому, чье присутствие рядом ощущала.

— Не думаю, что вам стоит смотреть. Я собираюсь сделать ему срочную трахеотомию. Это неприятное зрелище.

— Ладно, я подожду за дверью.

Удаляющиеся шаги…

Она разрезала.

Вздох, затем поток воздуха. Затем мокрое… пузырящийся звук.

Она повернула голову больного. Когда врач «скорой» появился через дверь сцены, ее руки снова лежали спокойно, потому что она знала: человек будет жить.

— …Шаллот, — сказала она врачу. — Эйлин Шаллот, госпсихцентр.

— Я слышал о вас. Но ведь вы…

— Да, но людей я читаю лучше, чем по Брейлю.

— Да, вижу. Значит, мы можем встретиться с вами в психцентре?

— Да.

— Спасибо, доктор. Спасибо вам, — сказал ме-

неджер.

Она вернулась на свое место в зрительный зал.

Последний занавес. Она сидела, пока зал не опустел.

Сидя здесь, она все еще чувствовала сцену.

Сцена для нее была центральной точкой звука, ритма, чувства движения, некоторых нюансов света и тьмы — но не цвета; это был центр особого рода блеска для нее: место пульса, конвульсии жизни через цикл страстей и восприятий; пифагорейская триада: страсти, наука и поэтика; место, где способные к благородным страданиям — благородно страдали, место, где остроумные французы ткали легкую ткань комедий, место, где черная поэзия нигилистов продавала себя за доступную цену тем, кто над ней насмехался, место, где проливалась кровь, и крики имели хорошую дикцию, а песни звенели, и где Аполлон и Дионис ухмылялись из-под крыльев, где Арлекин постоянно ухитрялся извлечь капитана Спеццафера из его штанов. Это было место, где любое действие можно имитировать, но где за всеми действиями реально стоят лишь две вещи: счастье и горе, комическое и трагическое, то есть любовь и смерть — две вещи, определяющие состояние человека; это было место героев и не

вполне героев; это было место, которое она любила, и она видела там только одного человека, лицо которого знала, он шел через это место, осыпанный символами… Поднять руки против моря тревог, злой встречи в лунном свете, и обратить это в их противоположность, призвать силу мятежных ветров и создать ревущую битву между зеленью моря и лазурным сводом… Какое же это великое творение — человек! Обладающее бесконечным разнообразием способностей, форм, движения!

Она знала его во всех его ролях, того, кто не мог существовать без зрителей. Он был жизнью.

Он был Творцом.

Он был Действующим и Двигающим.

Он был более велик, чем герои.

Мозг может содержать множество вещей. Он учится. Но он не может научиться не думать.

Эмоции качественно сохраняются неизменными всю жизнь; стимулятор, на который они отвечают, имеет количественные вариации, но ощущения — это основа дела.

Вот почему театр выжил: это перекресток культур; он содержит северный и южный полюсы человеческого состояния; эмоции падают в его притяжение, как железные опилки.

Мозг не может научиться не думать, но ощущения следуют заранее заданным узорам.

Он был ее театром.

Он был полюсами мира.

Он был всеми действиями.

Он был не имитацией действий, но самими действиями. Она знала, что он очень способный человек, и зовут его Чарльз Рендер.

Он Творец.

В мозгу содержится много вещей. Но *он* больше любой другой вещи. Он был всем.

Она чувствовала это.

Когда она встала и пошла, ее каблуки гулко стучали в опустевшей тьме.

Пока она поднималась по крылу, звуки собственных шагов снова и снова возвращались к ней.

Она шла по пустому театру, уходила от пустой сцены. Она была одна.

У верхнего ряда она остановилась.

Как далекий смех внезапно обрывается шлепком, упала тишина.

Она не была теперь ни зрительницей, ни актрисой. Она была одна в темном театре.

Она разрезала горло и спасла жизнь.

Вечером она чувствовала, слушала, аплоди-

ровала.

А сейчас все исчезло, и она одна в темном театре.

И ей стало страшно.

Человек продолжал идти вдоль шоссе, пока не дошел до вполне определенного дерева. Там он остановился, держа руки в карманах, и долго смотрел на дерево. Затем повернулся и пошел обратно, откуда пришел.

Завтра будет другой день.

— О, увенчанная скорбью любовь моей жизни, почему ты покинул меня? Разве я не красива? Я давно любила тебя, и все тихие места слышат мои стенания. Я любила тебя больше себя, и страдала от этого. Я любила тебя больше жизни со всей ее сладостью, и сладость стала гвоздичной и миндальной. Я готова оставить эту свою жизнь для тебя. Почему ты должен был отбыть на ширококрылом, многоруком корабле за море, взяв с собой свои лавры и пенаты, а я — остаться здесь одна? Я бы сделала себя костром, чтобы сжечь пространство и время, разделяющие нас. Я должна быть с тобой всегда. Я пошла бы на это сожжение не тихо и молча, но с рыданиями. Я не обычная девушка, чтобы чахнуть всю жизнь и

умереть пожелтевшей и с потухшими глазами: во мне кровь Принцев Земли, и моя рука — рука воина в битве. Мой поднятый меч разрубает шлем моего врага, и враг падает. Я никогда не была покорной, милорд. Но глаза мои болят от слез, а язык мой — от воплей. Заставить меня увидеть тебя, чтобы затем никогда больше не иметь этой возможности — это преступление хуже убийства. Я не могу забыть ни свою любовь, ни тебя. Было время, когда я смеялась над любовными песнями и жалобами девушек у реки. А теперь мой смех вырван, как стрела из раны, и я без тебя одинока. И не взыскивай с меня, любимый, потому что я любила тебя. Я хочу разжечь костер моими воспоминаниями и надеждами. Я хочу сжечь мои уже горящие мысли о тебе, положить их тебе поэмой на лагерный костер, чтобы ритмичные фразы превратились в пепел. Я любила тебя, а ты уехал. Никогда в жизни я не увижу тебя, не услышу музыку твоего голоса, не почувствую трепета от твоего прикосновения. Я любила тебя, и я покинута и одинока. Я любила тебя, а мои слова попадают в глухие уши, и сама я стою перед невидящими очами. Разве я не красива, о ветры Земли, омывающие меня, раздувающие мои костры? Почему же он покинул меня, о жизнь

сердца в моей груди? Я иду теперь к пламени моего отца, чтобы тот приласкал меня. Из всех любимых всех времен никогда не было такого, как ты. Пусть боги благословят тебя и поддержат, пусть не слишком строго судят они тебя за то, что ты делал. Я сгорю из-за тебя, Эней! Костер, будь моей последней любовью!

Когда она качнулась в круге света и упала, раздались аплодисменты. Затем зал потемнел.

Через мгновение свет снова загорелся, и другие члены клуба «Искусство и миф» встали и выступили вперед, чтобы поздравить ее с удачной интерпретацией. Они говорили о значении народных мотивов от сати до жертвоприношения Брунхильды.

«Огонь в основе всего — это хорошо», — решили они. «Костер… моя последняя любовь» — хорошо: Эрос и Танатос в финальном очищении взрыва пламени.

Когда они высказывали свою оценку, в центр зала вышли маленький сутулый мужчина и его похожая на птицу и по-птичьи идущая жена.

— «Элоиза и Абеляр», — объявил мужчина.

Вокруг воцарилось почтительное молчание. Высокий мускулистый человек средних лет с блестящим от пота лицом подошел к нему.

— Мой главный кастратор, — сказал Абеляр.

Крупный мужчина улыбнулся и поклонился.

— Ну, давайте начнем…

Хлопок — и упала тьма.

Глубоко зарытые в землю, как мифологические черви, силовые линии, нефтепроводы и пневматические трубы тянутся через континент. Перистальтически пульсирующие, они гложут недра Земли; несут масло и электричество, воду и уголь, посылки, тюки и письма. Все эти вещи, пройдя под землей, извергаются в местах назначения, и машины, работающие в этих местах, принимают их.

Они слепы и прячутся подальше от солнца; они не имеют вкуса и не переваривают землю; они не имеют ни обоняния, ни слуха. Земля — их каменная тюрьма. Они знают только то, к чему прикасаются, и прикосновение — это их постоянная функция.

Такова глубинная суть червя.

В новой школе Рендер поговорил со штатным психологом и осмотрел оборудование физвоспитания. Затем осмотрел квартиры учащихся и был удовлетворен.

Но сейчас, снова оставив Питера одного в

учебном заведении, он чувствовал какое-то недовольство. И сам не знал, почему. Все, казалось, было в полном порядке, как и в первое его посещение. Питер вроде бы был в хорошем настроении. Даже в исключительно хорошем.

Рендер вернулся в свою машину и выехал на шоссе — громадное дерево без корней, ветви которого покрывают два континента (а когда закончат мост через Берингов пролив — будут протягиваться по всему миру, кроме Австралии, полярных областей и островов), — раздумывал и удивлялся, что не находит причин своего недовольства. Руки его лежали на коленях, ландшафт прыгал вокруг вверх и вниз, потому что он ехал по холмам.

Рука снова поднялась к панели.

— Алло?

— Эйлин, это Рендер. Не имел возможности позвонить вам раньше, но слышал, что вы сделали трахеотомию в театре.

— Да. Я сделала доброе дело — я и острый нож. Откуда вы звоните?

— Из машины. Я только что отвез Питера в школу и теперь возвращаюсь.

— Да? Как он? Как его лодыжка?

— Отлично. Мы тут слегка испугались на Рожде-

ство, но все обошлось. Расскажите, что случилось в театре, если это вас не смущает.

— Разве врача смущает кровь? — она тихо засмеялась. — Так вот, было уже поздно, перед последним актом…

Рендер откинулся, закурил и с улыбкой слушал.

Местность снаружи стала гладкой равниной, и машина катилась по ней, как кегельный шар, точно по канавке.

Он проехал мимо идущего пешком человека.

Под проводами высокого напряжения, над захороненными кабелями, он снова шел рядом с главной ветвью дороги-дерева, шел сквозь заснеженный воздух, пронизанный радиоволнами от различных приборов.

Мимо неслись машины, и некоторые пассажиры видели его.

Руки он держал в карманах, голову опустил, потому что не смотрел ни на что. Воротник пальто был поднят, и тающие дары небес — снежные хлопья — приклеивались к полям его шляпы. Он был в галошах. Земля была мокрая и грязноватая.

Он шел медленно, с трудом — случайная заряженная частица в поле громадного генератора.

— …обедаем вечером в «КиС»?
— Почему бы и нет? — сказал Рендер.
— Скажем, в восемь?
— В восемь. Договорились.

Некоторые из них падали с неба, но большинство пробирались по дорогам…

Машины высаживали своих пассажиров на платформы в больших механизированных ульях. Возле будок выхода с кольцевой линии подземки стояли на стоянках аэротакси.

Но заходили в выставочный зал люди пешком. Здание было восьмиугольное. Крыша напоминала перевернутую супницу. Восемь нефункциональных треугольников из черного камня украшали каждый угол снаружи.

«Супница» была избирательным светофильтром. Сейчас она высосала всю голубизну серого вечера и слабо светилась, белая, белее выпавшего вчера снега. Внутри потолок был как небо безоблачным летним днем, но без солнца.

Люди шли под этим небом среди экспонатов, как темный поток среди скал.

Они двигались волнами и редкими водоворотами. Они клубились, сбивались, журчали и бормотали. Иногда мелькали яркие вспышки…

Ровный поток изливался из припаркованных

за голубым горизонтом машин. Закончив обход, он возвращался к выходу наружу, под стальные облака.

Так выглядела выставка «Лики космоса», организованная ВВС. Она работала уже две недели по двадцать четыре часа в сутки и привлекала посетителей со всего мира.

Это была выставка достижений Человека в космосе.

Ее руководителем был двухзвездный генерал, в его штате — дюжина полковников, восемнадцать подполковников, много майоров, капитанов и бесчисленное количество лейтенантов. Самого генерала никто не видел, кроме полковников и работников «Выставки, Инк.». Выставочный зал принадлежал компании «Выставки, Инк.» и был аэровокзалом, время от времени превращающимся в выставки.

Как входишь в Зал-Поганку, как его кто-то окрестил, сразу же направо идет Галерея.

В Галерее вся стена была увешана огромными фотографиями, так что посетитель почти мог войти в них, потеряться в громадных стройных горах за Лунной Базой III, выглядевших так, словно они покачиваются от ветра, хотя никакого ветра там быть не могло; войти в купол-пузырь

подводного города; провести рукой по холодным частям наблюдательного мозга и почувствовать, как в нем щелкают быстрые мысли; войти в пыльную пустыню под зеленоватым небом, обойти высокие стены Портового комплекса — монолитные, серо-голубые, построенные на Бог весть каких развалинах, войти в эту крепость, где по марсианскому складу люди двигаются как призраки, ощутить текстуру гласситовых стен, которые произвели сенсацию во всем мире; пройтись по акру меркурианского ада, посмотреть на его цвета — пылающий желтый, серо-коричневый и оранжевый, и, наконец, затеряться в Большом Ледяном Коробе, ледяного гиганта, сражающегося с огненным существом, в котором каждое отделение запечатано и отделено, как в подводной лодке или транспортной ракете, и по тем же причинам; или пройтись, заложив руки в карманы, разглядывая цветные прожилки на стенах, похожих на опал, и увидеть солнце как сверкающую звезду, поежиться, выпустить облачко пара и признать, что все эти места крайне удивительны, и фото тоже хороши.

После Галереи шли гравитационные комнаты, куда надо было подниматься по лестнице, пахнувшей свежеспиленным деревом. Наверху человек

мог выбрать любую гравитацию: лунную, марсианскую, меркурианскую — и спуститься обратно, упав при уменьшенной силе тяжести, познав на миг ощущение переноса своего собственного веса в выбранный мир. Платформа уходит вниз, мягкая посадка — будто падаешь в сено или на перину.

Дальше были латунные перила на высоте пояса, очерчивающие круг Фонтана Миров. Наклонись и смотри… Посреди светлого дня — бездонное озеро мрака…

Это планетарий.

Миры в нем движутся по магнитным силовым линиям. Они вращаются вокруг горящего лучистого шара — солнца. Расстояние от одного до другого уменьшено, и они холодно и бледно сияют во мраке; Земля — изумруд и бирюза; Венера — молочный янтарь; Марс — оранжевый шербет; Меркурий — масло; Нептун — свежеиспеченный хлеб.

Фонтан Миров демонстрировал пищу и богатство. Жаждущие и вожделеющие наклонялись над латунными перилами и смотрели. Это вызывало у них болезненные мечты.

Другие бросали взгляд и проходили мимо, чтобы увидеть воспроизведение декомпрессионной

комнаты на «Лунной базе I» в натуральную величину или услышать специалиста, представителя производителя, сообщающего малоизвестные факты насчет конструкций воздушных шлюзов и мощности воздушного насоса (низкорослый рыжий человек, большой эрудит). Можно было также проехать через холл в карах на подвесной монорельсовой дороге или посмотреть двадцатиминутный фильм. Можно подняться на специально созданный здесь каменный завал в скейлботах и поорудовать захватами-клешнями, какими пользуются во внеземных горных разработках.

Но наиболее алчущие задерживаются у планетария дольше. Они долго стоят, меньше смеются. Ответвление потока, образующего заводь…

— Думаешь отправиться куда-нибудь?

Мальчик повернул голову, двинувшись на костылях, и посмотрел на обратившегося к нему подполковника. Офицер был высокого роста, с загорелыми руками и лицом, с темными глазами; маленькие усики и тонкая коричневая дымящаяся трубка больше всего бросались в глаза, когда взгляд поднимался выше аккуратного, хорошо пошитого мундира.

— Почему? — спросил мальчик.

— Ты как раз в том возрасте, когда планируют будущее. Карьеру надо нанести на карту заранее. Можно промахнуться, если в тринадцать лет не думать вперед.

— Я читаю всякую литературу…

— Без сомнения. В твоем возрасте все читают. Но сейчас ты видишь модели и думаешь, что это здесь такое же, как настоящее. Но разница большая, громадная. Ты не поймешь того *ощущения*, лишь читая буклеты.

Наверху прошуршал монорельсовый кар. Офицер показал на него трубкой.

— Даже *это* не то же, что прокатиться над Большим Ледяным Каньоном, — заметил он.

— Тогда виноваты те, кто пишет буклеты, — сказал мальчик. — Любой человеческий опыт может быть описан и интерпретирован достаточно хорошим писателем.

Офицер искоса взглянул на него.

— Повтори-ка это еще раз, сынок.

— Я сказал, что если ваши буклеты не говорят того, что вы хотите от них, то это не вина того материала, что в них описан.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Ты чертовски умен для своего возраста.

Мальчик пожал плечами, поднял костыль и показал им в направлении Галереи.

— Хороший художник мог бы сделать вам в пятьдесят раз лучшую работу, чем эти большие глянцевые фото.

— Это очень хорошие фото.

— Конечно, хорошие. Отличные. И, наверное, очень дорогие. Но любая из этих сцен у настоящего художника была бы бесценной.

— Пока что в нашем деле нет места художникам. Сначала идут землекопы, а культура потом.

— А почему бы не сделать наоборот? Набрать нескольких художников, а они помогут вам найти кучу землекопов.

— Хм, — сказал офицер, — интересная точка зрения. Не прогуляешься ли со мной немного? Посмотришь еще кое-какие достопримечательности.

— Что ж, — сказал мальчик, — почему бы и нет? Правда, прогуляться — не совсем подходящее слово…

Он качнулся на костылях, поравнялся с офицером, и они пошли мимо экспонатов.

Скейлботы ползли по стене, цепляясь клешнями.

— Устройство этих вещей основано на работе

ног скорпиона?

— Да, — ответил офицер. — Один талантливый инженер украл этот трюк у Природы. Именно *такого* сорта головы мы и стремимся привлечь.

Мальчик кивнул.

— Я жил в Кливленде. Там в низовьях реки пользовались штукой под названием «хьюлановский конвейер» для разгрузки судов с рудой. Эта вещь основана на принципе ноги кузнечика. Какой-то смышленый молодой человек с мозгом, какой вы хотите привлечь, лежал однажды во дворе, обрывал ноги кузнечикам, и вдруг его осенило: «Эй, — сказал он, — это может пригодиться». Он разодрал еще несколько кузнечиков, и родился хьюлановский конвейер. Как вы сказали, он украл трюк, который Природа потратила на существ, всего лишь скачущих по полям и жующих зелень. Мой отец однажды взял меня в путешествие по реке, и я увидел эти конвейеры в действии. Это громадные металлические ноги с зазубренными концами, и они производят самый ужасно-неземной шум, какой я когда-либо слышал — словно призраки всех замученных кузнечиков. Но боюсь, что у меня не тот сорт мозга, какой вы хотели бы привлечь.

— Ну, — сказал офицер, — похоже, что у тебя

мозг того, иного рода.

— Какого иного?

— О котором ты говорил: тот, что будет видеть и интерпретировать, и сможет сказать людям здесь, дома, на что это похоже там.

— Вы взяли бы меня как описателя?

— Нет, мы взяли бы тебя в другом качестве, как рабочего. Но это не должно было бы остановить тебя. Сколько людей интересуется войнами с целью написать военный роман? Сколько военных романов написано? А сколько из них хороших? Очень мало. Ты мог бы начать свою подготовку с этого конца.

— Возможно, — сказал мальчик.

— Повернем сюда? — сказал офицер.

Мальчик кивнул и пошел вслед за ним в коридор, а затем в лифт.

Лифт закрыл дверь и спросил, куда их отвезти.

— На нижний балкон, — сказал офицер.

Едва заметное ощущение движения, затем дверь открылась. Они оказались на узком балконе, идущем вдоль края «Супницы». Он был закрыт гласситом и освещен тусклым светом.

Под ним снаружи располагались огороженные площадки и часть взлетного поля.

— Несколько машин скоро взлетят, — сказал

офицер. — Я хочу, чтобы ты увидел, как они поднимаются на колесах огня и дыма.

— Колеса огня и дыма, — улыбаясь, повторил мальчик. — Мне попадалась эта фраза в нескольких из ваших буклетов. Вы действительно поэтичны, сэр.

Офицер не ответил. Ни одна из металлических башен не шевелилась.

— Вообще-то, отсюда они далеко не ходят, — сказал наконец офицер. — Только доставляют материалы и персонал на орбитальные станции. Настоящие большие корабли здесь никогда не садятся.

— Я знаю. Это верно, что на вашей выставке один парень совершил утром самоубийство?

— Нет, — сказал офицер, не глядя на него, — это был несчастный случай. Он шагнул в колодец марсианской гравитации до того, как платформа встала на место и включилась воздушная подушка. И упал в шахту.

— Почему же не закрыли этот отдел выставки?

— Потому что вся защитная аппаратура функционировала правильно. Предупреждающий свет и охранные перила работали нормально.

— Тогда почему вы называете это несчастным случаем?

— Потому что он не оставил записки. Вот! Смотри, сейчас один поднимется! — Он показал трубкой.

Клубы дыма появились у основания одного из стальных сталагмитов. В его основании вспыхнул свет. Затем под ним разгорелось яркое пламя, и волны дыма растеклись по полю и поднялись высоко в воздух.

Но не выше корабля… потому что он теперь поднимался.

Почти незаметно он приподнялся над грунтом. Вот сейчас движение уже было более различимым…

И вдруг он взвился в воздух на громадном потоке пламени.

Он был как фейерверк, потом стал вспышкой, и, наконец, звездой, быстро удаляющейся от них.

— Нет ничего похожего на ракету в полете, — сказал офицер.

— Да, вы правы.

— Ты хотел бы последовать за ней? Следовать за этой звездой?

— Да. И когда-нибудь сделаю это.

— Мне обучение далось очень тяжело, а сейчас требования даже более высокие.

Они следили, как взлетели еще два корабля.

— Когда вы в последний раз сами улетали? — спросил мальчик.

Офицер промолчал.

— Я, пожалуй, пойду. Мне еще надо сделать письменную работу для школы, — сказал мальчик.

— Погоди, я хочу дать тебе несколько новых наших буклетов.

— Спасибо, я уже все их собрал.

— О'кей. До свиданья, парень.

— До свиданья. Спасибо за показ.

Мальчик пошел обратно к лифту. Офицер остался на балконе, пристально глядя вдаль. Трубка его давно погасла.

Свет, движущиеся борющиеся фигуры… Затем темнота.

— О, сталь! Такая боль, словно вошли лезвия! У меня много ртов, и все они блюют кровью!

Тишина.

Затем аплодисменты.

Глава 4

«…Плоское, прямое, унылое. Это Винчестерский кафедральный собор», говорит путеводитель. «Внутри колоннами от пола до потолка, так похожими на древесные стволы, он добивается жесткого контроля над пространством. Потолок плоский; каждый пролет между колоннами словно являет уверенность и стабильность. Собор как бы отражает дух Вильгельма Завоевателя. Презрение к сложности и страстная преданность другому миру делает собор подходящей обстановкой для некоторых легенд Мэлори…»

— Обратите внимание на зубчатые капители, — сказал экскурсовод. — Своей упрощенностью они предваряют то, что позднее станет общим мотивом…

— Фу! — сказал Рендер, но тихо, потому что находился в храме с группой.

— Ш-ш-ш! — сказала Джил ДеВилл (а на самом деле — Фотлок).

Но Рендер был утомлен не менее, чем восхищен. Хоть он и снимал шляпу перед хобби Джил, но оно так действовало на его рефлексы, что

он более предпочел бы сидеть под восточным приспособлением, капающим водой на голову, чем ходить по аркадам и галереям, переходам и туннелям и, задыхаясь, подниматься по высоким трясущимся лестницам башен.

Так что сейчас он водил глазами по всему, мысленно сжигал все, закрывал глаза и строил все заново из дымящегося пепла памяти, чтобы позднее изобразить в видении пациентки, которая может увидеть все это только таким способом. Этот собор был ему менее неприятен, чем другие здания. Да, он должен принести его ей.

Камера в его мозгу снимала все окружающее, пока Рендер шел вместе с другими, перекинув плащ через руку, а его пальцы нервно тянулись за сигаретами. Он удерживался от открытого игнорирования гида, понимая, что это было бы верхом всех форм человеческого протеста. Сейчас он шел по Винчестеру и вспоминал два последних сеанса с Эйлин Шаллот.

Он снова бродил с ней.

…где пантера ходит взад-вперед по ветке дерева…

Они бродили.

…где олень с яростью оборачивается к охот-

нику…

Они остановились, когда она подняла руки к вискам, раздвинула пальцы и искоса взглянула на него; губы ее разжались, как если бы она хотела спросить.

— Олени, — сказал он.

Она кивнула, и олень подошел. Она ощупала его рога, уши, похлопала по морде.

— Да, — сказала она.

Олень повернулся и пошел прочь, а пантера прыгнула ему на спину и вцепилась в его шею.

Эйлин видела, как олень дважды ударил кошку рогами, а затем умер.

…где гремучая змея греется на солнце, растянувшись на камне…

Эйлин смотрела, как змея свивалась и делала бросок. Затем она ощупала погремушки змеи и повернулась к Рендеру.

— Зачем *эти* вещи?

— Следует знать не только идиллию, — сказал он и указал —

…где аллигатор беззаботно спит на берегу залива…

Она коснулась плоской кожи. Животное зевнуло. Она изучила его зубы, строение челюстей.

Вокруг них жужжали насекомые. Москит сел на ее руку и ужалил. Она хлопнула по нему и засмеялась.

— Я продвигаюсь? — спросила она.

Он улыбнулся и кивнул.

— Вы хорошо держитесь.

Он хлопнул в ладоши, и лес и болото исчезли.

Они стояли босиком на зыбком песке; солнце и его отражение светили им с поверхности воды над их головами. Стайка ярких рыб проплыла между ними, морские водоросли колыхались взад и вперед, словно бы полируя течение.

Их волосы поднялись и тоже колыхались как водоросли, и одежда шевелилась. Дорожка из морских раковин разных форм и цветов лежала перед ними, вела мимо коралловых стен, по обкатанным морем камням, и открывались беззубые, безъязыкие рты гигантских моллюсков.

Она остановилась и поискала что-то между раковин. Когда она выпрямилась, в ее руках была большая, тонкая как яичная скорлупа трубка; на одном конце ее был завиток, он шел к углублению, похожему на гигантский отпечаток большого пальца, и винтом отходил обратно, чтобы соединиться с другим концом через лабиринты тонких, как спагетти, трубочек.

— Это, — сказала она, — раковина Дедала.

— Раковина Дедала?

— Разве вы не знаете легенду, милорд, как величайший из ремесленников, Дедал, однажды скрывался и был найден царем Миносом?

— Что-то смутно припоминаю…

— Минос искал Дедала по всему древнему свету, но безуспешно, потому что Дедал своим искусством мог изменять себя почти как Протей. Но в конце концов советник царя придумал, как обнаружить Дедала.

— И как же?

— Посредством раковины, вот этой самой.

Рендер взял созданную ею раковину в руки и осмотрел.

— Царь послал ее по разным городам, — продолжала она, — и предложил большую награду тому, кто протянет нитку через все камеры и проходы этой раковины.

— Кажется, припоминаю…

— Вспоминаете, *как* это было сделано, или зачем? Минос знал, что только один человек может найти способ сделать это: искуснейший из ремесленников, и знал также, что гордость Дедала заставит его попытаться сделать невозможное и доказать, что он может то, чего не может никто.

— Да, — сказал Рендер. — Он ввел шелковую нитку в один конец и ждал, когда она появится из другого. Крошечная петля, затянутая вокруг тела ползающего насекомого. Он заставил насекомое войти в один конец, зная, что оно привыкло к темным лабиринтам, и что сила этого насекомого далеко превосходит его размеры.

— …Он продел нить сквозь раковину и явился за наградой, и был пленен царем.

— Урок всем Творцам: творить надо мудро, но не слишком хорошо.

Она засмеялась.

— Но он, конечно, потом сбежал.

— Ясное дело.

Они поднялись по коралловой лестнице. Рендер вытащил нитку, поднес раковину к губам, и дунул. Под морем прозвучала одна нота.

…где выдра охотится за рыбой…

Гибкий, торпедообразный пловец вторгся в косяк рыбы и стал жадно глотать. Они подождали, пока выдра закончила питаться и вернулась на поверхность, а затем продолжили подниматься по витой лестнице.

Сначала их головы поднялись над водой, потом плечи, руки, и вот они встали, обсыхая в теплом воздухе, на узкой полоске берега. Затем вошли в

рощу и пошли вдоль ручья.

…где черный медведь выкапывает корешки и ищет мёд, где бобр шлепает по грязи веслоподобным хвостом…

— Посмотрите на бобра и медведя.

Пчелы с отчаянием жужжали вокруг черного мародера, грязь плескалась под ударами хвоста грызуна.

— Бобр и медведь, — сказала она. — Куда мы теперь пойдем?

— *Мимо сахарного тростника, мимо желтых цветов хлопчатника, мимо затопленных рисовых полей,* — ответил он и зашагал дальше. — Смотрите на растения, на их форму и цвет.

Они шли все дальше.

— *…мимо западной хурмы,* — сказал Рендер, — *мимо длиннолистной кукурузы, мимо нежных соцветий флокса…*

Она встала на колени, изучала, нюхала, трогала, пробовала на вкус.

Они шли через поля, и она чувствовала под ногами черную землю.

— Я пытаюсь что-то вспомнить, — сказала она.

— «*Мимо невзрачной зеленой ржи,* — сказал он, — *колышущейся на ветру*».

— Подождите минутку, — сказала она, — я

вспоминаю, но медленно. Подарите мне желание, которое я ни разу не высказала вслух.

— Взобраться на горы, — сказал он, — *рискуя задохнуться*.

Так они и сделали.

— *Лишь скалы и холодный ветер там, высоко в горах*. Куда мы идем?

— Наверх. На самую вершину.

Они взобрались туда в безвременный миг и остановились на вершине горы. Им казалось, что они поднимались много часов.

— Расстояние, перспектива, — сказал он. — Мы прошли через все то, что вы видите перед собой.

— На подобную гору я однажды уже взбиралась, не видя ее.

Он кивнул. Ее внимание снова привлек океан под голубым небом.

Через некоторое время они стали спускаться с другой стороны горы. Снова Время вокруг них исказилось, и вот они уже у подножия горы и идут вперед.

— *…беззаботный червячок, пробирающийся по травинке и пробивающийся сквозь листья куста.*

— Вспомнила! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — Теперь я знаю!

— Так где мы? — спросил Рендер.

Она сорвала травинку и сжевала ее.

— Где? Ну, конечно, «*там, где перепел свистит в роще и пшеничном поле*».

Перепел засвистел и пересек им дорогу, а за ним строго по линии шествовал его выводок.

Они шли по темнеющей тропе между лесом и пшеничным полем.

— Так всего много, — сказала она, — вроде каталога ощущений. Дайте мне еще строчку.

— *…где летучая мышь кружит накануне Седьмого месяца,* — сказал Рендер и поднял руку.

Эйлин быстро опустила голову, чтобы мышь не налетела на нее, и темная фигура исчезла в лесу.

— *Где большой золотой жук падает сквозь тьму…* — сказала она, и жук, похожий на метеорит в двадцать четыре карата, упал к ее ногам. Он лежал секунду, как окрашенный солнцем скарабей, а затем пополз по траве у края тропы.

— Вы вспомнили теперь, — сказал он.

— Да.

Канун Седьмого месяца был холодным, на небе появились бледные звезды. Полумесяц наклонился над краем мира, и его пересекла еще одна летучая мышь. Где-то в траве застрекотал сверчок.

— Мы пойдем дальше, — сказала она.

— Далеко?

— Туда, *где ручей вымывает корни старого дерева и несет на луг,* — ответила она.

— Ладно, — сказал он и наклонился к гигантскому дереву, мимо которого они шли. Между его корнями пробивался родник, питающий ручей, вдоль которого они недавно шли. Он звенел, как эхо далеких колокольчиков. Он вился между деревьев, зарывался в землю, кружился и прорезал себе путь к океану.

Она пошла по воде. Вода изгибалась и пенилась вокруг ее ног, обрызгивала дождем, и капли скатывались по спине, по груди, по рукам и ногам.

— Идите сюда, магия ручья прекрасна, — сказала Эйлин.

Но Рендер покачал головой и ждал. Она вышла, встряхнулась — и тут же высохла.

— Лед и радуга, — заметила она.

— Да, но я забыл, что там следующее.

— Я тоже, но помню чуть дальше: *Пересмешник булькает нежно, хихикает, взвизгивает, плачет.*

И Рендер сморщился, услышав описанные звуки.

— Это не мой пересмешник, — сказал он.

Она засмеялась.

— Какая разница? Во всяком случае, он появил-

ся вовремя.

Рендер покачал головой и отвернулся. Она снова встала рядом с ним.

— Простите. Я буду более осторожной.

— Прекрасно. — Он пошел дальше. — Я забыл следующую часть.

— Я тоже.

Они оставили поток далеко за собой и шли по пригибающейся траве, по ровной безграничной равнине, и все, кроме краешка солнечной короны, исчезло с горизонта.

— *Где при заходе солнца тени тянутся вдаль по бесконечной одинокой прерии…* Я вспомнил: это место, *где стада бизонов медленно бредут, простираясь на многие мили…*

Темная масса слева постепенно обрела форму. Выделился громадный бизон американских прерий. Не на родео, не на выставке рогатого скота, не на обратной стороне никелевой монетки, а здесь, перед ними, стояли эти животные, опустив рогатые головы, покачивая мощными спинами — знак Таро, неудержимое плодородие весны, исчезающее в сумерках в былое, в прошлое — вероятно, туда, *где мелькают колибри*.

Рендер и Эйлин шли по великой равнине, луна плыла над ними. Наконец они дошли до проти-

воположного конца страны, где большие озера, другие ручьи, мосты и другой океан. Они прошли через опустевшие фермы, сады и двинулись вдоль воды.

— *Где шея долгожителя-лебедя изгибается и поворачивается,* — сказала она, глядя на своего первого лебедя, плывущего по озеру в лунном свете.

— *Где, издавая хохот, чайка носится над берегом,* — ответил он, — *и смех ее почти человеческий.*

И в ночи раздался смех, но он не был ни смехом чайки, ни смехом человека, потому что Рендер никогда не слышал, как хохочет чайка. Журчащие звуки он сотворил из сырого ощущения холодного вечера.

Он велел вечеру снова стать теплым. Затем осветил тьму, заставил ее звенеть серебром. Смех начал замирать и исчез совсем. Сотворенная чайка унеслась в океан.

— Ну, — объявил он, — на этот раз почти все.

— Но ведь осталось еще так много, — возразила она. — Вы держите в голове меню обедов, как же вы не помните еще кое-чего об этом? Я помню что-то насчет куропаток, укладывающихся на ночлег кольцом, головами наружу, и о цапле в

желтой короне, питающейся крабами на краю болота, и о кузнечиках на орешнике, и…

— Мы и так увидели много, даже слишком, — сказал Рендер.

Они прошли через рощу лимонных и апельсиновых деревьев, по местам, где кормится цапля, мимо орехового дерева, где поют кузнечики, там, где куропатки спят кольцом, головами наружу.

— В следующий раз вы покажете мне всех животных?

— Да.

Она свернула по узкой тропке к фермерскому дому, открыла дверь и вошла. Рендер, улыбаясь, шел за ней.

Чернота.

Полная чернота, мрак абсолютной пустоты. Внутри дома не было ничего.

— В чем дело? — спросила она.

— Далее экскурсия не планировалась, — ответил Рендер. — Я хотел опустить занавес, а вы вмешались, решили, что представление должно продолжаться. На этот раз я воздерживаюсь от какой-либо поддержки.

— Я не всегда могу контролировать это, — сказала она. — Простите. Давайте закончим. Я готова сдержать себя.

— Нет, пойдем дальше. Свет!

Они стояли на вершине холма, и летучие мыши летали мимо узкого металлического серпа луны. Вечер был холодный. От груды мусора доносилось грубое карканье. Деревья были металлическими столбами с приклепанными к ним ветками. Трава под ногами из зеленого пластика. У подножия холма тянулось гигантское пустое шоссе.

— Где мы? — спросила она.

— Это ваша «Песня о себе» со всем тем крайним нарциссизмом, каким вы смогли ее напичкать. Все было правильно… до определенного момента. Но вы толкнули ее излишне далеко. Теперь я чувствую, что становится необходимым некоторое равновесие. Я не могу позволить себе на сеансах играть в игрушки.

— Что вы собираетесь делать?

— Пойдем гулять. — Он хлопнул в ладоши.

— *Где пыльная низина просит воды…* — сказал голос неизвестно откуда, и они, закашлявшись, пошли.

— *…где сильно загрязненная река не знает живого существа,* — сказал голос, — *и пена на ней ржавого цвета…*

Они шли вдоль вонючей реки; Эйлин зажала нос, но запах все равно чувствовался.

— …где лес погублен, и ландшафт — преддверие ада…

Они шли среди пней, спотыкались об остатки ветвей, и под их ногами хрустели сухие листья. Испуганно косящаяся луна свисала с черного купола на тонкой нитке. Под листьями трещала земля.

— …где земля изранена опустевшими рудными шахтами…

Вокруг них лежали брошенные механизмы. Горы земли и камней сиротливо лежали в ночи. Громадные бреши были заполнены похожими на кровь разрастаниями.

— …Пой, муза алюминия, учившая вначале этого пастуха, как культура и техника восстают из хаоса — или, если тебя более восхищает смерть, созерцай величайшее кладбище!

Они вернулись назад, на вершину холма, чтобы посмотреть оттуда. Кругом было множество тракторов, бульдозеров, экскаваторов, кранов. Грудами лежал искореженный, проржавевший, разломанный металл. Вокруг лежали рамы, плиты, пружины, балки. Брошенные орудия. Ненужные машины.

— Что это? — спросила она.

— Свалка. Об этом Уолт не пел — о вещах, кото-

рые идут по его траве и выдирают ее с корнем.

Они пошли мимо мертвых механизмов.

— Эта машина срыла индейский могильник, а эта спилила старейшее на континенте дерево. Вот эта прорыла канал, отклонивший реку, что обратило зеленую долину в пустыню. Эта ломала стены домов наших предков, а эта поднимала плиты для чудовищных башен, заменивших эти дома…

— Вы пристрастны, — сказала она.

— Конечно. Вы должны всегда стараться видеть широко, если хотите сделать что-то мелкое. Помните, я показывал вам пантеру, гремучую змею, аллигатора? Помните, что я ответил, когда вы спросили: «Зачем *это?*»

— Вы сказали, что следует знать не только идиллию.

— Правильно, и, поскольку вы снова жаждете перехватить инициативу, я решил, что чуть больше боли и чуть меньше удовольствия могут укрепить мое положение. Вы уже наделали достаточно ошибок.

— Да, я знаю. Но это изображение механизмов, мостящих дорогу в ад…

Они обошли кучу банок, бутылок и матрацных пружин. Он остановился перед металлическим

ящиком и открыл крышку.

— Посмотрите, что спрятано в брюхе этого бака на многие века!

Фантастическое сияние наполнило темную полость мягким зеленым светом.

— Чаша Святого Грааля, — объявил он. — Это энантиадромия, бег вспять, моя дорогая. Круг, замыкающийся на себя. Когда он приходит к своему началу, образуется спираль. Откуда мне знать, Грааль мог быть спрятан в машине. Со временем все меняется. Друзья становятся врагами, зло становится благодеянием. Но у меня еще есть время, и я расскажу вам маленькую легенду, как и вы угощали меня легендой о греке Дедале. Ее рассказал мне пациент по имени Ротман, изучающий каббалу. Чаша Грааля, которую вы видите, есть символ света, чистоты и святости и небесного величия; каково ее происхождение?

— Никто не знает.

— Да, но есть традиция, легенда, которую Ротман знал: Чашу Грааля передал наследникам Мельхиседек, израильский первосвященник, предназначив ее для Мессии. Но где Мельхиседек взял ее? Он вырезал ее из громадного изумруда, найденного им в пустыне. Этот изумруд выпал из короны Измаэля, Ангела Тьмы, когда тот был

сброшен с небес. Кто знает, какова вообще суть Чаши Грааля? Энантиадромия. Прощай, Грааль. — Он закрыл крышку, и все оделось мраком.

После этого, идя по Винчестерскому кафедральному собору с плоским потолком и обезглавленной (Кромвелем, как сказал гид) статуей справа, он вспоминал следующий сеанс. Он вспоминал, как почти невольно оказался Адамом, дающим наименования всем проходящим перед ними животным. Затем он чувствовал себя буколистически приятно, когда, вызубрив старый учебник ботаники, творил и давал наименования полевым цветам.

В это время они были вне городов, вдали от машин. Ее эмоции все еще были мощными при виде простых, осторожно вводимых объектов; чтобы рискнуть ввести ее в сложное и хаотическое естественное положение дел, он должен медленно строить ее город.

Что-то быстро пронеслось над собором, вызвав звонкий гул. Рендер на секунду взял Джил за руку и улыбнулся, когда она посмотрела на него. Джил, заботящаяся о красоте, обычно прилагала много труда для ее достижения, но сегодня ее волосы были просто зачесаны назад и связаны

пучком, глаза и губы не накрашены; маленькие белые уши были открыты и казались какими-то заостренными.

— Обратите внимание на зубчатые капители… — прошептал он.

— Фу! — сказала Джил.

— Ш-ш-ш! — сказала им стоявшая рядом маленькая загорелая женщина.

Позднее, когда они шагали обратно к своему отелю, Рендер спросил:

— Ну, как Винчестер?

— Все хорошо.

— Рада?

— Рада.

— Значит, можем вечером уехать.

— Идет.

— В Швейцарию…

— А может, мы все же потратим день-другой на осмотр старых замков? В конце концов, они же сразу через Пролив, а пока я буду осматривать, ты можешь попробовать все местные вина…

— Ладно.

Она посмотрела на него с некоторым удивлением.

— Что? Никаких возражений? — Она улыбнулась. — Где твой боевой дух? Ты позволяешь мне

вертеть тобой?

— Когда мы галопом неслись по утробе этого старинного храма, я услышал слабый стон, а затем крик: «Во имя Господа, Монтрезор!» Думаю, это был мой боевой дух, потому что голос-то был мой. Я отрекаюсь от этого *der geist, der stets verneint. Pax vobiscum!* Давай поедем во Францию. *Alors!*

— Дорогой Ренди, это всего на пару дней…

— Аминь, — сказал он, — хотя я уже навострил лыжи.

Они уехали. На третий день утром, когда она заговорила о замках в Испании, он вслух принялся размышлять, что тогда как психологи, напившись, только злятся, психиатры, напившись, злятся и ломают вещи. Приняв это как завуалированную угрозу веджвудскому фарфору, который она коллекционировала, Джил согласилась с его желанием кататься на лыжах.

«Простор!» — чуть было не выкрикнул Рендер.

Кровь стучала в висках. Он резко наклонился и свернул влево. Ветер бил в лицо, жег и царапал щеки душем ледяных кристаллов.

Он был в движении. Мир кончился в Вайсфлойхе, и Дорфтали лежал далеко внизу от этого портала.

Его ноги были двумя мерцающими реками, несущимися по твердым, изгибающимся плоскостям; они не мерзли на холоде. Вниз. Он плыл. Прочь от всего мира. Прочь от удушающей нехватки страстей, от избалованности благополучием, от убийственной поступи натужных развлечений, борьбы со скукой, как с Гидрой.

Летя вниз, он чувствовал сильное желание оглянуться через плечо, не создал ли мир, оставшийся позади, грозное воплощение его самого, тень, которая гонится за ним, Рендером, чтобы поймать и утащить обратно в теплом и хорошо освещенном гробу в небо, где он будет лежать, отдыхать и беседовать, тень с алюминиевым приводом, управляющим его волей, и с гирляндой переменных токов, успокаивающих его дух.

— Я тебя ненавижу, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы, и ветер унес его слова; затем он засмеялся, потому что всегда анализировал свои эмоции, как самые важные проявления рефлексов, и добавил: — Беги, Орест, безумец, преследуемый фуриями…

Через некоторое время склон стал более пологим. Рендер достиг низа трассы и остановился.

Он закурил и пошел обратно на вершину, чтобы снова спуститься вовсе не по терапевтическим

причинам.

Вечером он сидел перед камином в большом помещении, чувствуя, как тепло пропитывает его усталые мышцы. Джил массировала ему плечи, пока он разгадывал пламя по Роршаху. Он потянулся за блестящим стаканчиком, был остановлен звуком голоса, донесшегося откуда-то через холл Девяти Сердец.

— Чарльз Рендер? — произнес голос (только это прозвучало как «Шарз Рандер»).

Его голова тут же дернулась в том направлении, но в его глазах плясало остаточное видение пламени, и он не мог распознать источник зова.

— Морис? — спросил он. — Бартельметц?

— Угу, — пришел ответ, и затем Рендер увидел знакомое лицо, посаженное прямо на плечи, и красный с синим мохнатый свитер, безжалостно натянутый на винный бочонок. Человек пробивал себе путь в их направлении, ловко обходя разбросанные лыжные палки, сваленные в кучу лыжи и людей, которые, подобно Джил и Рендеру, пренебрегали стульями.

— Вы еще больше потолстели, — заметил Рендер. — Это нездорово.

— Вздор, это же мышцы! Ну, как вы, что у вас нового? — он посмотрел на Джил, и она улыбну-

лась ему.

— Это мисс ДеВилл, — сказал Рендер.

— Джил, — уточнила она.

Он слегка поклонился и, наконец, выпустил большую руку Рендера.

— …А это профессор Морис Бартельметц из Вены — стойкий последователь всех форм диалектического пессимизма и весьма замечательный пионер нейросоучастия, хотя, глядя на него, об этом не подумаешь. Я имел счастье быть его учеником.

Бартельметц кивнул, соглашаясь с ним, принял фляжку, которую Рендер достал из пластиковой сумки, и наполнил до краев складной стаканчик.

— Ага, вы по-прежнему хороший врач, — сказал он. — Сразу же установили диагноз и дали правильное предписание. *Наздоровья!*

— Дай Бог, не последняя, — сказал Рендер, наливая себе и Джил.

Они сели на пол. Пламя ревело в громадной кирпичной трубе камина, кряжи обгорали — сначала ветви, затем сучья и, наконец, годовые кольца. Рендер поворошил огонь.

— Я читал вашу последнюю книгу, — небрежно сказал Бартельметц, — года четыре назад.

Рендер кивнул.

— Вы занимались в последнее время какой-нибудь исследовательской работой?

— Да, — ответил Рендер, — отчасти. — Он взглянул на Джил, которая дремала, прижавшись щекой к подлокотнику огромного кожаного кресла. По ее лицу пробегали малиновые тени. — Я натолкнулся на довольно необычного субъекта и начал некую сомнительную операцию, которую надеюсь со временем описать.

— Необычного? В каком смысле?

— Слепая от рождения, во-первых.

— Вы пользуетесь с ней «яйцом»?

— Да. Она хочет быть Творцом.

— *Verfluchter!* Вы сознаете возможные последствия?

— Конечно.

— Вы слышали о бедняге Пьере?

— Нет.

— Это хорошо. Значит, все удачно удалось скрыть. Пьер преподавал философию в Парижском университете и писал диссертацию об эволюции сознания. Прошлым летом он решил, что ему необходимо исследовать мозг обезьяны, чтобы сравнить более примитивный мозг со своим, я полагаю. Во всяком случае, он получил

незаконный доступ к «яйцу» — и к мозгу нашего волосатого кузена. Насколько далеко он зашел, подвергая животное доступным посредством управляющей панели стимулам — так и не выяснено, но предполагают, что некоторые вещи не могут адекватно передаваться от человека к обезьяне — звуки уличного движения, например, и тому подобное — и что-то испугало животное. И с тех пор Пьер находится в палате с мягкой обивкой, и все его реакции — реакции испуганной обезьяны.

Таким образом, поскольку сам он не закончил своей диссертации, он, вероятно, может дать достаточно материала для кого-нибудь другого.

Рендер покачал головой.

— Сюжет похож, — тихо сказал он, — но в моем нет ничего драматического. Я нашел исключительно стабильного индивидуума — психиатра, человека, уже потратившего немало времени на обычный психоанализ. Она хочет стать нейросоучастником, но ее останавливает страх перед зрительной травмой. Я постепенно предоставляю ей полный ряд зрительных феноменов. Когда я закончу, она полностью привыкнет видеть и сможет отдать все свое внимание терапии, не будет, так сказать, ослеплена ви́дением. Мы уже

провели четыре сеанса.

— И?..

— Все идет прекрасно.

— Вы в этом уверены?

— Да, насколько можно вообще быть уверенным в таких вещах.

— М-м-м, — протянул Бартельметц. — Скажите, вы находите ее волю достаточно сильной? Скажем, возможен ли навязчиво-принудительный рисунок чего-либо, в который ее можно ввести?

— Нет.

— Ей когда-нибудь удавалось перехватить у вас контроль над фантазиями?

— Нет!

— Врете, — просто сказал Бартельметц.

Рендер закурил и улыбнулся.

— Старый учитель, старый мастер, возраст не уменьшил вашей проницательности, — признался он. — Я мог бы соврать любому, но не вам. Да, правильно, ее очень трудно держать под контролем. Она не удовлетворяется тем, что видит. Она хочет Творить. Это вполне понятно — и мне, и ей, — но сознательное понимание и эмоциональное восприятие, кажется, никогда не совпадают. В некоторых случаях она начинает доминировать, но мне удается почти немедленно снова брать

контроль. В конце концов, над клавиатурой-то я хозяин.

— Хм… Вы знакомы с буддийским текстом «Катехизис Шанкары»?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я расскажу вам о нем. В основе его — это отнюдь не терапевтический учебник — идея истинного эго и мнимого эго. Истинное эго — бессмертная часть человека, которая должна отправиться в нирвану — так сказать, душа. Мнимое же эго — обычное сознание, опутанное иллюзиями — осознанием вас, меня и всех, кого мы когда-либо знали довольно хорошо. Так? Так. Дальше: состоит это мнимое эго из скандх, как они это называют. К ним относятся ощущения, восприятия, способности, самосознание и даже физическая форма. Крайне ненаучно. Да. Но все это не то же самое, что неврозы, жизнеложь мистера Ибсена или галлюцинации — нет. Каждая из пяти скандх есть часть того неповторимого сочетания, что мы называем личностью, а затем наверх выступают неврозы и все прочие неприятности, следующие за ними и дающие нам работу. Да? Да. Я прочел вам эту лекцию, потому что нуждаюсь в эффектных терминах для того, что сейчас скажу, а я хочу сказать кое-что эффектное.

Вот посмотрим на скандхи, как они лежат на дне водоема; неврозы рябят на поверхности воды; «истинное эго», если оно есть, закопано глубоко в песке на дне. Так. Рябь заполняет *zwischenwelt* между объектом и субъектом. Скандхи — часть субъекта, основная, единственная ткань его существа. Итак, вы согласны со мной?

— С очень многими оговорками.

— Хорошо. Теперь, установив общие черты модели, я буду ею пользоваться. Вы играете со скандхами, а не с простыми неврозами. Вы пытаетесь выправить у этой женщины всеобъемлющую концепцию ее самой и мира. Для этого вы пользуетесь «яйцом». Это то же самое, что играть с психотиками или с обезьяной. Все вроде бы идет хорошо, но… в какой-то момент вы можете сделать что-то, показать ей какое-то зрелище или какой-то способ видеть — что нарушит цельность ее личности, сломает скандху и — пфф! — словно пробито дно водоема. В результате — водоворот, который унесет вас… куда? Я не хочу иметь вас в качестве пациента, молодой человек, молодой мастер, поэтому я советую вам не продолжать этот эксперимент. «Яйцо» нельзя использовать в такой манере.

Рендер швырнул сигарету в огонь и начал за-

гибать пальцы:

— Во-первых, вы возводите мистическую гору из мелкого камешка. Я всего лишь направляю ее сознание на прием дополнительной области восприятия. Во многом это простая передача работы других чувств.

Во-вторых, ее эмоции были крайне интенсивны вначале, потому что это была действительно травма, но мы уже прошли эту стадию. Теперь это для нее просто новинка. Скоро станет привычным.

В-третьих, Эйлин сама психиатр, она опытна во всех этих делах и прекрасно знает деликатную природу того, что мы делаем.

В-четвертых, ее самоосознание и ее желания, или ее скандхи, или как вы их там зовете, тверды, как Гибралтарская скала. Вы же понимаете, какая напряженность требовалась от слепой, чтобы получить то образование, какое она получила? Нужна была стальная воля, эмоциональный контроль и аскетизм тоже…

— …Если все же что-то из этих сил сломается в неуловимый момент тревоги, — Бартельметц грустно улыбнулся, — пусть тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга будут рядом с вами в долине мрака… И в-пятых, — неожиданно добавил он,

глядя в глаза Рендеру, — она привлекательна?

Рендер отвернулся к камину.

— Очень мудро, — вздохнул Бартельметц. — Я не могу сказать, то ли вы покраснели, то ли на вашем лице отблеск пламени. Боюсь, однако, что вы покраснели, и это означает, вы сознаете, что сами можете стать источником возбуждающего стимула. Вечером я зажгу свечу перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал вам силы успешно соревноваться с пациенткой в вашей дуэли.

Рендер посмотрел на Джил, которая все еще спала, протянул руку и поправил ее локоны.

— Во всяком случае, — сказал Бартельметц, — если вы будете продолжать и все пойдет хорошо, я с великим интересом прочитаю о вашей работе. Я говорил вам когда-нибудь, что лечил нескольких буддистов, но так и не обнаружил «истинного эго»?

Оба мужчины рассмеялись.

Оно похоже и не похоже на меня, это существо на поводке, маленькое, серое, невидящее, пахнущее страхом. Рыкни — и оно задохнется в своем ошейнике. Голова его пуста как отверстие, из которого появляется обед, когда Она нажмет кнопку. Говори с ним — оно ничего не понимает,

хотя и похоже на меня. В один прекрасный день я убью кого-то из них… зачем?… Тут поворот.

— Три ступеньки. Вверх. Стеклянные двери. Ручка справа.

Зачем? Вперед и вниз! Внизу сады. Там приятно пахнет. Трава, сырая земля и чистый воздух. Я вижу. Птицы — правда, запись. *Я* вижу все. *Я*.

— Спуск вниз. Четыре ступеньки.

Вниз. Да. Хочется сделать громкий шум в горле — глупое чувство. Чисто, спокойно, много деревьев. Богиня сидит на скамье, жует листья, пахнущие свежестью. Не может видеть их, как я. Может, теперь что-нибудь?.. Нет.

Не может Гадкий Зигмунд здесь — трава, деревья… Надо сдержаться.

Жаль. Самое лучшее место…

— Осторожно, ступеньки.

Вперед. Направо, налево, направо, налево деревья и трава. Зигмунд видит. Гуляет… Доктор с Машиной дает ей свои глаза. Рыкни — он не задохнется. Запаха страха нет.

Выкопать в земле глубокую яму, похоронить глаза. Богиня слепа. Чтобы видеть, есть Зигмунд. Теперь ее глаза наполнены, и он боится зубов. Заставит ее видеть и возьмет ее высоко в небо, глядеть оттуда. Оставит меня здесь, оставит Зиг-

мунда одного, невидящего… Я выкопаю в земле глубокую яму…

Джил проснулась утром после десяти. Она не повернула головы, чтобы узнать, встал ли уже Рендер. Он всегда встает рано. Джил протерла глаза, потянулась, повернулась на бок и приподнялась на локте. Посмотрела на часы на ночном столике и потянулась за сигаретой и зажигалкой.

Закурив, увидела, что пепельницы нет. Конечно, ее унес Рендер, потому что не одобрял курение в постели. Вздохнув, вылезла из постели и потянулась за халатом.

Она терпеть не могла процесса вставания, но, уже встав, позволяла дню начаться и продолжать без пропусков в регулярных событиях.

— Черт бы его взял, — улыбнулась она. Ей хотелось бы позавтракать в постели, но было уже слишком поздно.

Размышляя, что надеть, она заметила в углу пару незнакомых лыж. На одну из них был насажен листок бумаги.

«Присоединишься ко мне?» — спрашивали каракули.

Она отрицательно затрясла головой и ощутила грусть. Она лишь дважды в жизни вставала на лы-

жи и боялась их. И хотя сознавала, что следовало бы попробовать снова, что это вполне неплохой спорт, но ей тяжело было даже вспоминать об отвратительном беспомощном полете вниз, в обоих случаях быстро завершившемся в сугробе, и не хотелось снова ощутить головокружение, охватывавшее ее при тех двух попытках.

Так что она приняла душ, оделась и спустилась позавтракать.

Все девять каминов уже ревели, когда она, проходя мимо большого холла, заглянула туда. Несколько лыжников с раскрасневшими лицами уже подносили руки к пламени центрального камина. Народу было немного. На подставках стояло лишь несколько пар мокрых ботинок, на вешалках висели яркие шапочки, возле двери стояли на своем месте влажные лыжи. Несколько человек сидели в креслах в центре холла, читали газеты, курили, болтали. Она не увидела никого из знакомых и прошла дальше, в столовую.

Когда она проходила мимо регистрационного стола, ее окликнул старик, сидевший там. Она улыбнулась и подошла.

— Письмо, — сказал он и протянул ей конверт. — Выглядит важным.

Это был объемистый коричневый конверт,

пересылавшийся три раза, как она заметила, и обратный адрес был адресом ее поверенного.

— Спасибо.

Она села у большого окна и посмотрела на заснеженный сад и вьющуюся вверх тропу вдали, усеянную фигурами с лыжами на плечах. Затем разорвала конверт.

Да, наконец-то завершилось. К письму адвоката была приложена копия решения суда о разводе. Джил только недавно решила положить конец законной связи с мистером Фотлоком, чье имя она перестала носить пять лет назад, когда они расстались. Теперь у нее появилась вещь, с которой она еще не вполне знала, что делать. Ее дорогой Ренди, наверное, чертовски удивится. Надо будет придумать какой-нибудь невинный способ довести до него эту информацию. Ну, для этого еще будет время. Хотя надолго откладывать не стоит… Ее тридцатый день рождения висел черной тучей над апрелем, до которого, впрочем, еще оставалось четыре месяца. Ладно… Джил тронула губы помадой, сильнее напудрила родинку и закрыла «косметичку».

В столовой она увидела доктора Бартельметца, сидевшего перед огромной яичницей, цепочкой сосисок, горой тостов и полупустой бутылкой

апельсинового сока. На спиртовке стояла кастрюля с кофе. Он слегка наклонился вперед и работал вилкой, как ветряная мельница лопастью.

— Доброе утро, — сказала Джил.

Он поднял глаза.

— Мисс ДеВилл… Джил… доброе утро. — Он кивнул на стул напротив себя. — Присоединяйтесь, пожалуйста.

Она села и сказала подошедшему официанту:

— Мне то же самое, но на девяносто процентов меньше. — И снова повернулась к Бартельметцу: — Вы видели сегодня Чарльза?

— Увы, нет, а я хотел продолжить нашу дискуссию, пока его мозг еще на ранней стадии пробуждения и, значит, более уступчивый. К несчастью, он из тех, кто активно входит в день уже на середине второго акта.

— А я обычно прихожу только к антракту и прошу кого-нибудь вкратце рассказать о событиях, — сказала Джил. — Так что почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я более уступчива, и мои скандхи в хорошем состоянии.

Глаза их встретились.

— Ага, — сказал он медленно. — Я подозревал. Что ж — хорошо. Что вы знаете о работе Рендера?

— М-м-м… Он особый специалист в узкоспециальной области, мне трудно оценить некоторые вещи и говорить о них. Я хотела бы иногда заглядывать в мозг других людей, посмотреть, что они думают — обо *мне*, конечно, — но не думаю, чтобы я оставалась там надолго. Особенно, — она шутливо поежилась, — в чьем-то мозгу с проблемами. Наверное, я либо слишком сочувствовала бы, либо боялась, либо еще что-нибудь, и тогда, в соответствии с тем, что я читала, возникло бы нечто вроде симпатической магии, и это могло бы стать *моими* проблемами. Но у Чарльза проблем не бывает. Во всяком случае, он никогда не говорил мне об этом. Но в последнее время я беспокоюсь. Эта слепая девушка и ее собака-поводырь, кажется, слишком сильно занимают его.

— Собака-поводырь?

— Да, собака, служащая ей глазами, один из хирургических мутантов.

— Как интересно… Вы когда-нибудь встречались с этой женщиной?

— Никогда.

— Так. — Он задумался. — Иногда врач сталкивается с пациентом, чьи проблемы настолько родственны его собственным, что сеанс становится чрезвычайно острым. Так частенько бывало

со мной, когда я лечил коллегу-психиатра. Возможно, Чарльз видит в этой ситуации параллель чему-то, тревожащему его лично. Я не проводил его личный анализ, не знаю всех путей его мозга, хотя он долгое время был моим учеником. Он всегда был замкнутым, о чем-то умалчивал; при случае мог быть весьма авторитарным. Что еще его занимает в последнее время?

— Как обычно, сын Питер. Он переводил мальчика из школы в школу пять раз за пять лет. — Ей подали завтрак, и она придвинулась к столу. — И он читает обо всех случаях самоубийства и без конца говорит о них.

— С какой целью?

Она пожала плечами и принялась за еду.

— Он ни разу не объяснял, почему, — сказала она, снова взглянув на Бартельметца. — Может, пишет что-нибудь…

Бартельметц покончил с яичницей и налил себе кофе.

— Вы боитесь этой его пациентки?

— Нет… Да, боюсь.

— Почему?

— Боюсь симпатической магии, — сказала она, слегка краснея.

— Под это определение может подходить очень

многое.

— Это верно, — признала она. — Мы с вами сходны в стремлении к его благополучию и пришли к согласию в том, что именно представляет угрозу. Не могу ли я просить вас об одолжении?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз. Убедите его бросить это дело.

Он смял салфетку.

— Я собирался сделать это после обеда. Поскольку верю в ритуальную силу попыток спасения. Делать их надо.

«Дорогой любимый папочка!

Да, школа замечательная, лодыжка моя заживает, и с моими одноклассниками у меня много общего. Нет, я не нуждаюсь в деньгах, питаюсь хорошо и не имею затруднений с другой методикой преподавания. Лады?

Здание я не буду описывать, поскольку ты уже видел это мрачное сооружение. Площадки описать не могу, потому что сейчас они под холодными белыми пластами. Бррр! Подозреваю, ты сейчас наслаждаешься особыми зимними развлечениями, но не разделяю твоего энтузиазма, предпочитаю зиму на рисунках или как эмблему на пачке мороженого.

Лодыжка ограничивает мою подвижность, а мой товарищ по комнате уезжает на уикэнды домой — то и другое является настоящим благословением, потому что у меня теперь удобный повод подналечь на чтение. Что я и делаю.

Всего самого всякого,

Питер».

Рендер наклонился и погладил огромную голову. Это было перенесено стоически, а затем собака перевела взгляд на австрийца, у которого Рендер попросил огонька, как бы говоря: «Должен ли я терпеть подобное оскорбление?» Человек улыбнулся, щелкнул гравированной зажигалкой, и Рендер заметил среди выгравированных инициалов мелкую букву «В».

— Спасибо, — сказал Рендер и обратился к собаке: — Как тебя зовут?

— Бисмарк, — проворчал пес.

— Ты напомнил мне другого такого же, некоего Зигмунда, компаньона и гида моей слепой приятельницы в Америке.

— Мой Бисмарк — охотник, — сказал молодой человек. — Гроза оленей и крупных кошачьих.

Уши собаки встали торчком, она смотрела на Рендера гордыми, горящими глазами.

— Мы охотились в Африке, в северных и юж-

ных частях Америки. И в Центральной Америке тоже. Бисмарк никогда не теряет след. Никогда не промахнется. Он прекрасный зверь, и зубы у него словно сделаны в Золингене.

— Ты счастливчик, что у тебя такой охотящийся компаньон.

— Я охочусь, — прорычал пес. — Я преследую… Иногда убиваю…

— Так вы не знаете такой же собаки по имени Зигмунд или женщины, которую он водит — мисс Эйлин Шаллот? — спросил Рендер.

Человек покачал головой.

— Нет. Бисмарка я получил из Массачусетса, но сам в Центре никогда не бывал и не знаком с хозяевами других мутантов.

— Понятно. Ну, спасибо за огонек. Всего вам доброго.

— И вам всего доброго.

— Всего добр-рого…

Рендер зашагал по узкой улице, засунув руки в карманы. Вторая попытка Бартельметца чуть не вынудила его наговорить лишнего, о чем он сам потом пожалел бы. Проще было уйти, чем продолжать разговор. Поэтому он извинился и не сказал, куда идет — он и сам не знал.

Повинуясь внезапному импульсу, он вошел в

лавочку и купил часы с кукушкой, бросившиеся ему в глаза. Он был уверен, что Бартельметц правильно поймет его подарок. Он улыбнулся и пошел дальше. Интересно, что за письмо для Джил, с которым клерк специально подошел к их столику в столовой, когда они обедали? Оно три раза переадресовывалось и было отправлено юридической фирмой. Джил даже не вскрыла его, а улыбнулась, поблагодарила старика-клерка и сунула письмо в сумочку. Следовало бы что-нибудь узнать о его содержании. Хотя его любопытство было так очевидно, что она, конечно, пожалеет его и скажет.

Подпирающие небо ледяные столбы, казалось, внезапно закачались перед ним. Подул резкий северный ветер. Рендер сгорбился и упрятал голову в воротник. Стиснув часы с кукушкой, он поспешно двинулся обратно.

В эту ночь змея, вцепившаяся в свой хвост, рыгала, Волк Фенрир прокладывал путь к луне, маленькие часы сказали «ку-ку», и завтра налетело, как последний буйвол Манолита, громогласным ревом обещая втоптать поток львов в песок.

Рендер принял решение, что надо избавиться от излишней сентиментальности.

Позже, много позже, когда они неслись по небу в крейсере, похожем на коршуна, Рендер смотрел вниз на потемневшую землю, думая о звездных огнях ее городов, смотрел на небо, где все они отражались, смотрел вокруг, на людей, мелькавших на экранах, на автоматы с кофе, чаем и спиртными напитками, которые посылали флюиды, воздействуя на людей и заставляя их нажимать свои кнопки, а затем смотрел на Джил, которую старинные здания заставляли ходить по своим коридорам, и знал: она чувствует, что он смотрит на нее, и чувствует, что его сиденье настойчиво требует сейчас превращения в ложе — чтобы он уснул.

Глава 5

В ее приемной было много цветов, ей нравились экзотические ароматы. Иногда она зажигала благовония. Ей нравилось греть ноги в горячей воде, гулять в снегопад, слушать почти непрерывно музыку — возможно, слишком громко, — пробовать за вечер пять или шесть различных ликеров (среди которых почти каждый раз — неприятно пахнущий анисовый, иногда с капелькой полынной настойки). Руки у нее были мягкие, слегка веснушчатые, с длинными сужающимися к концам пальцами. Колец она не носила.

Ее пальцы снова и снова осторожно ощупывали лепестки цветка рядом с ее креслом, пока она говорила в записывающий аппарат.

— …основные жалобы пациента при поступлении — нервность, бессонница, боли в животе и периоды депрессии. В записях имеются сведения о прежних поступлениях пациента на короткое время. Он был в этом госпитале в 1995 г. с маниакально-депрессивным психозом ослабленного типа, и снова вернулся сюда 03.02.96, а 20.09.97 поступил в другой госпиталь. Физиче-

ское обследование показало кровяное давление 170/100. На день обследования 12.11.98 он был нормально развит и хорошо упитан. В это время пациент жаловался на постоянную боль в пояснице, и были отмечены некоторые слабые симптомы последствий алкогольного опьянения. Дальнейшее физическое обследование не выявило патологии, за исключением того, что сухожилия пациента реагируют преувеличенно, но одинаково. Эти симптомы явились результатом прошедшего алкогольного опьянения. При поступлении он не показал себя психотиком, у него не было ни навязчивых представлений, ни галлюцинаций. Хорошо ориентировался в пространстве, времени и своем местоположении. Его психологическое состояние было определено так: он в какой-то мере претенциозный, экспансивный и в достаточной степени враждебен. Считается потенциальным нарушителем порядка. Поскольку он по специальности повар, его назначили работать на кухне. Тогда его общее состояние показало явное улучшение. Больше сотрудничества, меньше напряженности. Диагноз: маниакально-депрессивная реакция (без прогрессирующих последствий от внешних стрессов). Степень психиатрического ухудшения средняя.

Признан полностью вменяемым. Продолжать лечение в стационаре.

Она выключила аппарат и засмеялась. Этот звук испугал ее: смех — феномен общественный, а она была одна. Она снова включила запись и грызла уголок носового платка, пока мягкие, произнесенные скороговоркой слова возвращались к ней. После первого же десятка их она перестала слушать.

Когда аппарат замолчал, она выключила его. Она была очень одинока. Так чертовски одинока, что лужица света, возникшая, когда она стукнула себя по лбу и повернулась лицом к окну, вдруг стала самой важной вещью на свете. Она хотела чтобы это был океан света, или чтобы она сама стала совсем крошечной — все равно, лишь бы этот свет полностью поглотил ее.

Вчера минуло три недели…

«Слишком долго, — думала она, — *мне следовало бы подождать. Нет! Невозможно! А что, если он вдруг умрет, как Рискомб? Нет! Не может быть! С ним ничего не может случиться. Никогда. Он всесилен и защищен. Но… но придется ждать три недели… «Без зрения» — вот что это на самом деле значит. Но разве воспоминания потускнели? Разве они ослабели? Как выглядит*

дерево? Или облако? Я не помню! Что такое — красное? Что такое — зеленое? Боже! Это уже истерия! Я слежу за ней, но не могу прекратить ее! Надо принять лекарство. Лекарство!»

Плечи ее затряслись. Лекарства принимать она не стала, но сильнее прикусила платок, пока острые зубы не прорвали ткань.

— Берегись, — произнесла она свою личную формулу блаженству, — тех, кто жаждет справедливости потому, что таким воздастся. И берегись кротких, которые пытаются унаследовать Землю. И берегись…

Коротко прожужжал телефон. Она убрала платок, сделала спокойное лицо и повернулась к телефону.

— Алло?

— Эйлин, я вернулся. Как вы?

— Хорошо, даже почти отлично. Как прошел ваш отпуск?

— О, не жалуюсь. Я давно собирался, и думаю, что заслужил отдых. Слушайте, я привез кое-что показать вам — например, Винчестерский кафедральный собор. Хотите прийти на этой неделе? Я свободен в любой вечер.

«Сегодня. Нет, я хочу этого слишком сильно. Это может стать препятствием, если он уви-

дит...»

— Как насчет завтрашнего вечера? — спросила она. — Или послезавтра?

— Прекрасно, давайте завтра, — ответил он. — Встретимся в «КиС» около семи?

— Да, это будет очень приятно. Тот же столик?

— Почему нет? Я закажу его.

— Идет. Значит, завтра увидимся.

— До свидания.

Связь выключилась.

В ту же секунду в ее голове внезапно закружились цвета и она увидела деревья — дубы, сосны и сикоморы — большие, зеленые с коричневым и серым; она увидела комья облаков, протирающих пастельное небо, и пылающее солнце, и озеро глубокой, почти фиолетовой синевы. Сложила свой истерзанный носовой платок и отложила в сторону.

Она нажала кнопку рядом со столом, и кабинет наполнился музыкой. Скрябин. Затем нажала другую кнопку и снова проиграла надиктованную ей пленку, слушая вполуха обе записи одновременно.

Пьер подозрительно понюхал еду. Санитар снял ее с подноса и вышел, заперев за собой дверь. Салат ждал на полу. Пьер осторожно подошел к

нему, захватил горсть и проглотил.

Он боялся.

Только бы прекратился звон стали, удары стали о сталь, где-то в этой темной ночи… только бы…

Зигмунд встал, зевнул и потянулся. Еще секунду задние лапы не слушались, а затем он стал собранным и встряхнулся. Она, наверное, скоро пойдет домой. Пес поглядел вверх, на часы, висящие на удобном для людей уровне, чтобы проверить свои ощущения времени, а затем подошел к телевизору. Встав на задние лапы, одной передней оперся на стол, а другой включил телевизор.

Как раз время сводки погоды; дороги обледенели.

* * *

«Я проезжал мимо растущих непрерывно кладбищ, — писал Рендер, — обширные каменные леса, становящиеся с каждым годом всё больше.

Почему человек так ревниво охраняет своих мертвых? Не потому ли, что это монументально демократичный способ обретения бессмертия, высшее утверждение вредоносной силы, то есть

жизни, и желание, чтобы она продолжалась вечно? Унамуно уверял, что это именно так. Если да, то за последнее время значительно возрос процент населения, желающий бессмертия, стал больше, чем когда-либо ранее в истории…»

Чик-тчик, чига-тчик!

— Как ты думаешь, это все-таки люди?

— Вряд ли, слишком уж они хороши.

Вечер был звездным. Рендер завел «С-7» в холодный подземный гараж, нашел свое место и поставил машину.

От бетона шла холодная сырость, она вцеплялась в тело, как крысиные зубы. Рендер повел Эйлин к лифту. Их дыхание облаками клубилось перед ними.

— Холодновато, — заметил он.

Она кивнула.

В лифте он с облегчением вздохнул, размотал шарф и закурил.

— Дайте и мне, пожалуйста, — сказала она, почувствовав запах табака.

Он подал ей.

Они поднимались медленно, и Рендер прислонился к стенке, вдыхая смесь дыма и застывающего пара.

— Я встретил другую мутированную овчарку в Швейцарии. Такая же большая, как Зигмунд. Только это был охотник, как и сам пруссак.

— Зигмунд тоже любит охотиться, — заметила Эйлин. — Два раза в год мы ездим в Северные леса, и я отпускаю его. Он пропадает на несколько дней и возвращается вполне счастливым. Он никогда не рассказывает, что делал, но никогда не приходит голодным. Я думаю, ему бывает нужен отдых от людей, чтобы остаться стабильным. И думаю, что права.

Лифт остановился. Они вышли в холл, и Рендер снова повел ее.

Войдя в кабинет, он ткнул термостат, и по комнате заструился теплый воздух. Их пальто он повесил тут же, в кабинете, и выкатил из гнезда «яйцо». Включив его питание, он начал превращать стол в контрольную панель.

— Как вы думаете, много на это понадобиться времени? — спросила она, пробегая кончиками пальцев по гладким, холодным изгибам «яйца». — Я имею в виду, на полную адаптацию к зрению.

Он задумался.

— Не имею представления. Пока не знаю. Мы начали очень хорошо, но еще очень многое пред-

стоит сделать. Месяца через три я смогу сделать предположения.

Она задумчиво кивнула, подошла к столу и обследовала кнопки легкими, как десять перышек, пальцами.

— Осторожно! Не надавите ни на одну.

— Не буду. Как по-вашему, долго ли мне придется учиться оперировать ими?

— Просто научиться — три месяца. Шесть — чтобы стать достаточно опытной для использования их на ком-то; и еще шесть под постоянным наблюдением — прежде чем вам можно будет доверить самостоятельную работу. Всего вместе — больше года.

— Ох-ох! — она села в кресло.

Рендер прикосновением оживил сезоны, фазы дня и ночи, дыхание сельской местности и города, элементы, движущиеся по небу, и все прочие восприятия движения, которыми он пользовался для построения миров. Он раздробил время и прошелся по семи или более последним векам человечества.

— Хорошо, все готово.

Это произошло быстро и с минимумом воздействия со стороны Рендера. На секунду все стало серым. Затем мертвенно-белый туман. Затем он

сам собой разошелся, как от порыва ветра, хотя Рендер не чувствовал ветра.

Он стоял рядом с ивой у озера, а Эйлин полускрывали ветви и решетка теней. Солнце клонилось к закату.

— Мы вернулись, — сказала она. — Я все время боялась, что это так и не произойдет, но я снова вижу все и вспоминаю.

— Хорошо, — сказал он. — Посмотрите на себя.

Она посмотрела в озеро.

— Я не изменилась.

— Нет.

— А вы изменились, — продолжала она, глядя на него. — Вы стали выше, и еще какая-то разница…

— Нет, — ответил он.

— Значит, я ошиблась, — быстро сказала она. — Я еще не все понимаю, что вижу.

— Ясно.

— Что мы будем делать?

— Смотрите.

На ровной бесцветной реке дороги она увидела машину. Та шла издалека, прыгала по горам, жужжала, взбираясь на холмы, кружилась по прогалинам и расцвечивала их серым и серебристым звучанием своей мощи, и озеро дрожало от

звуков. Машина остановилась в сотне футов за кустарником; это была «С-7».

— Пошли со мной, — сказал Рендер, взяв Эйлин за руку. — Поедем.

Они прошли меж деревьев, обогнули густые кусты. Она дотронулась до гладкого кокона, до его антенны, до окон — и окна сразу просветлели. Она посмотрела через них внутрь машины и кивнула.

— Это ваш спиннер.

— Да. — Он открыл дверцу. — Садитесь. Мы возвращаемся в клуб. Прямо сейчас. Воспоминания еще свежи и будут в меру приятны или нейтральны.

— Приятны, — сказала она, садясь в машину.

Он захлопнул дверцу, обогнул машину и тоже сел. Она смотрела, как он набирает воображаемые координаты. Машина рванула вперед и плавно заскользила мимо деревьев. Рендер чувствовал, что напряжение возрастает, поэтому не стал менять декорации. Эйлин поворачивалась на вращающемся сиденье и осматривала внутренность машины, а затем снова уставилась в окно. Она смотрела на убегающие назад деревья. Рендер увидел рисунок тревоги и затемнил окна.

— Спасибо, — сказала она. — Мне вдруг стало

слишком много видения — все несется мимо, как...

— Понятно, — сказал Рендер, поддерживая ощущение движения. — Я так и предполагал. Но вы становитесь выносливее. Теперь расслабьтесь, — добавил он через минуту, и где-то была нажата кнопка.

Эйлин расслабилась, и они ехали все дальше и дальше. Наконец, машина замедлила ход, и Рендер сказал:

— А теперь один непродолжительный взгляд в окно.

Он пустил в ход все доступные ему стимуляторы, способствующие удовольствию и расслаблению, и выстроил вокруг машины город. Она смотрела сквозь просветленные окна на профили башен и монолитные блоки жилищ, затем увидела три кафетерия, дворец развлечений, аптеку, медицинский центр из желтого кирпича с алюминиевыми кадуцеями над аркой, сплошь застекленную школу, сейчас пустую, еще аптеку и множество машин, припаркованных или несущихся мимо, и людей, входящих и выходящих, идущих мимо домов, садящихся и вылезающих из машин; и было лето, и свет предзакатного солнца лился на город и одежды людей, идущих

по бульвару или стоящих на террасах и балконах, разговаривающих на улице, женщину с пуделем, ракеты, сновавшие высоко в небе.

Затем мир рассыпался, и Рендер аккуратно убрал все осколки. Он поддерживал абсолютный мрак, приглушил все ощущения, кроме чувства движения.

Через некоторое время появился тусклый свет; они все еще сидели в спиннере, окна снова стали непрозрачными.

— Боже! — сказала она. — Мир так наполнен! Я в самом деле видела все это?

— Я не планировал дойти до этого сегодня, но вы захотели. Похоже, что вы были готовы.

— Да, — сказала она, и окна вновь просветлели. Она быстро повернулась.

— Сейчас ничего нет, — сказал он. — Я только хотел, чтобы вы бегло взглянули.

Она смотрела. Снаружи теперь было темно, и они ехали по мосту. Двигались они медленно. Других машин не было. Под ними была плоскость, а в небе множество звезд; они освещали дышащую воду, уходящую под мост. Косые подпоры моста спокойно проходили мимо.

— Вы это сделали, и я вам очень благодарна, — сказала она. — Кто же вы на самом деле?

Скорее всего, он сам хотел, чтобы она спросила об этом.

— Я Рендер. — Он засмеялся.

Они продолжали путь по темному, пустому теперь городу и, наконец, подъехали к клубу, в большой парковочный купол. Там он тщательно исследовал все ее ощущения, готовый убрать окружающий мир, если нужно, но этого не потребовалось.

Они вышли из машины и пошли в клуб, который он решил не переполнять людьми. Они сели за свой столик рядом с комплектом доспехов, недалеко от бара в маленькой комнате, и заказали ту же еду, что и раньше.

— Нет, — сказал он, оглядев себя, — это не мое.

Доспехи снова оказались рядом со столом, а Рендер — в своем сером костюме с черным галстуком и серебряной заколкой в виде трех лепестков.

Оба засмеялись.

— Я не тот тип, чтобы носить жестяной костюм, и хотел бы, чтобы вы перестали видеть меня в нем.

— Простите, — она улыбнулась, — я сама не знаю, зачем и как я это сделала.

— Я знаю, и прошу со мной этого не делать. Итак, я еще раз предупреждаю вас. Вы осозна-

ете факт, что все это иллюзия. Я принял такую модель для вас, потому что она максимально эффективна. Но для большинства моих пациентов это реальность, которую они переживают. Это производит контр-травму, нацеленную на излечение, или последовательность образов, даже более сильную. Но вы знаете условия игры и, хотите вы или нет, это дает вам другой вид контроля, не тот, с каким я обычно имею дело. Прошу вас, будьте осторожны.

— Простите, я не хотела этого.

— Я знаю. Нам принесли еду, которая у нас была.

— Уф! Выглядит она страшно. Неужели мы ели эту дрянь?

— Да, — фыркнул он. — Вот нож, вот вилка, а это ложка. Вот ростбиф, картофельное пюре, горошек, а это масло…

— Боже! Как все это гадко…

— Это — салат, это — речная форель — ммм! Это картофель фри. Это бутылка вина… Ну-ка, посмотрим, ведь всё равно не платить… «Романи Конти» и бутылка «Икема» для… Эй!

Комната закачалась.

Он вмиг очистил стол и уничтожил ресторан. Они снова оказались на прогалине. Сквозь про-

свечивающую ткань мира он видел, как рука двигается по панели. Кнопки нажимались, мир снова становился осязаемым. Их пустой столик стоял теперь у озера, и была летняя ночь, и скатерть казалась очень белой при ярком свете луны.

— Как глупо с моей стороны, — сказал он. — Ужасно глупо. Следовало знакомить с ними постепенно, не со всеми блюдами сразу. Реальный вид того, что прежде вызывало ощущения только во рту, может вызвать сильный стресс. Я так увлекся Творчеством, что забыл о пациенте. Приношу свои извинения.

— Я уже в порядке. В самом деле.

Он вызвал холодный ветер с озера.

— …А это луна, — добавил он извинительным тоном.

Она кивнула. Она носила крошечную луну в центре лба, и эта луна сияла, как и та, над ними, и заливала серебром волосы и платье Эйлин.

На столе стояла бутылка Конти и два бокала.

— Откуда это?

Она пожала плечами. Он налил вино в бокалы.

— Оно может оказаться безвкусным, — сказал он.

— Нет. Попробуй… — она подала ему вино.

Он пригубил и понял, что в вине настоящий *fruité* винограда, выращенного на островах Благословения, упругое ощущение *charnu*, а также *capiteux*, рафинированное из дыма горящего мака. Он вдруг осознал, что его рука, там, над пультом, создает сейчас симфонию чувств, чтобы привести сигналы в соответствие с контрпередачей, неожиданно застигшей его здесь, на берегу озера.

— Да, действительно, — заметил он, — а теперь нам пора возвращаться.

— Так скоро? Я еще не видела кафедрального…

— Да, так скоро.

Он хотел, чтобы мир кончился, и мир кончился.

— Здесь холодно, — сказала она, одеваясь, — и темно.

— Я знаю. Сейчас смешаю какой-нибудь коктейль и уберу машину.

Он мельком глянул на запись сеанса, покачал головой и пошел к бару своего кабинета.

— Это не совсем «Романи Конти», — заметил он, протягивая руку за бутылкой.

— Ну и что ж? Я не против.

В данный момент он тоже был не против. Они выпили, он убрал «яйцо», помог Эйлин надеть

пальто, и они вышли.

Пока они спускались в лифте в подвал, ему вдруг захотелось, чтобы окружающее исчезло, но оно ему не подчинилось.

«Сейчас в стране приблизительно один миллиард восемьдесят миллионов жителей и пятьсот миллионов личных автомобилей. Если человек занимает два квадратных фута поверхности земли, а машина примерно сто двадцать, то становится очевидным, что в то время как люди занимают два миллиарда сто шестьдесят миллионов квадратных футов нашей страны, средства передвижения занимают 67,2 миллиарда квадратных футов, то есть примерно в тридцать один раз большее пространство, чем человеческий род. Если в данный момент половина этих автомобилей движется и содержит в среднем по два пассажира, то соотношение больше чем 47 к одному в пользу машин. Когда страна станет одной сплошной дорогой, люди либо вернутся в моря, откуда вышли, либо станут жить под поверхностью земли, либо эмигрируют на другие планеты, и тогда, возможно, технологическая эволюция сможет развиваться далее по линиям, которые проложили для нее статистики».

Сибил К. Делфи, заслуженный профессор в отставке. Начало речи в Брокенрокском государственном педагогическом колледже, Шетовер, штат Юта.

«Папа, я доковылял из школы до такси, а на такси в космопорт, ради тамошней выставки ВВС «Лики космоса», как она называется. (Ну да, я преувеличил, что ковылял, но все же хождение требует дополнительного внимания).

Все тут нацелено на привлечение молодежи к программе пятилетних контрактов, как я понял, по которым каждый год работаешь в новом месте. Но это сработало. Я хочу присоединиться. Я хочу в Космос. Как ты думаешь, возьмут меня, когда я подрасту? Я имею в виду — в Космос, а не на какую-нибудь работу за канцелярским столом. Как думаешь — возьмут?

Я думаю, да.

Там был один полковник, напыщенный индюк (извиняюсь за свой французский), который увидел шкета, шатающегося вокруг и прижимающего нос к их стеклам, и решил дополнительно его уболтать. Мощно! Он провел меня по Галерее и показал все достижения ВВС, от Лунной базы до Марсопорта. Прочел мне лекцию о Великих Традициях Службы и водил меня в демонстра-

ционную комнату, где крутили фильмы про спецподготовку, настоящие бои в условиях невесомости, где «все решает умение, а не сила», и как делают скульптуры из подкрашенной воды прямо в воздухе… Здорово!

Но если по-серьезному, я хотел бы побывать на всех Пяти Внешних — и дальше. Не потому, что в проспектах наврано или не продумано, а просто думаю, что кто-нибудь более чувствительный мог бы описать всё это более правильно. Такой, как наблюдательный пограничник Френсис Паркмен — у Мэри Остин, кажется. Так вот, я решил туда податься.

Этот мужик из BBC, с цыплячьими крылышками на погонах, хотя бы не пытался учить меня жить. Мы стояли на балконе и следили за взлетающими кораблями, и он говорил мне, что если я буду напряженно учиться, то когда-нибудь отправлюсь на них. Я не стал говорить ему, что я не такой уж недоумок и получу диплом раньше, чем буду достаточно взрослым для применения его где бы то ни было, даже в Службе этого полковника. Я просто посмотрел на взлет корабля и сказал: «Через десять лет я буду смотреть вниз, а не наверх». Затем он рассказал, какой трудной была его собственная тренировка, но я не спросил, чего

ради он связался с таким вшивым назначением, как у него. Теперь, подумав, я рад, что не спросил. Он гораздо больше походил на человека из их рекламы, чем кто-нибудь из реальных людей. Надеюсь, я никогда не буду походить на типа из рекламы.

Спасибо тебе за монеты, и за теплые носки, и за струнные квинтеты Моцарта, которые я слушаю прямо сейчас. Я хотел бы получить разрешение побывать на Луне, вместо того, чтобы ехать на лето в Европу. Может быть?.. Возможно?.. Вдруг?.. Ну, а если я все же пройду тот сложный тест, который ты сейчас для меня придумываешь?.. Но в любом случае, пожалуйста, подумай насчет этого.

Твой сын Пит».

— Алло. Психиатрический институт.

— Я хотела бы записаться на обследование.

— Минуточку. Я соединю вас с бюро предварительной записи.

— Алло, бюро записи.

— Я хотела бы записаться на обследование.

— Минуточку… Какого рода обследование?

— Я хочу увидеть доктора Шаллот, Эйлин Шаллот. Как можно скорее.

— Сейчас… Я посмотрю ее расписание. Вас

устроит следующий вторник, два часа?

— Прекрасно.

— Ваше имя, пожалуйста.

— ДеВилл. Джил ДеВилл.

— Хорошо, мисс ДеВилл. Значит, в два часа, во вторник.

— Спасибо.

Человек шел рядом с шоссе. По шоссе шли машины. На полосе высокой скорости они мелькали, как расплывающиеся пятна. Движение было слабое.

Было 10:30 холодного утра.

Меховой воротник у человека был поднят, руки засунуты в карманы, сам он наклонялся на ветру. По ту сторону ограды дорога была сухой и чистой.

Утреннее солнце закрыли тучи. При пасмурном освещении человек видел деревья за четверть мили.

Шаг его не менялся. Глаза не отрывались от деревьев. Мелкие камешки хрустели под ногами.

Дойдя до деревьев, он снял пальто и аккуратно сложил его. Он положил пальто на землю и полез на дерево.

Когда он долез до ветви, которая тянулась над оградой, то посмотрел, нет ли приближающихся

машин, затем повис на этой ветке, держась обеими руками, опустился вниз и спрыгнул на шоссе.

Это была идущая на восток половина шоссе, шириной в сто ярдов. Человек быстро глянул налево, убедился, что машин пока нет, и пошел к центральному «острову». Он понимал, что может не достичь его. В это время дня машины шли по высокоскоростной полосе со скоростью приблизительно сто шестьдесят миль в час. Но он пошел.

Машина пронеслась позади него. Он не оглянулся. Если окна были затемнены, как это обычно бывает, то пассажиры даже не знали, что он пересек их путь. Потом они, вероятно, услышат об этом и осмотрят перед и зад машины, нет ли признаков наезда.

Машина промелькнула перед ним. Окна были прозрачные. На мгновение предстали два лица, раскрывшие рты в виде буквы «О», а затем исчезли. Его собственное лицо ничего не выражало. Оно ничуть не изменилось. Еще две машины пролетели мимо. Окна были темными. Он прошел по шоссе уже ярдов двадцать.

Двадцать пять…

Ветер или что-то еще под ногами сказали ему, что идет машина. Он даже не взглянул, но углом

глаза заметил приближающийся силуэт. Походки не изменил.

У Сесила Грина окна слегка просвечивали, потому что ему так нравилось. Его левая рука была под ее блузкой, юбка ее скомкана на коленях, а его правая рука лежала на рычаге, опускающем сиденья. Вдруг девушка откинулась назад, издав горловой звук.

Его рука дернулась влево.

Он увидел идущего человека.

Он увидел только профиль, так как человек не повернулся к нему и не изменил походки.

А затем он уже не видел человека.

Легкое дребезжание, и ветровое стекло начало само очищаться. Сесил Грин ехал дальше. Затемнив окна.

— Как?.. — спросил он, когда она снова была в его объятиях, и всхлипнул.

— Монитор почему-то не задержал его…

— Он, видимо, не коснулся ограды…

— Наверное, он спятил!

— Все равно, его должны были сразу же задержать.

«Это лицо могло быть любое… Мое?»

Испуганный Сесил опустил сиденья.

— Привет, ребятки. Это крупный план большой,

жирной, запачканной табаком улыбки, которой вы только что были вознаграждены. Но хватит юмора. Сегодня вечером мы отойдем от нашего необыкновенного неофициального формата. Мы начнем с тщательно придуманного драматического представления по последней арт-моде.

Мы собираемся играть Миф.

Только после основательного проникновения в душу и болезненного самоанализа мы решили сыграть для вас сегодня именно *этот* миф.

Да, я жую табак — с краснокожим на пачке, подлинной фабричной маркой.

Теперь, когда я буду скакать по сцене и плеваться, кто первый установит мифическую основу этого? Не увлекайтесь фонами. Пуск!

Ладно, леди и джентльмены и все прочие: я — бессмертный Тифон, и мне ничего не стоит превратиться на ваших глазах в кузнечика. Пуск!

Для моего следующего номера нужно больше света.

Больше чем сейчас. Пуск!

Еще больше света…

Слепящий свет!

Очень хорошо. Пуск!

Теперь — вот я, в пилотской куртке, солнечных

очках, шелковом шарфе!

Где мой хлыст?

Ладно, все готово.

Эй, вы, шелудивые! Пошел! Хо! Хо! Вверх! Вверх, в воздух, бессмертные лошади! Поднимайтесь туда!

Больше света!

Эй, лошади! Быстрее! Выше! Папа и мама смотрят, и моя девушка внизу! Давай-давай! Не позорьтесь на этой высоте! Еще!

Какого дьявола *это* лезет ко мне? Оно похоже на молнию… ааааах!

Ух. Это был Фаэтон в «слепом витке» на солнечной колеснице.

Вы все, наверное слышали старую поговорку: только Бог может быть един в трех лицах. Так вот, этот миф называется «Аполлон и Дафнис». Да убейте вы эти юпитеры!..

Чарльз Рендер писал главу «Некрополь» своей первой за четыре года книги: «Недостающее звено — это человек». После своего возвращения он освободил себе послеобеденное время каждого вторника и четверга для работы над ней, закрывался в своем кабинете и заполнял страницы своими обычными неразборчивыми каракулями.

«У смерти множество ликов, в противоположность самому процессу умирания…» — писал он, когда зажужжал интерком коротко, длинно и опять коротко.

— Да? — спросил он, повернув выключатель.

— К вам… посетитель.

Рендер встал, положил в карман баллончик с аэрозолем, открыл дверь и выглянул.

— Доктор… помоги…

Он сделал три шага и опустился на колено.

— В чем дело?

— Едем, она… больна.

— Больна? Как? Что случилось?

— Не знаю. Поедем.

Рендер пристально вгляделся в нечеловеческие глаза.

— Что за болезнь? — настаивал он.

— Не знаю, — повторил пес. — Не говорит. Молчит. Я… чувствую, она больна.

— Как ты добрался сюда?

— Машина. Знаю ко-ор-ди-наты… Оставил машину снаружи.

— Я сейчас позвоню ей.

— Не стоит. Не ответит.

Зигмунд оказался прав.

Рендер вернулся в кабинет за пальто и вра-

чебным чемоданчиком. Он выглянул в окно и увидел, что машина Эйлин припаркована у самой грани, где монитор освободил ее от своего контроля. Если никто не возьмет на себя управление, она автоматически перейдет на длительную стоянку. Другие машины будут объезжать ее.

«Машина так проста, что даже собака может управлять ею, — подумал Рендер. *Лучше спуститься, пока не явился ремонтный крейсер. Машина уже, наверное, отрапортовала, что стоит здесь. А может, и нет. Может, несколько минут еще есть в запасе».*

Он кинул взгляд на огромные часы.

— Ладно, Зиг, поехали.

Они опустились в лифте на первый этаж, вышли через главный вход и поспешили к машине.

Мотор все еще работал вхолостую.

Рендер открыл пассажирскую дверцу, и Зигмунд прыгнул внутрь. Рендер втиснулся на сиденье водителя, но собака уже набирала лапой координаты и адрес.

«Похоже, я выбрал не то сиденье», — подумал Рендер. Он закурил, а машина уже неслась в подземном проходе. Выйдя из туннеля, машина на мгновение замерла, а затем влилась в поток движения. Собака направила ее на скоростную

полосу.

— Ох, — сказал пес. — Ох.

Рендеру захотелось погладить его по голове, но, взглянув, он увидел оскаленные зубы и решил отказаться от этого намерения.

— Когда она начала вести себя необычно? — спросил он.

— Пришла домой с работы. Не ела. Не отвечала, когда я говорил. Просто сидела.

— Раньше такое бывало?

— Нет.

«Что могло стрястись? Может, просто был тяжелый день? В конце концов, Зигмунд всего лишь собака, как ему определить? Нет. Он бы знал. Но что же тогда?»

— А как было вчера и сегодня утром, когда она уходила из дому?

— Как всегда.

Рендер попытался еще раз позвонить ей, но ответа по-прежнему не было.

— Ты сделал это, — сказала собака.

— Что ты хочешь сказать?

— Глаза. Зрение. Ты. Машина. Плохо.

— Нет, — сказал Рендер.

— Да. — Собака снова повернулась к нему. — Ты хочешь делать ей хорошо?

— Конечно.

Зигмунд снова уставился вдаль.

Рендер чувствовал себя физически собранным, но мысль почти не работала. Он вяло пытался понять, что именно не так пошло с самого первого сеанса. В Эйлин Шаллот было что-то, нарушающее порядок: комбинация высокого интеллекта и беспомощности, решительности и уязвимости, чувствительности и горечи.

«Не находил ли я это особо привлекательным? Нет. Просто это обратная передача, черт ее возьми!»

— От тебя пахнет испугом, — сказала собака.

— Тогда раскрась меня в испуг, — сказал Рендер, — и переверни страницу.

Серией поворотов они замедлили ход, снова перешли на быстрый, опять на медленный. Наконец, машина поехала по узкой части дороги, свернула на боковую улицу, проехала еще с полмили, негромко щелкнула чем-то на стоянке позади высокого кирпичного жилого дома. Щелчок, видимо, означал переключение на отдельную следящую систему, которая включилась, когда монитор отпустил машину, потому что та проползла через стоянку, вошла в свое прозрачное стойло и остановилась. Рендер выключил

зажигание.

Зигмунд уже открыл дверцу. Рендер прошел за ним в здание, и они поднялись в лифте на пятидесятый этаж. Затем собака прошла по коридору и нажала носом пластинку на двери. Дверь приоткрылась на несколько дюймов. Собака распахнула ее плечом и вошла. Рендер вошел следом и закрыл за собой дверь.

Комната была большая, стены выглядели симпатично и без всяких украшений, окраска их была приятной. Один угол занимала большая библиотека аудиозаписей; рядом стоял устрашающего вида комбинированный радиоприемник. Перед окном большой кривоногий стол, вдоль правой стены — низкая софа; рядом с ней закрытая дверь; сводчатый проход, по-видимому, вел в другие комнаты. Эйлин сидела в мягком кресле в дальнем углу у окна. Зигмунд встал возле кресла.

Рендер перешел комнату и достал из портсигара сигарету. Щелкнув зажигалкой, он держал пламя, пока Эйлин не повернула в его сторону голову.

— Сигарету? — спросил он.

— Чарльз?

— Да.

— Спасибо, да. Пожалуй, закурю. — Она протянула руку, приняла сигарету и поднесла к губам. — Спасибо. А что вы здесь делаете?

— Общественный вызов. Так случилось, что я был по соседству.

— Я не слышала ни звонка, ни стука.

— Может, вы задремали. Мне открыл Зигмунд.

— Да, возможно, что задремала. Который час?

— Почти половина пятого.

— Значит, я дома больше двух часов… Видимо, очень устала…

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Чашку кофе?

— Не откажусь.

— А бифштекс к нему?

— Нет, спасибо.

— Бакарди в кофе?

— Неплохо бы.

— Тогда извините, я на одну минутку.

Она вышла в дверь рядом с софой, и Рендер мельком увидел там большую сверкающую автоматическую кухню.

— Ну? — тихо спросил он собаку.

Зигмунд покачал головой.

— Обычно другая.

Рендер кивнул. Он положил пальто на софу,

аккуратно сложил его на чемоданчике, сел рядом и задумался.

«Не слишком ли большой ломоть видения я бросил ей за один раз? Может, она страдает от депрессивных побочных эффектов — скажем, подавления воспоминаний, нервной усталости? Может, я каким-то образом вывел из равновесия ее сенсорно-адаптационный синдром? Незачем было спешить. Неужели я так чертовски жаждал описать это? Или я это делал по ее желанию? Могла ли она повлиять на меня, сознательно или бессознательно? Или просто я оказался настолько уязвимым?»

Она окликнула его из кухни, чтобы он взял поднос. Он поставил его на стол и сел напротив Эйлин.

— Хороший кофе, — сказал он, обжигая губы.

— Качественная машина, — ответила она, поворачивая лицо на его голос.

Зигмунд растянулся на ковре неподалеку от стола, положил голову между передних лап, вздохнул и закрыл глаза.

— Я подумал, — сказал Рендер, — не было ли каких-нибудь постэффектов в последний сеанс — вроде роста синестезии, появления сновидений, включающих формы, галлюцинаций или…

— Да, — сказала она ровно, — сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. Я видела его снова и снова во сне.

— С начала до конца?

— Нет, соблюдения порядка событий не было. Мы ехали по городу или через мост, или сидели за столиком, или шли к машине — вот такие всплески, очень живые.

— Какие ощущения сопровождали эти… всплески?

— Не скажу. Всё перепуталось.

— А каковы ваши ощущения теперь, когда вы вспоминаете их?

— Такие же перемешанные.

— Вы не были испуганы?

— Н-нет. Не думаю.

— Вы не хотели бы отдохнуть от сеансов? Вам не кажется, что мы действуем слишком быстро?

— Нет. Отнюдь. Это… ну, вроде как учиться плавать. Когда вы, наконец, научились, вы плаваете до изнеможения. Затем ложитесь на берегу, хватаете ртом воздух и вспоминаете, как все было, а ваши друзья болтаются рядом и ругают вас за перенапряжение — и это хорошее ощущение, хоть вам и холодно, и во всех мышцах иголки. Я,

во всяком случае, думаю, что именно так. Я так чувствовала себя и после первого сеанса, и после последнего. Первый раз — он всегда особенный… Иголки исчезают, и я снова обретаю дыхание. Господи, я совершенно не могу остановиться сейчас! Я чувствую себя отлично.

— Вы часто спите днем?

Десять красных ногтей двинулись через стол, когда она потянулась.

— …Устала, — она улыбнулась, скрывая зевок. — Половина штата в отпуске или болеет, и я всю неделю перенапрягала мозги. Чуть не ползком уходила с работы. Но сейчас все в порядке, я отдохнула. — Она взяла чашку обеими руками и сделала большой глоток.

— Угу, — сказал Рендер, — хорошо. Я немножко беспокоился о вас и рад видеть, что причин для этого нет.

Она рассмеялась.

— Беспокоились? Вы же читали записи доктора Рискомба о моем обследовании и об испытании в «яйце», как же вы можете думать, что обо мне нужно беспокоиться? Ха! У меня операционно-полезный невроз, имеющий отношение к моей адекватности как человеческого существа. Он фокусирует мою энергию, координирует мои

усилия к достижению. Это повышает чувство личности…

— У вас дьявольская память, — заметил Рендер. — Почти стенографический отчет.

— Конечно.

— Зигмунд сегодня тоже беспокоился о вас.

— Зиг? Как это?

Пес смущенно шевельнулся, открыл один глаз.

— Да, — проворчал он, глядя на Рендера. — Он был нужен, привезти домой.

— Значит, ты снова водил машину?

— Да.

— После того, как я тебе запретила?

— Да.

— Зачем?

— Я ис-пугался. Ты не отвечала, когда я говорил.

— Я *в самом деле* устала. А если ты еще раз возьмешь машину, то я буду закрывать дверь так, чтобы ты не мог входить и выходить по своему желанию.

— Прости…

— Со мной все в порядке.

— Я вижу.

— *Никогда* больше не делай этого.

— Прости.

Глаз собаки не покидал Рендера; он был как зажигательное стекло. Рендер отвел взгляд.

— Не будьте жестоки к бедняге, — сказал он. — В конце концов, он думал, что вы больны, и поехал за врачом. А если бы он оказался прав? Вам бы следовало благодарить его, а не ругать.

Успокоенный Зигмунд закрыл глаз.

— Ему надо выговаривать, когда он поступает неправильно, — закончила Эйлин.

— Я полагаю, — сказал Рендер, отпив кофе, — что ничего плохого из-за этого не случилось. Раз уж я здесь, поговорим о деле. Я кое-что пишу и хотел бы узнать ваше мнение.

— Великолепно. Пожертвуете мне сноску?

— Даже две или три. По-вашему мнению, общая основа мотиваций, ведущих к самоубийству, различна в разных культурах?

— По моему хорошо обдуманному мнению — нет. Разочарования могут привести к депрессии или злобе; если же они достаточно сильны, то могут вести и к самоуничтожению. Вы спрашиваете насчет мотиваций: я думаю, что они остаются в основном теми же самыми. Я считаю, что это внекультурный, вневременной аспект человеческого состояния. Не думаю, что он может изменится без изменения основ природы

человека.

— Ладно. Над этим подумаем. Теперь, как насчет побудительного элемента? Возьмем человека спокойного, со слабо меняющимся окружением. Если его поместить в сверхзащищенную жизненную ситуацию — как вы думаете, будет она подавлять его или побуждать к ярости в большей степени, чем если бы он не был в таком охраняющем окружении?

— Хм… В каком-то другом случае я бы сказала, что это зависит от человека. Но я вижу, к чему вы ведете: многие расположены выскакивать из окон без колебаний — окно даже само откроется для вас, потому что вы его об этом попросите, — и это можно понять как недовольство скучающих масс. Но мне не нравится такая точка зрения. Я надеюсь, что она ошибочная.

— Я тоже надеюсь, но я думаю также о символических самоубийствах — функциональные расстройства, которые случаются по самым неубедительным причинам.

— Ага! Это ваша лекция в прошлом месяце: аутопсихомимикрия. Хорошо сказано, но я не могу согласиться.

— Теперь и я тоже. Я переписал всю главу «Танатос в стране небесных кукушек», как я ее назвал.

На самом деле, инстинкт смерти где-то на самой поверхности.

— Если я вам дам скальпель и труп, можете вы вырезать инстинкт смерти и дать мне ощупать его?

— Нет, — сказал он с усмешкой в голосе, — в трупе все это уже израсходовано. Но найдите мне добровольца, и он своим добровольным согласием докажет мои слова.

— Ваша логика неуязвима, — улыбнулась Эйлин. — Выпьем еще кофе, ладно?

Рендер пошел в кухню, сполоснул чашки и налил кофе, выпил стакан воды и вернулся в комнату. Эйлин не шевельнулась, Зигмунд тоже.

— Что вы делаете, когда не работаете Творцом? — спросила она.

— То же, что и большинство: ем, пью, сплю, разговариваю, посещаю друзей и недругов, езжу по разным местам, читаю…

— Вы склонны прощать?

— Иногда. А что?

— Тогда простите меня. Сегодня у меня была ссора с женщиной по фамилии ДеВилл.

— Из-за чего?

— Она обвинила меня в таких вещах, что лучше бы моей матери и не родить меня. Вы собираетесь

жениться на ней?

— Нет. Брак — это вроде алхимии. Когда-то он служил важной цели, но теперь — едва ли.

— Хорошо.

— А что вы ей сказали?

— Я дала ей карту направления, где был записан результат обследования: «Диагноз: сука. Предписание: лечение успокаивающими средствами и плотный кляп».

— О, — сказал Рендер с явным интересом.

— Она разорвала карту и бросила мне в лицо.

— Интересно, зачем это все?

Она пожала плечами, улыбнулась.

— «Отцы и старцы, — вздохнул Рендер, — я размышляю, что есть ад?»

— «Я считаю, что это страдание от неспособности любить», — закончила Эйлин. — Ведь Достоевский прав?

— Сомневаюсь. Я бы назначил ему групповую терапию. Это был бы *реальный* ад для него — со всеми этими людьми, действующими, как его персонажи, и радующимися этому.

Рендер поставил чашку и отодвинулся от стола.

— Полагаю, что вы теперь должны идти?

— Должен, в самом деле.

— Позвольте поинтересоваться: вы пойдете пешком?

— Нет.

Она встала.

— Ладно. Сейчас надену пальто.

— Я могу доехать один и отправить машину обратно.

— Нет! Меня пугает идея пустых машин, катающихся по городу. Это будет угнетать меня недели две. Кроме того, вы обещали мне кафедральный собор.

— Вы хотите сегодня?

— Если смогу уговорить вас.

Рендер встал, размышляя. Зигмунд поднялся тоже и встал рядом с Рендером, глядя вверх, в его глаза. Он несколько раз открывал и закрывал пасть, но не выдал ни звука. Затем он повернулся и вышел из комнаты.

— Нет! — голос Эйлин вернул его назад. — Ты останешься здесь до моего возвращения.

Рендер надел пальто и запихнул свой чемоданчик в просторный карман.

Когда они шли по коридору к лифту, Рендеру показалось, что он услышал слабый, далекий вой.

В этом месте, в отличие от всех прочих, Рендер знал, что он хозяин всего.

Он был как дома в тех чужих мирах без времени, где цветы спариваются, а звезды сражаются в небе и падают на землю, обескровленные, где в морях, затаившись, спускаются вниз, в глубину, из пещер возникают руки, размахивающие факелами, пламя которых похоже на жидкие лица — все это Рендер знал, потому что лучшую часть последнего десятилетия он провел, посещая эти миры в научных командировках. Здесь он мог одним движением пальца пленить колдунов, судить их за измену королевству, мог казнить их, мог назначить им преемников.

К счастью, сегодняшнее путешествие было скорее визитом вежливости…

Он шел по прогалине, разыскивая Эйлин. И чувствовал ее пробуждающееся присутствие повсюду вокруг себя.

Он продрался сквозь ветви и остановился у озера. Оно было холодное, голубое, бездонное, в нем отражалась та стройная ива, которая уже бывала станцией прибытия Эйлин.

— Эйлин!

Все листья на иве разом пожухли и попадали в воду. Дерево перестало качаться. В темнеющем небе раздался странный звук, вроде гудения высоковольтных проводов в морозный день.

На небе вдруг появилась двойная шеренга лун. Рендер выбрал одну, потянулся и нажал на нее. Остальные тут же исчезли, и мир осветился. Гуденье в воздухе смолкло.

Он обошел озеро, чтобы немного прийти в себя, получить субъективную передышку от действия отбрасывания и отражающего удара. Пошел к тому месту, где хотел поставить собор. Теперь на деревьях пели птицы. Ветер мягко прошелестел мимо. Рендер очень сильно чувствовал присутствие Эйлин.

— Сюда, Эйлин. Сюда.

Она оказалась рядом с ним. Зеленое шелковое платье, бронзовые волосы, изумрудные глаза, на лбу изумруд. Зеленые туфли скользили по сосновым иглам.

— Что случилось? — спросила она.

— Вы были испуганы.

— Чем?

— Наверное, боитесь кафедрального собора. Может, вы ведьма? — он улыбнулся.

— Да, но сегодня у меня выходной.

Он засмеялся, взял ее за руку, они обошли зеленый остров, и там, на травянистом холме, уже стоял кафедральный собор, возносящийся выше деревьев; он вздыхал органными трубами, в его

стеклах отражались солнечные лучи.

— Держите крепче контакт с миром, — сказал он. — С этого места гиды начинают обход.

Они вошли.

— «…колоннами от пола до потолка, так похожими на древесные стволы, он добивается жесткого контроля над пространством…» — сказал Рендер. — Это из путеводителя. Мы находимся в северном приделе…

— «Зеленые рукава», — сказала она. — Орган играет «Зеленые рукава».

— Верно. Вы не можете порицать меня за это.

— Я хочу быть ближе к музыке.

— Прекрасно. Вот сюда.

Рендер чувствовал, что что-то не так, но не мог сказать, что именно. Все выглядело так основательно…

Что-то быстро пронеслось высоко над собором и произвело звучный гул. Рендер улыбнулся, вспомнив теперь. Это было вроде оговорки: он на миг спутал Эйлин с Джил — да, вот что случилось.

Но почему же тогда…

Алтарь сиял белизной. Рендер никогда и нигде не видел такого. Все стены были темными и холодными. В углах и высоких нишах горели свечи.

Орган гремел, управляемый невидимкой.

Рендер понимал, что что-то тут неправильно.

Он повернулся к Эйлин Шаллот. Зеленый конус ее шляпы возвышался в темноте, таща клок зеленой вуали. Ее горло было в тени, но…

— Где ожерелье?

— Не знаю. — Она улыбалась, держа бокал, отливающий розовым. В нем отражался ее изумруд.

— Выпьете? — спросила она.

— Стойте спокойно, — приказал он.

Он пожелал, чтобы стены обрушились. Они начали медленно расплываться в тени.

— Стойте спокойно, — повторил он повелительно. — Не делайте ничего. Постарайтесь даже не думать. Падайте, стены! — закричал он, и стены взлетели в воздух, и крыша поплыла вверх и вверх, и они стояли среди развалин, освещенных единственной свечой. Ночь была черна как уголь.

— Зачем вы это сделали? — спросила она, протягивая ему бокал.

— Не думайте. Не думайте ни о чем. Расслабьтесь. Вы очень устали. Как эта свеча мерцает и гаснет, так и ваше сознание. Вы с трудом держитесь в бодрствующем состоянии. Вы едва стоите

на ногах. Ваши глаза закрываются. Да здесь и смотреть не на что.

Он пожелал, чтобы свеча погасла. Но она продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпейте.

Он слышал сквозь ночь органную музыку. В другое время он не сразу бы ее узнал.

— Мне нужно ваше сотрудничество.

— Пожалуйста. Все, что угодно.

— Смотрите! Луна! — показал он.

Она взглянула вверх, и из-за черной тучи вышла луна.

— И еще, и еще…

В темноте прошли луны, как нитка жемчуга.

— Последняя будет красной, — сказал он.

Так и было.

Он вытянул указательный палец, откинул руку далеко в сторону, вне поля зрения Эйлин, и хотел коснуться красной луны.

Рука его ощутила боль; ее обожгло. Он не мог шевельнуть ею.

— Проснитесь же! — завопил он.

Красная луна исчезла, и белые тоже.

— Пожалуйста, выпейте.

Он вышиб бокал из ее руки и отвернулся. Когда он снова повернулся к ней, она по-прежнему

держала бокал.

— Выпьете?

Он повернулся и бросился в ночь.

Это напоминало бег сквозь высокий — выше пояса — снежный покров. Это было неправильным выбором. Он усложнил задачу этим бегством — уменьшил свою силу, а силу Эйлин увеличил. И это вытянуло из него энергию, высушило его.

Он стоял во мраке.

— Этот мир движется вокруг меня, — сказал он. — Я — его центр.

— Пожалуйста, выпейте, — сказала она, и он очутился на прогалине, рядом с их столиком у озера. Озеро было черное, а луна серебряная, и висела она высоко, он не мог до нее дотянуться. На столе мигала единственная свеча, и ее свет делал волосы и платье Эйлин серебряными. На лбу Эйлин была луна. На белой скатерти рядом с широкогорлым винным бокалом стояла бутылка «Конти». Бокал был полон, и розовые пузырьки пенились по краю. Рендера мучила жажда, а Эйлин была прекраснее всех, кого он когда-либо видел, и ожерелье ее сверкало, и с озера дул холодный ветер, и было здесь что-то, что он должен был вспомнить…

Он шагнул к ней, и его доспехи слегка зазвене-

ли. Он потянулся к бокалу, но его рука болезненно застыла и упала вдоль тела.

— Вы ранены!

Он медленно повернул голову. Из открытой раны на бицепсе лилась кровь, стекала по руке и капала с пальцев. Броня была проломлена. Он заставил себя отвернуться.

— Выпей, любимый, это излечит тебя. Я подержу бокал.

Он смотрел на нее, пока она подносила бокал к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Она не ответила, но ответило что-то из плещущей воды озера:

— *Ты Рендер, Творец.*

— Да, я вспоминаю, — сказал он, и, повернувшись мысленно к той лжи, которая могла сломать всю иллюзию, заставил себя сказать:

— Эйлин Шаллот, я ненавижу вас.

Мир закачался и поплыл вокруг него, вздрагивая, как от рыданий.

— Чарльз! — взвизгнула Эйлин, и мрак упал на них.

— Очнитесь! Очнитесь! — кричал он, и его правая рука болела и горела и кровоточила в темноте.

Он стоял один на белой равнине, безмолвной и бесконечной, склоняющейся к краям мира. Она испускала собственный свет, и небо было не небом, а пустотой, ничем.

Ничто. И он был один. Его собственный голос эхом возвращался к нему с конца мира: «…ненавижу вас», — говорило эхо, — «…ненавижу вас».

Он упал на колени. Он снова был Рендером.

Он хотел закричать.

Над равниной появилась красная луна, бросающая призрачный свет на всю протяженность равнины. Слева поднялась стена гор, и такая же — справа.

Он поднял правую руку, поддерживая ее левой, вытянул указательный палец и потянулся к луне.

С черных высот пришел вой, страшный плачущий крик — получеловеческий, весь — вызов, отчаяние и сожаление. Затем Рендер увидел его, шагающего по горам, сбивающего хвостом снег с самых высоких пиков — последнего волка-оборотня Севера, Фенрира, сына Локи, бушующего в небе.

Фенрир прыгнул в воздух и проглотил луну. Затем приземлился неподалеку от Рендера; его огромные глаза горели желтым огнем. Он крался

к Рендеру на бесшумных лапах через холодные белые поля, лежащие между горами, и Рендер отступал от него, поднимаясь и опускаясь по холмам, через трещины и ущелья, мимо сталагмитов и башенок, по ледникам, вдоль замерзших рек, все вниз и вниз, пока жаркое дыхание зверя не обдало его и смеющаяся пасть не раскрылась над ним.

Рендер увернулся, и ноги его стали двумя сверкающими реками, уносящими его прочь.

Мир проносился мимо него. Рендер скользил по склонам. Вниз. Быстрее… Прочь…

Он оглянулся через плечо.

Вдалеке серая тень неслась за ним. Рендер чувствовал, что зверь легко сократит разрыв, если захочет. Надо двигаться быстрее.

Мир вокруг него завертелся. Повалил снег.

Он ускорил бег.

Впереди смутно проступал неровный контур.

Рендер прорывался сквозь пелену снега, который, казалось, шел теперь вверх, с земли.

Он приближался к искореженному предмету.

Приближался, как пловец — неспособный открыть рот и крикнуть из боязни захлебнуться, и тогда о нем никто так и не узнает.

Он уже был неспособен управлять своим дви-

жением; его несло, как прибоем, к обломкам, и, наконец, он остановился рядом с ними.

Некоторые вещи никогда не меняются. Это вещи, которые давно перестали быть предметами и остались исключительно как не зарегистрированные случаи вне порядка последовательности событий, именуемого Временем.

Рендер стоял здесь и не беспокоился, что Фенрир может прыгнуть на него сзади и съесть его мозг. Он закрыл глаза, но не мог перестать видеть. Сейчас не мог. Его ничто не беспокоило. Большая часть его самого лежала мертвой у его ног.

Раздался вой. Серая тень мелькнула мимо Рендера. Злобные глаза и кровожадная пасть появились на фоне искореженной машины, клыки стали впиваться в сталь, прогрызая ее, дробя стекло, добираясь до лежащего внутри…

— Нет, зверь! — закричал Рендер. — Мертвые священны! *Мои* мертвые священны!

В его руке появился скальпель, и он яростно и умело полосовал сухожилия, бугры мускулов напряженных плеч, мягкое брюхо, канаты артерий.

Рыдая, расчленял он чудовище, часть за частью, и оно истекало кровью, пачкая машину и останки в ней адским звериным соком; кровь

капала и лилась, пока вся равнина не покраснела и не скорчилась.

Рендер упал поперек разбитого капота, и тут было мягко, тепло и сухо. Он рыдал.

— Не плачь, — сказала она.

Он крепко ухватился за ее плечо. Рядом было черное озеро под луной из веджвудского фарфора. На их столике колыхалось пламя единственной свечи. Эйлин держала бокал у его губ.

— Пожалуйста, выпейте это.

— Да, давайте.

Он глотнул вина; оно было сама мягкость и легкость. Оно согрело его, и он почувствовал, что сила возвращается.

— Я…

— *Рендер, Творец,* — плеснуло озеро.

— Нет!

Он повернулся и снова побежал, высматривая обломки. Ему необходимо попасть туда, он должен вернуться…

— Ты не можешь.

— Могу! — закричал он. — Могу, если постараюсь…

Языки желтого пламени свились кольцами в густом воздухе. Желтые змеи. Они обвились вокруг его лодыжек. Затем из мрака выступил его

двухголовый Враг.

Поток мелких камней прогрохотал мимо него. Одуряющий запах ввинчивался в нос и в голову.

— Творец! — промычала одна голова.

— Ты вернулся для расплаты! — сказала другая.

Рендер вглядывался, припоминая.

— Не для расплаты, Томиель, — сказал он. — Я уже победил тебя и сковал во имя Ротмана… да, Ротмана, каббалиста. — Он начертил в воздухе пентаграмму. — Уходи в Клипот. Я изгоняю тебя.

— Клипот — это здесь.

— …Именем Хамаэля, ангела крови, именем воинства Серафимов, во имя Элохима Гебора приказываю тебе исчезнуть!

— Не сейчас, — засмеялись обе головы.

Враг двинулся вперед. Рендер медленно отступал, его ноги связывали желтые змеи. Он чувствовал, что за ним разверзается пропасть. Мир рассыпался на мозаику. Рендер видел отделяющиеся куски.

— Сгинь!

Гигант заревел в обе глотки. Рендер споткнулся.

— Сюда, любимый!

Она стояла в маленькой пещере справа. Он

покачал головой и попятился к пропасти.

Томиель потянулся к нему. Рендер покачнулся на краю.

— Чарльз! — взвизгнула она, и с ее воплем сам мир качнулся в сторону.

— Значит, *Vernichtung*, — ответил он, падая. — Я присоединюсь к тебе в темноте.

Все завершилось.

— Я хотел бы видеть доктора Чарльза Рендера.

— К сожалению, это невозможно.

— Но я примчался сюда, только чтобы поблагодарить его. Я стал новым человеком! Он изменил всю мою жизнь!

— Мне очень жаль, мистер Эриксон, но, когда вы позвонили утром, я сразу сказал вам, что это невозможно.

— Сэр, я член Палаты представителей Эриксон… и Рендер однажды оказал мне большую услугу.

— Вот и вы окажи́те ему услугу — уезжайте домой.

— Вы не можете говорить со мной таким тоном!

— Могу. Пожалуйста, уходите. Может быть, в следующем году…

— Но несколько слов могут заинтересовать…

— Приберегите их.

— Передайте ему: я… я извиняюсь…

Как ни была она восхитительна, порозовевшая от зари, брызгающая, испаряющаяся чаша моря — он знал, что это вот-вот кончится. Тем не менее…

Он спустился по лестнице высокой башни и вышел во внутренний двор. Прошел через беседку роз и посмотрел на соломенную постель в центре беседки.

— Доброе утро, милорд, — сказал он.

— И тебе того же, — сказал рыцарь.

Его кровь окропляла землю, цветы, траву, забрызгала его доспехи, капала с пальцев.

— Никак не заживает?

Рыцарь покачал головой.

— Я пустой. И жду.

— Ваше ожидание скоро кончится.

— Что ты имеешь в виду? — рыцарь сел.

— Корабль. Подходит к гавани.

Рыцарь встал и прислонился к замшелому стволу дерева. Он смотрел на огромного бородатого слугу, который продолжал говорить с грубым варварским акцентом:

— Он идет, как черный лебедь по ветру. Возвращается.

— Черный, говоришь? Черный?

— Паруса черные, лорд Тристан.

— Врешь!

— Хотите увидеть сами? Ну, смотрите. — Слуга сделал жест.

Земля задрожала, стены упали. Пыль взметнулась и осела. Стал виден корабль, входящий в гавань на крыльях ночи.

— Нет! Ты солгал! Смотри — они белые!

Заря танцевала на воде. Паруса корабля отбрасывали тень.

— Нет, глупец! Черные! Они *должны* быть черными!

— Белые! Белые! Изольда! Ты сохранила веру! Ты вернулась! — Он побежал к гавани.

— Вернитесь! Вы ранены! Вы больны! Стоп…

Паруса белели под солнцем — сияющей красной кнопкой, к которой поспешно потянулся слуга.

Упала ночь